Полный текст книги “Колин Уилсон Юнг”

Смотрите другие форматы

К.Дж.

ЮНГ

ПСИХОЛОГИЯ/БИОГРАФИЯ

КАТАЛОГИ ИЗ:- MAGIS BOOKS ЭШБИ-РОУД, 98 ЛАФБОРО ЛЕСТЕРШИР, LE11 3AF ТЕЛ. 0509 210626

К.Г.

Карл Густав Юнг - одна из выдающихся фигур нашего столетия. Чрезвычайно влиятельный и оригинальный мыслитель, Юнг некоторое время был главным учеником Фрейда, но он становился все более и более критичным по отношению к фрейдистскому акценту на подавленных сексуальных тенденциях , и после публикации своих “Символов трансформации” в 1912 году Юнг окончательно отошел от “психоанализа” Фрейда , чтобы разработать свою собственную методику из области ‘аналитической психологии’.

Клиническая работа Юнга и, возможно, что более важно, его собственный опыт, связанный с так называемыми оккультными явлениями, побудили его сформулировать и описать ряд ключевых концепций, которые в настоящее время получили широкое распространение, включая теорию архетипов, которая Юнг определил это как “архаичные психические компоненты, которые проникли в индивидуальную психику без какой—либо

прямой связи с традициями"; коллективное бессознательное; синхронность; и идею "активного воображения" - техники осознанного сновидения, с помощью которой мы высвобождаем способности подсознания создавать образы.

С присущей ему беглостью Колин Уилсон переплетает увлекательное биографическое повествование с глубоким анализом идей Юнга, предоставляя неспециалисту четкое и понятное введение в жизнь и творчество человека, который - возможно, больше, чем кто—либо другой — раскрыл двадцатому веку преобразующий потенциал человеческого сознания.

ТОРСОНЫ

компания

К.Г. ЮНГ "Властелин подземного мира"

Другие книги Колина Уилсона:

"ЗАМОК ФРАНКЕНШТЕЙНА"

ВВЕДЕНИЕ В НОВЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

тайны

НОВЫЕ ПУТИ В ПСИХОЛОГИИ ОККУЛЬТИЗМ

ИСТОКИ СЕКСУАЛЬНОГО ВЛЕЧЕНИЯ АУТСАЙДЕР ПОИСКИ ВИЛЬГЕЛЬМА РАЙХА СТРАННЫЕ СИЛЫ

ВОЙНА СО СНОМ: Философия Гурджиева РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР: Человек и его видение мира АЛИСТЕР КРОУЛИ: Природа зверя

К.Дж.

ЮНГ

Властелин подземного мира

Колин Уилсон

Признает

Я хотел бы поблагодарить господ Рутледжа и Кегана Пола за их разрешение привести цитаты из Собрания сочинений Юнга и из других томов Юнга, перечисленных в библиографии. Я также хочу поблагодарить издательство Aldus Books за разрешение процитировать книгу Юнга “Человек и его символы”. Я благодарен вам Израэлю Росгвардии за то, что он прислал мне экземпляр книги Шпигельмана “Рыцарь”. Я благодарю моего старого друга Винсента Броума за разрешение процитировать его яркую биографию Юнга.

Вступление

Юнгу было шестьдесят восемь лет, когда во время ежедневной прогулки он поскользнулся на обледенелой дороге и сломал лодыжку. Через несколько дней у него случился тяжелый сердечный приступ. В больнице его поддерживали с помощью инъекций кислорода и камфары; позже медсестра рассказала ему, что он был окружен каким-то сиянием, которое она заметила у умирающих.

В этом состоянии Юнг, по-видимому, испытывал видения, подобные тем, которые часто описывались людьми, находившимися между жизнью и смертью. На первом снимке была изображена земля, видимая с высоты около тысячи миль из космоса, с морем и континентами, залитыми голубым светом; он мог разглядеть красновато-желтую аравийскую пустыню и заснеженные Гималаи. Затем неподалеку он увидел изображение огромная каменная глыба, похожая на метеорит, но выдолбленная, как в некоторых храмах, которые он видел в Индии. У входа в позе лотоса сидел индус. Когда он приблизился, Юнг говорит: “У меня было ощущение, что все рушится; все, к чему я стремился, чего желал или о чем думал, вся фантасмагория земного существования, отпало или было отнято у меня — чрезвычайно болезненный процесс”. И когда он был

ведомый Войдя во внутренний храм, полный горящих фитилей, он был уверен, что вот-вот встретит “всех тех людей, к которым я принадлежу на самом деле”, и что он внезапно поймет смысл своей жизни и то, зачем он был послан в этот мир.

Затем со стороны Европы к нему что-то подплыло; он узнал врача, который его лечил; но тот превратился в изображение древнего правителя острова Кос, где находился храм Эскулапа, бога врачевания. Врач объяснил, что Юнгу нельзя было позволить умереть — что по меньшей мере тридцать женщин протестовали против того, чтобы он покинул больницу.

8 Владыка подземного мира

земля. Юнг испытал глубокое разочарование, когда видение исчезло. Как и многие другие люди, которые были убеждены, что ненадолго умерли, а затем были возвращены к жизни, он был возмущен тем, что его заставили вернуться.

Поскольку доктор явился ему в образе древнего царя, Юнг был убежден, что скоро умрет — фактически, что смерть доктора заменит его собственную. 4 апреля 1944 года, в первый день, когда Юнгу разрешили сидеть в постели, доктор слег в постель с высокой температурой и вскоре умер от сепсиса. Юнг был его последним пациентом.

Это было время видений: “Ночь за ночью я пребывал в состоянии чистейшего блаженства”. С приближением утра он чувствовал: “Вот и снова наступает серое утро; вот и снова наступает серый мир с его коробками”. И по мере того, как он становился физически сильнее, видения прекращались. Юнг рассматривал их не как какую-то форму сна или галлюцинации, а как прозрение в глубинную реальность. “Это не было плодом воображения. Видения и переживания были совершенно реальными; в них не было ничего субъективного; все они обладали качеством абсолютной объективности”.

Юнгу предстояло прожить еще семнадцать лет. Но околосмертный опыт вызвал глубокие изменения в его мировоззрении. На протяжении всей своей трудовой жизни Юнг чувствовал себя обязанным защищать себя, представляя себя миру как ученого. Вскоре после выздоровления он написал корреспонденту, который пытался обратить его в католичество: “Мой дорогой сэр! Я занимаюсь наукой, а не апологетикой и не философией. Мои интересы - научные, а ваши - евангельские.” Однако любой, кто знаком с работами Юнга, знает, что это полуправда; Юнг был одновременно философом и евангелистом. Но околосмертный опыт это, по-видимому, заставило его меньше защищаться при изложении своих глубочайших убеждений, меньше беспокоиться о том, что его обвинят в том, что он выходит за рамки науки. Одним из самых поразительных результатов стало его знакомство с версией “1 Цзин” Ричарда Вильгельма, написанной на 1949. Юнг был знаком с китайским оракулом с тех пор, как В 1920 году, когда он провел лето, предпринимая ” решительную атаку на загадку книги”. Он

неоднократно упоминал о ней в работах, написанных после этой даты, но всегда кратко и ни к чему не обязывающе. Но во вступлении 1949 года он открыто говорит о консультациях с оракулом, используя

суть метода монеты в том, чтобы “спросить его мнение о … моем намерении представить его западному разуму” и проанализировать ответ оракула в деталях. Он обращался к “1 Цзин” с 1920 года; это был первый раз, когда он осмелился признаться в этом. Он также признает, что нет никаких “научных” оснований воспринимать это всерьез. Никогда тем не менее, он готов к этому и отметает критику комментарием: “Чем меньше человек думает о теории и Цзин, тем крепче он спит”.

В 1950 году одна из самых загадочных и сложных работ Юнга, “Айон”, включала главы о пророчествах Нострадамуса книги и разделы, посвященные гностическим и каббалистическим идеям, которые иногда читаются так, как будто они взяты из какого - нибудь магического трактата шестнадцатого века. В следующем году, на На конференции в Эраносе Юнг выступил с докладом о синхронности, оправдывая астрологию и И-Цзин, апеллируя к концепции “значимого совпадения”; в расширенной версии доклада он начинает с признания, что теперь он “сдержал обещание, которое в течение многих лет мне не хватало смелости выполнить”.”. В 1954 году вышла самая глубоко личная книга Юнга. “Ответ Иову” - его собственная весьма противоречивая попытка “объяснить пути Господни человеку”. Ученый , наконец, перестал притворяться, что он не философ и не евангелист. И все же результатом этого не стало осуждение со стороны коллег или обвинение в том, что он впадает в старческий маразм. Это было признание, которого он никогда не испытывал в те годы, когда считал, что выполняет свою самую важную работу. Юнг внезапно стал гуру западного мира, универсальным оракулом, которого поставили в один ряд с Ганди и Альбертом Швейцером. Он , вероятно, больше, чем кто—либо другой, был ответственен за всплеск интереса к “оккультизму” — паранормальным явлениям и восточным религиозным дисциплинам, - который начался вскоре после его смерти в 1961. Название одной из самых популярных энциклопедий этого периода “Человек, миф и магия”,

возможно, было взято из одной из работ самого Юнга.

Теперь, оглядываясь назад, мы видим, что Юнг никогда не был тем ученым, за которого он хотел, чтобы его принимали, и что это никак не влияет на его величие. Один из его биографов, психолог Энтони Сторр, пишет: ” С Юнгом легко потерять терпение… Более того, мне трудно сочувствовать его увлеченности оккультизмом, его взглядам на синхронность, на призраков и

10. Повелитель подземного мира

полтергейсты, которыми наполнена его автобиография.“Сторр хочет видеть в Юнге исключительно ученого, величайшего преемника Фрейда . Но это безнадежная задача. Ибо мы должны признать, что Юнг с самого начала был одержим оккультизмом. (В конце концов, это слово означает просто “скрытый”, поэтому нет необходимости извиняться за это, заключая его в кавычки). Его детство и юность были полны конфликтов между религией и агностицизмом изм. Утонувшее тело, выловленное из реки, когда ему было четыре года, на протяжении всей жизни вызывало у него интерес к трупам. Будучи студентом, он прочитал все книги о спиритических явлениях, которые только смог найти. Два любопытных случая с полтергейстом произошли в его собственном доме.* Его двоюродная сестра Хелен Прейсверк, пятнадцатилетняя девочка , развила медиумические способности, и Юнг посетил несколько сеансов, сопровождавшихся постукиванием по столу и движением стакана. Несколько разных личностей говорили через его двоюродного брата, в том числе несколько человек память об умерших родственниках. И все же, когда Юнг взялся написать это для своей вступительной диссертации, он назвал ее “На Психология и патология так называемых оккультных явлений”, и рассматривал это в первую очередь как случай “раздвоения личности”, вызванного истерией и сексуальным подавлением. Но к тому времени он уже был первым ассистентом врача в Бургхольцли. Клинику и открыл для себя фрейдовское толкование сновидений.

То, что очень ясно вытекает из первых глав книги Автобиография Юнга. Воспоминания, мечты, размышления о том, что он был романтиком-интровертом, мечтавшим о красивых девушках и героических поступках, и что его интерес к духовному “изм” был попыткой найти способ наполнения, который мог бы вытеснить скуку и тривиальность повседневной жизни. Это напоминает молодого У.Б. Йейтса, который также посещал спиритические сеансы и стал членом магического сообщества. Кавалер ордена Золотой зари и ученица мадам Блаватская. А параллель с Йейтсом заставляет нас осознать более общую проблему романтики в мире , который, по-видимому, создан для реалистов. Йейтс обратился к сказочному миру древней Ирландии, к феям, героям и сверхъестественным существам. ральные существа. Но в стихотворении, посвященном старости, “Цирковые животные” Дезертирство”, он цинично относится к этой подмене реальности.

Он спрашивает, откуда взялись эти “мастерские образы”, и

Би, стр. 29.

ответы: в книге “Куча мусора или подметание улиц”. Он рассматривает свое воображение как своего рода лестницу, по которой взбирается, чтобы убежать от реальности, и приходит к выводу:

Теперь, когда моей лестницы больше нет Я должен лечь там, где начинаются все лестницы.

В грязной лавке старья и костей сердца.

Это, пожалуй, самые глубоко пессимистичные строки , когда-либо написанные крупным поэтом. Они подразумевают, что романтические идеалы - это бегство от “обыденности”, которое неизбежно заканчивается неудачей, поскольку обыденность реальна, а идеалы - нет. Но это проблема не только романтиков - идеалистов. Каждый человек рождается в этот мир с то же чувство слабости, беспомощности, из-пассив ность. Если ему не повезло оказаться в окружении людей, которым не хватает интеллекта и воображения — что довольно вероятно, поскольку это описание охватывает большую часть человечества, — то слабость будет усугубляться чувством неизбежности, молчаливой убежденностью в том, что все так, как есть, и никаких изменений ожидать не приходится. Реакцией Йейтса на эту ситуацию было погружение в себя, в мир фантазий. Как и все поэты, он хотел разбить мир на куски и “перестроить его так, как того желает сердце”. Поскольку это было невозможно, он сосредоточился на создании своего собственного видения “страны сердечных желаний” в поэзии и драматургии. Но он рассматривал это видение как простое бегство от мира, который он ненавидел, — отсюда и комментарий о “грязной лавке старьевщика”.

Юнгу, начинавшему с очень похожего опыта, повезло больше, чем Йейтсу. Он также искал альтернативу “обыденности” в мире оккультизма и паранормальных явлений. Но в этот момент его

увлек не менее странный, готический мир психических заболеваний. В своей автобиографии он объясняет, что это произошло совершенно неожиданно, когда он открыл учебник Краффт-Эбинга по психиатрии, во вступлении к которому говорилось, что “вероятно, из-за особенностей предмета и его незавершенности в разработке учебники по психиатрии носят более или менее субъективный характер”. И когда он прочитал несколькими строчками ниже, что психозы - это “болезни личности”, его сердце бешено заколотилось, и ему пришлось встать, чтобы сделать глубокий вдох. Почему эти

12. Повелитель подземного мира

прямолинейные комментарии вызвали такой ажиотаж ? Прежде всего, признание того, что психиатрия субъективна, потому что она неразвита, указывает на то, что в ней было бы место для субъективного подхода романтического идеалиста, и что, следовательно, он мог бы занять свое место среди ее первопроходцев. Но словосочетание “болезни личности” также ассоциируется со всем миром конца века - с неприятием мира художников-алкоголиков и модных поэтов, таких как Бодлер и Верлен. Юнг на самом деле прослушал курс психиатрии, когда прочитал эти строки, но нашел его не вдохновляющим. Что его взволновало, так это мысль о том, что эта “неразвитая” область давала выход его собственной сдерживаемой творческой энергии.

Итак, в то время как Йейтс продолжал оставаться поэтом и безрезультатным Ирландский националист, Юнг примирился с реальным миром как ученый. И как сторонник противоречивых идей о Фрейд вскоре приобрел международную известность. Это можно было бы расценить как переворот — браконьер превращается в егеря, потому что это обеспечивает большую безопасность. Но на самом деле терапевтическая практика Юнга вскоре начала предоставлять ему доказательства реального существования той “другой реальности”, которая так преследовала Йейтса и в которую Йейтс никогда не мог полностью поверить. Когда пациент покончил с собой, пустив себе пулю в лоб, Юнг проснулся посреди ночи от тупой боли, как будто ему в лоб попала пуля. Во время спора с Фрейдом об оккультизме Юнг вызвал эффект полтергейста — громкие взрывы в книжном шкафу. Сон, произошедший в 1909 году, убедил Юнга в существовании “коллективного бессознательного”, некоей общей основы всего психического опыта человека. В 1910 году он начал собирать доказательства того, что это коллективное бессознательное содержит определенные базовые магические и религиозные символы и что “существуют архаичные психические компоненты , которые проникли в индивидуальную психику”. За разрывом с Фрейдом последовал период душевных потрясений , во время которого он обнаружил, что может погружаться — находясь в полном сознании — в свое собственное бессознательное и общаться с существами, которых он там встречал, как если бы они были реальными людьми. Однажды , когда он спросил себя: “Действительно ли я занимаюсь наукой”, женский голос внутри него ответил: “Нет, это искусство”; в

результате Юнг убедился в существовании “альтернативной” субличности, анимы (или, у женщин, анимус). До конца своей жизни он продолжал испытывать

переживания, подобные видению земли, за которыми последовала смерть его врача, убедили его в том, что существует другой уровень реальности, выходящий за рамки чисто физического. В заключительной главе своей автобиографии он пишет: “Достоверность таких терминов, как мана, даймон или Бог, нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. Однако мы можем установить, что ощущение необычности, связанное с переживанием чего-то объективного, по-видимому, находящегося вне психики, действительно является подлинным”. В этом смысле ему повезло больше, чем Йейтса, который так и не смог заставить себя поверить, что человеческие видения и мечты - это нечто большее, чем попытка убежать от унылой физической реальности.

И все же большую часть своей жизни Юнг предпочитал молчать об этих убеждениях. Было ли это трусостью? Сам он сказал бы, что это было просто стремление сохранить здоровый научный скептицизм. Тем не менее, результаты этого скептицизма иногда могут выглядеть как нечестность. В 1919 году он опубликовал в “Трудах общества по изучению Психические исследования статья, озаглавленная “Психологический Основы веры в духов”, в которой духи объясняются как “проекции” бессознательного разума. Летом следующего года Юнг снял коттедж на выходные недалеко от Лондона, в котором, как оказалось, водились привидения. Раздавались стуки, звуки капающей воды и неприятные запахи. Казалось, по спальне носилось какое-то крупное животное. Однажды ночью, когда на стены обрушился шквал ударов, Юнг открыл глаза и увидел на подушке рядом с собой половину головы пожилой женщины. Коллега, арендовавший коттедж, скептически отнесся к появлению привидений, но поспешно уехал после того, как провел бессонную ночь, прислушиваясь к шагам , раздающимся вокруг него. В конце концов коттедж пришлось снести как непригодный для продажи. Таким образом, к 1920 году Юнг уже знал, что призраки не могут быть объяснены как проявления бессознательного. В 1948 году он написал постскриптум к своей статье о вере в духов, признав, что

его прежние взгляды были неадекватными, но в то же время заявив, что он не может ответить на вопрос о том, действительно ли духи существуют как независимые сущности, “потому что я не в состоянии привести опыт , который так или иначе доказал бы это””. И это было еще за два года до он, наконец, рассказал историю о привидениями коттедж в вклад в Книгу Фанни Мозер называют призраками: Реальность или бред? Юнг обнаружил, что очень трудно расслабить позиция трезвого ученого и заявить о своем осуждены судом ний открыто.

Мик,

14 Повелитель подземного мира

Но, по крайней мере, он решил сделать это в нужный момент. К 1950-м годам новое поколение почувствовало необходимость избавиться от навязчивой политической озабоченности последних двух десятилетий. В Америке поколение битников говорило о свободе, дзене и необходимости “бросить учебу”. В Англии “Рассерженные молодые люди” выражали тот же дух индивидуального протеста. Книга Олдоса Хаксли “Двери восприятия ” пропагандировала использование психоделических препаратов для “расширения сознания”. Результатом стал беспорядочный бунтарский дух без какой-либо определенной цели. Юнг смог предложить этому движению некую цель и направление, основанные на результатах пятидесятилетних размышлений о странных силах бессознательного. Хотя сам он упорно отрицал , что его следует считать пророком или проповедником, на самом деле он предлагал нечто очень похожее на систему религиозных верований. В то время как модные теологи рассуждали о “смерти Бога”, Юнг утверждал, что коллективное бессознательное предоставляет нам свидетельства существования реальности иного порядка. Бертран Рассел писал в 1918: “Я должен, прежде чем умру, найти какой—нибудь способ выразить то главное, что есть во мне, чего я еще никогда не говорил - то, что является не любовью, не ненавистью, не жалостью и не презрением, а самим дыханием жизни, яростным и приходящим издалека, приносящим в человеческую душу радость”. жизнь - необъятность и пугающая бесстрастная сила нечеловеческих явлений… В этом заключается суть религиозной веры: убежденность в том, что существует нечто гораздо большее, чем люди, и что человек способен открыться этой великой силе. Но Рассел высказал это в частном письме, но не включил в свои книги по философии и образованию. Юнг в последние годы своей жизни снова и снова высказывал подобное убеждение. “Мы знаем, что на нашем пути встречается что-то неизвестное, чуждое, точно так же, как мы знаем, что сами не создаем мечту или источник вдохновения… “Именно это мощное убеждение в необычности Вселенной и огромной сложности коллективного бессознательного придало его работам ту вдохновляющую силу, которая в последнее десятилетие его жизни превратила его в “мудреца Кушнахта”.

Юнг всю жизнь восхищался Гете, потомком которого он считал себя, и в своем творческом развитии он, похоже, был так же

удачлив, как и Гете: раннее признание, медленное развитие при благоприятных обстоятельствах, богатый урожай творчества.

Прозрения в пожилом возрасте. Однако есть еще один аспект Юнга, который прослеживается на протяжении всей его жизни: странная страсть к неясности, к двусмысленности. Он был известен как блестящий собеседник и прекрасный спонтанный лектор; это можно увидеть на лекциях, подобных семинарам Vision. Однако стиль его книг - немецкий и неясный, как будто он боится подвергнуть свой смысл легкому анализу. Когда незадолго до своей смерти к нему обратился британский издатель с предложением написать книгу, посвященную его идеям, для широкого круга читателей, Юнг наотрез отказался, объяснив, что всегда с недоверием относился к этой идее популяризации. Сон изменил его мнение, и результатом стал Человек и его символы; но это нежелание, похоже, возникло из того же источника, что и его нежелание говорить о своем “оккультизме” до конца 1940-х годов. Объяснение может быть в том, что, хотя Работа всей жизни Юнга была попыткой установить существование иного порядка реальности, его научная подготовка заставила его стремиться к конкретному фундаменту, на котором можно было бы основывать свои убеждения. И он никогда не был полностью удовлетворен этим фундаментом. Околосмертный опыт убедил его , что это должно было произойти сейчас или никогда; но, похоже, он никогда не был вполне доволен своим новым незащищенным положением. Он впал в своего рода депрессию и написал Лоренсу ван дер Посту: “Я становлюсь все более одиноким стариком, пишущим для других одиноких мужчин”. А в последнем абзаце своей автобиографии он утверждает: “Мне кажется, что Алина ощущение, которое так долго отделяло меня от окружающего мира , перешло в мой собственный внутренний мир и открыло мне неожиданное незнакомство с самим собой”.

“Неожиданное незнакомство с самим собой”. Эта фраза в высшей степени показательна. Принцип Сократа “Познай самого себя” можно рассматривать как руководящий принцип всей жизни Юнга. Как психоаналитик, он стремился познакомиться с неизведанными уголками своего существа. Он, безусловно, производил впечатление на других людей как человек, который

был в мире с самим собой, потому что достиг самопознания, однако попытка в те поздние годы выкристаллизовать свои глубочайшие убеждения , казалось, только расшатала основы, которые он с таким трудом укреплял. Он потратил свою жизнь, пытаясь стать ученым — человеком, чья роль, согласно Т.Х. Хаксли, состоит в том, чтобы смиренно смотреть правде в глаза, как маленький ребенок, и следовать за ней, куда бы она ни вела. Когда Юнг выразил свою веру в то, что “И Цзин” следует воспринимать всерьез, он был

16 Владыка подземного мира

следуя этому правилу и утверждая то, что он считал фактом. Но одна из главных трудностей в мире паранормальных явлений заключается в том, что как только исследователь выражает осторожное согласие с каким-либо одним аспектом этого явления, он обнаруживает , что оставаться в выбранных им рамках практически невозможно. Новые факты продолжают появляться, и по мере того, как он продолжает расширять свою теорию, чтобы приспособиться к ним, он понимает , что теория, в конце концов, лопнет, как надутый воздушный шар. Юнг был в таком же положении, когда посвятил себя идее синхронности. Синхронность - это значимое совпадение, и оно либо подразумевает, что “силы” вне нас организуют совпадения. пытается привлечь наше внимание к новым фактам или к тому, что само бессознательное может каким-то образом влиять на материю. Юнг писал: “Либо существуют физические процессы, которые вызывают психические явления, либо существует предсуществующая психика, которая организует материю”. Та же теория подразумевается в его более раннем представлении о “явлениях экстериоризации “, подобно взрывам, которые он вызвал в книжном шкафу Фрейда, когда они спорили об оккультизме.

Но если разум может каким-то образом организовывать события, тогда почему мы живем в мире, который, очевидно, так далек от ” желаний сердца”? Юнг, как и Йейтс, всю свою жизнь бился над этим вопросом; и как раз в тот момент, когда он, казалось , к своему собственному удовлетворению установил, что человек - это не просто биологическая случайность в бессмысленной вселенной, он снова выпустил джинна из бутылки, задав вопрос, который , казалось, вернул его к действительности. с самого начала. “Ни один язык не подходит для описания этого парадокса”, - мрачно замечает он в конце своей автобиографии. И удивительно пессимистичный и неубедительный тон этих последних страниц, несомненно , наводит на мысль о незавершенной задаче.

Но с другой стороны, биография человека может дать ответы, которые он сам был бы не в состоянии сформулировать.

Один

Раздвоение личности

В молодости Юнг производил впечатление жизнерадостного и уверенного в себе человека; другие находили его агрессивным, бестактным и властным. Идеи лились из него нескончаемым потоком, а его смех варьировался от заразительного хихиканья до гомерического грохота. Несомненно, он был из тех, кого зоологи называют альфой, то есть очень доминирующей особью. Это было замечательным достижением в самопреобразовании, поскольку в детстве он был застенчивым, нервным и замкнутым человеком. Один школьный друг, который познакомился с ним, когда ему было около четырех лет , вспоминал об этой встрече, потому что “я никогда раньше не сталкивался с таким социальным монстром”. Юнг страдал от нервной экземы и был подвержен несчастным случаям; однажды ему пришлось накладывать несколько швов на порез на голове. Кроме того, он упал с лестницы и чуть не сорвался с моста в Рейнский водопад, но его вовремя подхватила горничная. “Все это, - писал он, - указывает на неосознанное стремление к самоубийству или, возможно, на фатальное сопротивление жизни в этом мире”.

Карл Густав Юнг родился 26 июля 1875 года в Кесвиле, деревне на берегу Боденского озера. Большинство мальчиков склонны подражать своим отцам, и к несчастью Юнга, его отец, преподобный Пол Юнг, был никем, непримечательным священником, который страдал от религиозных сомнений, ссорился со своей женой и никогда не оправдывал своих надежд стать блестящим лингвистом. Доминирование, кажется, пропустил поколение, для Юнга дед, в честь которого он был назван, был известным человек в городе Базеле, успешный врач, видный Фармазон, и ректором университета. Существовала семейная легенда, что он был незаконнорожденным внуком Гете. У Юнга никогда не было возможности подражать своему деду, который умер за одиннадцать лет до его рождения.

Мать Юнга, урожденная Эмили Прейсверк, похоже, была

была в целом более сильным персонажем. Дочь профессора иврита, она описывается одним источником как толстая, уродливая, авторитарная и надменная. Даже ее сын сказал, что она была приземленной и заурядной. Когда ему было три года, у нее, по-видимому, случился какой-то психический срыв, вероятно, из-за семейных неурядиц, и она была госпитализирована на несколько месяцев. Ребенок чувствовал себя покинутым — в этот период у него развилась нервная экзема — и сказал, что с тех пор он всегда испытывал недоверие, когда произносилось слово “любовь”. Слово “женщина” казалось ему ненадежным. Его отец был надежным, но неэффективным человеком. Это не было идеальным фоном для развития уверенности в себе.

Все стало еще хуже, когда в возрасте одиннадцати лет его отправили в школу в Базеле. Среди хорошо одетых мальчиков, проводивших каникулы в Альпах или на берегу моря, он осознал бедность своей семьи и начал жалеть отца - вряд ли такое отношение способствовало повышению его уверенности в себе. Он ненавидел математику и находил занятия богословием невыразимо скучными. В какой—то момент он стал жертвой сексуального насилия со стороны человека, которого боготворил, - в этом эпизоде он позже признался Фрейду, но не добавил никаких подробностей. С ним по-прежнему часто случались несчастные случаи, и другие мальчики пытались задирать его — к счастью, он становился большим и сильным.

Самое значительное событие в его ранней жизни произошло , когда ему было двенадцать. На соборной площади мальчик толкнул его с такой силой, что он упал и ударился головой о тротуар, на мгновение потеряв сознание. Он пролежал там дольше, чем было необходимо, чтобы побеспокоить нападавшего, и в его голове промелькнула мысль: “Теперь мне больше не придется ходить в школу”. Люди подобрали его и отвезли в дом неподалеку, где жили две тети. Несчастный случай усилил его жалость к себе. У него начались обмороки, и ему разрешили не ходить в школу в течение шести месяцев. Его родители забеспокоились и обратились к врачам; мальчика отправили к родственникам в Винтертур, где он с большим удовольствием слонялся по вокзалу. Было высказано предположение, что он страдает эпилепсией.

Однажды, вернувшись домой, он спрятался за кустом в саду и услышал, как посетитель спрашивает о его здоровье; его отец ответил: “Это печальное событие… Они думают, что это может

быть эпилепсия. Было бы ужасно, если бы это было так

неизлечимый. Я потерял то немногое, что у меня было, и что станет с мальчиком, если он не сможет сам зарабатывать себе на жизнь?"

Эти слова глубоко взволновали Юнга: жалость к отцу, жалость к себе, страх бедности - все смешалось воедино. Он потратил впустую шесть месяцев. Он поспешил в кабинет отца, взял латинскую грамматику и принялся за работу. Через некоторое время у него случился обморок, и он упал со стула. Он отказался прекращать работу. Вскоре случился еще один приступ, но он отказался сдаваться и продолжил занятия. Через час у него случился третий обморок. Но он все равно продолжал упорно продолжать. Затем внезапно он почувствовал себя лучше , чем когда-либо с тех пор, как начались приступы. А потом они внезапно прекратились. Юнг смог вернуться в школу.

Рассказывая об этом эпизоде в своей автобиографии, он просто комментирует: "Я узнал, что такое невроз". Но дело было не только в этом. То, что Юнг сделал с помощью удара по голове, должно было вызвать более или менее мгновенную привычку. По сути, это была форма самогипноза. Точно так же, как мы можем вызвать у себя покалывание в коже головы, когда слушаем любимое музыкальное произведение, Юнг научился вызывать обмороки, когда сталкивался со стрессом. Он обратился за помощью к "роботу" , живущему в глубинах его сознания, чтобы тот помог ему избежать школьной скуки и невзгод. Он выбрал путь болезни и бегства — путь, который избирали многие романтики девятнадцатого века. Тревожные комментарии отца пробудили в нем чувство ответственности. ити. Затем он решил сознательно противостоять этой привычке и преодолеть ее. По сути, он говорил: "Я вызвал это; я могу от этого избавиться". Таким образом, в возрасте двенадцати лет Юнг не просто постиг основной механизм невроза: он осознал, что его можно вылечить волевым актом. Это вполне могло стать самым важным переживанием в его жизни; это , безусловно, был поворотный момент.

Этот опыт научил Юнга покончить с жалостью к себе. "Я знал… что все это было дьявольским заговором с моей стороны. Я тоже

знал, что этого больше никогда не повторится”. Он с головой ушел в учебу, часто работая до трех часов ночи и вставая в пять. Ему было стыдно за то, что произошло, но он понимал, почему это произошло: из-за его любви к природе, из-за его любви к одиночеству. Это чуть не сделало его инвалидом на всю жизнь , как это было с его выдающимся современником

20 Владыка подземного мира

Марсель Пруст. Это был единственный шанс спастись.

Награда пришла в виде полумистического переживания. я проделал долгий путь в школу из Кляйн-Хайнинген, где мы жили, в Базель, когда внезапно лишь на мгновение у меня возникло ошеломляющее впечатление , будто я только что вынырнул из плотного облака. Я вдруг понял : теперь я - это я! Как будто стена тумана стояла у меня за спиной, и за этой стеной еще не было “я”. Но в этот момент я наткнулся на самого себя. Раньше я тоже существовал , но все это просто происходило со мной. Теперь я произошел сам с собой. Теперь я знал: теперь я - это я, я существую. Раньше меня заставляли делать то-то и то-то, теперь я сам этого захотел. Этот опыт показался мне чрезвычайно важным и новым: во мне появился “авторитет”.

Юнг сделал еще одно фундаментальное открытие. Когда люди проводят свою жизнь, выполняя волю других, их можно сравнить с крабами, существами, у которых снаружи есть скелет. Внутри он мягкий. В тот момент, когда человек чувствует вдохновение исполнить свою волю, он превращается в позвоночное, существо со скелетом внутри. Внезапно у него появляется позвоночник. В нашем обществе лишь немногие люди превращаются из крабов в позвоночных, поскольку мы привыкаем выполнять волю других с момента своего рождения. Борьба Юнга за преодоление привычки к поражению заставила его осознать, что он позвоночное животное.

В школе, до “несчастного случая”, Юнг вырезал из линейки что-то вроде манекена. Он положил его в пенал вместе с другими предметами. с помощью продолговатого черного камня с берегов Рейна, раскрашенного в два цвета, он спрятал его на балке на чердаке. Это был символ его сокровенной души. Во время болезни он совсем забыл о манекене на чердаке. В своей автобиографии он отмечает, что это новое чувство “авторитета” было аналогично чувству ценности , навеянному манекеном в пенале.

Теперь, с этим новым чувством собственной значимости, Юнг осознал, что в нем есть две личности. Когда отец друга вышел из себя из-за того, что тот безответственно вел себя в лодке, он пришел в ярость от того, что этот толстый, невежественный хам посмел оскорбить его, но в то же время понимал, что гнев этого

человека был оправдан: отчитывали школьника, а сам он был в ярости. ‘человек, наделенный властью”, который был в ярости.

На самом деле Юнг уже был убежден, что это

“Авторитетным человеком” был старик, живший в восемнадцатом веке и носивший туфли с пряжками и белый парик. Это убеждение пришло к нему однажды, когда мимо их дома проехала старинная зеленая карета, и он испытал странное чувство: “Это пришло из моих времен”. А в доме его тетушек, куда его отнесли, когда он потерял сознание, была статуэтка известного персонажа из Базеля восемнадцатого века, доктора Штикельбергер, который носил ботинки с пряжками; и снова Юнг был с удивительной уверенностью уверен, что эти ботинки были его собственными. Возможно, он был знаком с историей о том, что его дед был незаконнорожденным сыном Гете, и отождествлял себя с Гете. Какова бы ни была причина, он начал ощущать себя раздвоенной личностью, живущей в двух эпохах одновременно.

Юнг, по-видимому, был традиционно религиозным мальчиком, и это понятно, поскольку он был сыном священника, а Швейцария в девятнадцатом веке была в высшей степени традиционным местом, таким же чопорным и корректным, как и эти страны. Норвежские города в пьесах Ибсена. В раннем подростковом возрасте он пережил религиозный кризис. Это началось однажды, когда он вышел из школы и увидел, как солнце играет на черепице крыши собора. Его поразила мысль о том , какой прекрасный мир создал Бог, и что Он , должно быть, восседает на Своем троне в голубом небе. За этой мыслью последовало чувство ужаса. Только после нескольких бессонных ночей он понял, что вызвало у него этот ужас: ему пришла в голову мысль о том, что из -под трона вывалится большое дерьмо и проломит крышу. Как только он понял, что вызвало у него такую тревогу, он испытал огромное облегчение. И снова это было похоже на мини-урок психоанализа: мысль, которая пыталась вырваться из подсознания и была быстро подавлена, и облегчение, которое последовало за решением больше не подавлять ее.

Религиозный кризис на этом не закончился. Теперь, когда он начал задумываться о Боге, ему захотелось узнать ответы на

некоторые вопросы. Это были те же самые вопросы, которые заставили Будду Гаутаму стать монахом: тайна человеческих страданий, болезней, старости и смерти. Он попытался найти ответы в книге под названием “Христианская догматика”, которая хранилась в библиотеке его отца, и решил, что это полная чушь. Это означало, что его

22 Владыка подземного мира

отец попался на удочку этой чепухи и растратил свою жизнь впустую. Он попытался обсудить свои сомнения с отцом и пришел к выводу, что его отец тоже страдал от сомнений. Опыт первого причастия окончательно убедил его в том, что он больше не верующий. В подростковом возрасте он открыл для себя “Фауста” Гете и “Мир Шопенгауэра” как Воля и Иллюзия, и был глубоко тронут и взволнован и тем, и другим. Они относились к жизни как к чему-то глубокому и трагическому. Шопенгауэр привел его к Канту. Он стал заядлым читателем; его отец говорил: “Мальчику интересно все , но одному богу известно, чем все закончится”. Сочинение о Фаусте, которое он написал, казалось таким взрослым, что учитель отказывался верить, что это написал он. Школьные друзья подшучивали над ним из-за его интереса к философии и прозвали его “отец Авраам”. Ему не совсем не нравилось это прозвище; оно свидетельствовало об определенной проницательности.

Он обозначил две половины своей личности номером 1 и номером 2. Номером 1 был школьник, та часть, которая контактировала с внешним миром; номером 2 был мудрый старик. Когда он стал старше. Номер 1 все больше интересовался наукой — особенно после каникул в Энтлебухе, где он познакомился с химиком, который “постиг тайну камней”. (Юнг упоминал, что уважал его, и вполне возможно, что именно этот человек был ответственен за сексуальное насилие, которое так потрясло его.) Изучая науку, он обнаружил, что его неуверенность в себе исчезла. Другое переживание того периода было не менее важным. Он отправился в гости на винокурню, попробовал различные крепкие напитки и впал в восхитительное опьянение. К своему удивлению, он осознал , что всякое чувство раздвоенности в себе исчезло и что он испытал удивительное чувство силы и уверенности в себе. тион. Несмотря на похмелье, он помнил пережитое. любовь — это постижение красоты и смысла жизни, открытие , которое сделало многих алкоголиками.

Другой опыт принес ему предчувствие освобождения. Он вернулся домой со своим отцом через Люцерн и впервые сел на пароход. В Вицнау он поднялся на вершину горы на маленьком локомотиве и, оказавшись на вершине, снова испытал огромное чувство восторга и облегчения. “Я больше не знал, что больше — я или гора… Это был самый лучший и ценный подарок, который

когда-либо дарил мне мой отец”.

Раздвоение личности 23

Однажды ветреным днем, направляясь в школу на берег Рейна, он увидел парусное судно, плывущее навстречу шторму, и погрузился в мечты о средневековом городе на озере, увенчанном укрепленным замком на скале. (Показательно, Йейтс тоже мечтал о замке на скале.) Он, Юнг, жил в замке и был мировым судьей и третейским судьей в городе. Самым важным местом в замке была сторожевая башня, в башне которой находилась медная колонна, разветвлявшаяся на тонкие ветви, которые каким—то образом передавали энергию из воздуха вниз, в подвал - лабораторию Юнга, в которой он делал золото, используя эту энергию. В течение нескольких месяцев путь в школу и обратно сокращался из-за восхитительных фантазий о городе и замке. Затем, как обычно, ему надоели мечты наяву, и он начал придумывать, как построить настоящий замок; он мастерил модели из глины и камней. В очередной раз, сам того не осознавая, он символически пережил основной опыт поэтов-романтиков девятнадцатого века и воплотил мечты в реальность. Личность Номер 1 становилась достаточно сильной , чтобы противостоять миру.

Это было как раз к лучшему, поскольку Юнг достиг того возраста , когда он должен был начать задумываться о карьере. А для сына бедного протестантского пастора это было огромной проблемой. Он хотел бы стать археологом, но в Базеле не было археологического факультета . Следующим выбором была зоология — он увлекался животными и птицами, но это могло дать ему право стать школьным учителем или помощником в зоологическом саду. О том, чтобы стать пастором, как его отец, не могло быть и речи. Единственной профессией, которая хоть как—то привлекала его, была медицина - профессия его деда. Не то чтобы Юнг чувствовал, что у него есть какое-то призвание к медицине; просто это, по крайней мере, позволило бы ему изучать науку.

Не было даже никакой уверенности в том, что он сможет поступить в университет в Базеле; его отец не мог себе этого позволить. Его отец подал заявку в университет на получение гранта, и Юнг был поражен и пристыжен, когда предложение было одобрено; ему было стыдно, потому что он был совершенно убежден, что университетское начальство его не любит. Он

неоднократно упоминал , что обладал личностью, которая вызывала неприязнь у школьных учителей и сокурсников, но

не удается объяснить, почему это было так. Объяснение этому можно найти в отрывке, в котором Бернард Шоу говорит о своем собственном раннем взрослении: “Когда молодой человек ничего не достиг и ничего не делает, и когда он, очевидно , настолько беден, что должен был бы делать что-то очень энергично, это скорее попытка найти в нем авторитет в обществе. беседа и равенство в выражениях, которые только заметный успех и выдающиеся способности могли бы сделать подходящими. И все же именно это и делается, совершенно неосознанно. с научной точки зрения, молодыми людьми, у которых есть потенциал для такого успеха и способностей”.* Юнг стремился развить свою личность “Номер V” и свою неосознанную показная самоуверенность, должно быть, вызвала раздражение.

На этом этапе своей жизни — в начале университетской карьеры — Юнг болезненно осознавал контраст между своими “двумя личностями”. “Через число в глазах Л. я видел себя довольно неприятным и умеренно одаренным молодым человеком с непомерными амбициями, недисциплинированным характером и сомнительными манерами. колеблющийся между наивным энтузиазмом и приступами детского разочарования, по своей сокровенной сути отшельник и мракобес. С другой стороны, № 2 рассматривал № 1 как трудную и неблагодарную моральную задачу, урок, который нужно было как-то пройти, осложненный различными недостатками, такими как приступы лени, уныния, депрессии, неуместный энтузиазм по поводу идей и вещей, которые никто не ценил, склонность к мнимой дружбе, ограниченность, предубежденность”глупый …” С тех пор, как Юнг открыл для себя Гете, он был склонен отождествлять личность под номером 2 с Фаустом.

Если бы Юнгу посчастливилось наткнуться на книгу замечательного американского писателя Томсона Джея Хадсона “Закон психических явлений” (1893), он , несомненно, пришел бы к более глубокому пониманию двух своих личностей и их взаимосвязи друг с другом. Хадсон, редактор газеты, был очарован гипнозом и необычными способностями, которые он, казалось , мог высвобождать у загипнотизированных субъектов. Хадсон высказал интересное предположение, что у человека есть два “разума”, которые он назвал объективным разумом и субъективным разумом. Объективный разум - это та часть нас,

которая смотрит во внешний мир, та часть, которая “справляется”, реалист. То

“Предисловие к книге “Незрелость”.

субъективный разум смотрит внутрь себя и озабочен чувствами, сенсациями, эмоциями. Самое важное осознание Хадсона заключается в том, что все мы “отождествляем себя” с объективным разумом; мы чувствуем, что это и есть “мы”. Субъективный разум остается в бездействии, так сказать, спрятанным в тени. Под гипнозом объективный разум погружается в сон, а субъективный разум может свободно выражать себя. Например, он может проявить удивительную способность к запоминанию, вызывая в воображении подробные воспоминания о детстве, или проявить необычную интеллектуальную или художественную креативность. В одном примечательном случае 1890-х годов, описанном Теодором Флурной, молодая женщина в состоянии транса подробно описала свое более раннее “воплощение” в образе индуистской принцессы и посещение планеты Марс с поразительными подробностями о ее городах, жителях и языке. Хадсон утверждал, что возможности “субъективного разума” гораздо более удивительны, чем мы думаем , — например, он способен к телепатии и исцелению людей на расстоянии — даже за тысячи миль. На самом деле Хадсон был убежден, что чудеса Иисуса происходили просто благодаря необычайно тесному согласию между его объективным и субъективным сознанием.

Книга Хадсона произвела сенсацию в Америке в начале 1890-е годы; к сожалению, она, по-видимому, не дошла до наших дней. Базель. Это, несомненно, дало бы Юнгу понимание, в котором он нуждался, чтобы понять, что он не был каким-то чудаком с раздвоением личности, а просто человеком, которому посчастливилось осознавать присутствие своего собственного “субъективного разума”, который у большинства людей является всего лишь тенью, мелькающей из-за угла из глаз. Вместо этого он драматизировал Номер 2 как мудрого старика в туфлях восемнадцатого века или как “Фауста” Гете, а еще позже - как “Заратустра” Ницше. И это порождало определенные проблемы;

ибо он не мог восхищаться Фаустом от всего сердца - на самом деле, был склонен считать его скорее глупцом, — в то время как его скорее отталкивал напыщенный библейский язык Заратустры язык, который показался ему преувеличенным.

Он также не смог осознать, что число 2 было источником его снов. Юнг всегда придавал огромное значение снам, и не зря его автобиография называется “Воспоминания, сны, размышления”; вероятно, в ней содержится больше описаний снов, чем в любой другой автобиографии. Но с самого начала он осознал ясно осознавал, что его сны что-то говорят ему

26 Владыка подземного мира

его. И в это время ему приснился один из самых важных снов . Он шел ночью, подгоняемый ветром и окруженный клубящимся туманом, держа в руках крошечный огонек; он знал, что все зависит от того, чтобы сохранить этот огонек живым. Он оглянулся и увидел , что за ним следует гигантская черная фигура, и это наполнило его ужасом; но все же он понимал, что должен не допустить, чтобы пламя погасло. Когда он проснулся, то понял, что черная фигура была его собственной тенью, призраком Брокена, отраженным светом, который он нес. “Я знал, что этот маленький огонек был моим сознанием, единственным источником света, который у меня есть. Мое собственное понимание - это единственное сокровище, которым я обладаю, и самое большое. Хотя оно бесконечно мало и хрупко по сравнению с силами тьмы, оно все равно остается светом, моим единственным светом”. С тех пор , как он усилием воли справился со своими обмороками., Юнг инстинктивно осознал, что человеческий разум гораздо могущественнее, чем мы предполагаем. Это было озарение , которое в конечном итоге привело к разрыву с Фрейдом и развилось в его собственную самобытную психологию.

Отец Юнга становился все более напряженным и раздражительным; фактически, он приближался к концу своей жизни, страдая от “болезни, которая не имела четкой медицинской подоплеки”.* На первом курсе Базельского университета Юнг все больше осознавал, что его отец был жалким неудачником. Он чувствовал, что ” для меня открываются золотые врата к академической свободе”, как когда-то они открылись для его отца. Когда его отец приехал на экскурсию студенческого братства в винодельческую деревню и произнес шутливую речь, Юнг почувствовал, что в нем на мгновение оживает дух старых студенческих дней. Он также понял, что после окончания школы жизнь его отца застопорилась и что с тех пор в ней царило долгое разочарование. Тогда почему все пошло наперекосяк? Он не мог найти ответа. Вскоре после этого его отец был прикован к постели; он умер, когда Юнг стоял у его кровати. Его мать, которая обычно казалась флегматичной и довольно глупой женщиной, но у которой время от времени случались вспышки “личности Номер 2”, сказала голосом Номера 2: “Он умер как раз вовремя для тебя”. Юнг воспринял это как то, что теперь он, наконец, свободен выбирать свою судьбу . путь и взять

на себя ответственность взрослого человека. На самом деле.

* Винсент Бром: Юнг, стр. 60.

он переехал в комнату своего отца и раздавал деньги на домашнее хозяйство своей матери, которая была не в состоянии управлять семейными финансами.

Несмотря на университетскую стипендию, студенческие годы Юнга были временем бесконечной бедности. Позже он сказал: “Я бы не пропустил это время бедности. Человек учится ценить простые вещи”.

Он начал читать Ницше и нашел его опьяняющим, особенно “Заратустру”. Но он пришел к пониманию того, что Заратустра был для Ницше личностью номер два, и что Ницше позволил ему стать его доминирующим “я”. Результатом был напыщенный язык Заратустры, и Растущая маниакальная самоуверенность Ницше, закончившаяся безумием. (Юнг, по-видимому, не знал, что Ницше Сумасшествие Ше было вызвано сифилисом.) Он также читал Замечательная — и ныне забытая десятая — работа Эдуарда фон Хартмана “Философия бессознательного”, в которой Хартман утверждает, что природой движет огромная бессознательная воля. “Бессознательное” Хартмана не было тем бессознательным разумом, который уже тогда — в 1890— х годах - был “открыт” Фрейдом; но сотни примеров инстинктивного поведения животных и птиц, приведенных им, должно быть , дали Юнгу представление о бессознательной, но целенаправленной сфере инстинктов. Юнг все еще был типичным романтиком, искавшим что-то, что могло бы придать его жизни направление и цель. И Хартманн и Ницше подливали масла в огонь интеллектуального бунта.

Но было и еще более важное влияние. В библиотеке отца своего одноклассника он наткнулся на небольшую книгу о зарождении спиритизма. Это началось в Америке в 1848 году, в доме семьи Фокс в штате Нью-Йорк, когда странные постукивающие звуки дали им понять, что в доме “водятся привидения”. Двое детей Фокс, Кейт и Маргарет, установили контакт с “существом” с помощью кодового стука, и им сказали, что в доме был убит

разносчик — позже в подвале были найдены человеческие кости. Несмотря на противодействие Церкви, “спиритизм” быстро распространился по Америке, а затем и по Европе. Люди, которые, подобно сестрам Фокс, были способны входить в транс и устанавливать контакт с “духами”, стали известны как “медиумы”. Во Франции в 1850-х годах педагог по имени Денизар Ривайль диско утверждал, что две дочери его друга были отличными

28 Владыка подземного мира

медиумов и начал задавать духам всевозможные вопросы о жизни после смерти и смысле человеческого существования; в 1857 году он опубликовал свои результаты под псевдонимом Аллен Кардек в работе под названием “Книга духов” ; она стала “Библией спиритизма” и приобрела огромное влияние. Спиритизм быстро стал религией. джион. В 1880-х годах группа английских философов во главе с Генри Сиджвик и Фредерик Майерс решили основать общество научных исследований привидений, пол тергейсты, телепатия и другие проявления пара нормальным; оно стало Обществом психических исследований.

Таким образом, к тому времени, когда Юнг в возрасте двадцати двух лет открыл для себя спиритизм, у него уже было большое количество серьезных работ по психическим исследованиям, а также бесчисленные тома недостоверных историй о привидениях и ” ясновидении”. Юнг погрузился в изучение этой темы и прочитал все , что смог найти. Школьные товарищи, с которыми он говорил об этом , в основном были настроены скептически или не проявляли интереса. Но Юнгу быстро стало ясно, что, когда со всего мира на протяжении тысячелетий поступают сообщения о явлениях, абсурдно отмахиваться от них как от результата обмана или воображения. тион. “Я был поражен уверенностью, с которой они могли утверждать, что такие вещи, как привидения и переворачивание столов , невозможны и, следовательно, являются мошенничеством, и, с другой стороны, явно озабоченным характером их защитных мер. мыс. Для себя я нашел такие возможности чрезвычайно интересными и привлекательными. Они добавили в мою жизнь еще одно измерение, мир приобрел глубину и подоплеку”.

Он признал, что эти верования о духах, предсказателях

в детстве большинство сельских жителей воспринимали это как должное, а теперь, прочитав серьезные работы о психических явлениях, он убедился, что такие вещи нельзя сбрасывать со счетов как суеверия. Однако утонченный городской мир Базеля отвергал все это. Его самоуважение укрепилось, когда он ясно увидел, что городской мир до смешного узколоб. Но его нетерпимость и склонность к спорам вызвали у него неприязнь и

вновь пробудили старые чувства неуверенности в себе и неполноценности, с которыми приходилось бороться.

Его научные занятия служили противовесом интересу к оккультизму. Он стал младшим ассистентом кафедры анатомии, а затем был назначен заведующим курсом по

гистология, изучение органических тканей. Это было чрезвычайно важно для человека, который так сильно нуждался в успехе, как Юнг. Он превратился в одержимого работника; наука стала для него важнейшей формой помощи. И снова этот опыт преодоления своих обмороков и погружения в учебу оказался ключом к его саморазвитию.

Вскоре он пережил вторжение оккультизма в свою личную жизнь. Однажды, сидя за учебниками, он услышал звук, похожий на пистолетный выстрел, донесшийся из соседней столовой , где сидела его мать. Он бросился туда и обнаружил, что круглый ореховый стол раскололся от края до центра. Очевидной причины не было; день выдался прохладный ; стол просох за семьдесят лет. Две недели спустя, вернувшись домой, он застал мать и сестру в состоянии крайнего возбуждения; было еще одно громкое сообщение, но они не смогли найти причину. Юнг осмотрел буфет, из которого, по-видимому, доносился звук; Внутри он обнаружил, что хлебный нож раскололся на несколько частей. На следующий день Юнг отнес сломанный нож к резчику, чтобы спросить, может ли он придумать какое-нибудь объяснение; резчик сказал, что это выглядело так, как будто кто-то намеренно ломал лезвие, по кусочку за раз, засовывая его в трещину.

Несколько недель спустя Юнг услышал, что его двоюродная сестра Хелли (Хелен) Прейсверк обрела медиумические способности. Ее дед, ученый-ивритолог преподобный Самуил Прейсверк обладал этими способностями в такой степени, что жил в семье с двумя женами, одна из которых была жива, а другая мертва. К неудовольствию его второй жены, преподобной Раз в неделю Сэмюэл удалялся в свой кабинет и беседовал с духом своей первой жены, которая сидела В специально отведенном для нее кресле; эта ситуация с Ноэлем Кауардом, по-видимому, продолжалась годами. Другие члены семьи также были экстрасенсами; и, как мы уже видели, Юнг рассматривал свою

мать как раздвоенную личность, одна из которых обладала скрытыми оккультными способностями.

В 1889 году Хелли Прейсверк была непривлекательной пятнадцатилетней школьницей с худым, бледным лицом и маленьким сжатым ртом; Юнг описал ее как “обладательницу посредственного интеллекта, без особых способностей”. У Хелли было несчастливое детство; она была членом большой семьи., отец не обращал на детей внимания, а мать жестоко обращалась с ними. Она получила плохое образование и не могла найти себе места в семье.

30. Повелитель подземного мира

практически не разбирался в литературе.

В июле 1899 года она участвовала в экспериментах по ” вращению стола”, которые были популярны как салонная игра; группа людей садилась вокруг легкого столика, соприкасаясь кончиками пальцев, и пыталась заставить его двигаться. При благоприятных обстоятельствах. в некоторых случаях стол начинает вибрировать, а затем может скользить по полу, подниматься так, что на полу остаются только две ножки, а иногда даже подниматься в воздух. На одном из таких сеансов Хелли внезапно сильно побледнела, закрыла глаза и впала в транс. Она начала говорить голосом, не похожим на ее собственный, и на литературном немецком, а не на своем обычном швейцарском диалекте. Когда она пришла в себя, то ничего не могла вспомнить из того, что произошло, но у нее сильно болела голова.

Юнг узнал об этих трансовых состояниях в следующем месяце и начал посещать воскресные вечерние сеансы. К этому времени у Хелли уже был “наставник” или контролер, который утверждал , что является ее дедушкой, преподобным Сэмюэлем Прейсверком, и который был склонен произносить елейные религиозные речи. Значительное число “духов” начали говорить через Рот Белли. Один из них заявил, что он брат умершего мужчины, который присутствовал при этом, и начал дерзко флиртовать с одной из дам; другие представились умершими родственниками медиума. Затем появился мужчина с северонемецким акцентом по имени Ульрих фон Гербенштайн. Там была девушка, которая быстро болтала на смеси французского и итальянского, хотя оба языка были медиуму неизвестны. Наконец, появился дух по имени Ивенес , который заявил, что он “настоящая Хелен Прейсверк”. Ивенес утверждала, что когда-то она была Фридерикой Хауффе, знаменитой “Провидицей из Преворста”, о которой Юстинус Кернер написал знаменитую книгу о жене священника , которую соблазнил Гете, о саксонской графине, французской аристократке тринадцатого века, сожженной как ведьма, и о христианской мученице. Что поразило Юнг считал, что Ивенес казалась зрелой и уравновешенной женщиной, обладающей значительными знаниями — гораздо более глубокими уступ, которого Хелли никогда бы не смогла достичь. Юнг говорил, что она могла говорить так серьезно, с такой силой и убедительностью , что

невольно задаешься вопросом: неужели это действительно девочка пятнадцати с половиной лет? Создавалось впечатление, что она разыгрывает зрелую женщину, обладающую значительным драматическим талантом.’

Раздвоение личности 31

Хелли утверждала, что каждую среду проводит ночь в компании духов, которых она ясно видела; она рассказала о “звездных жителях”, у которых нет богоподобных душ, но которые далеко продвинулись в науке, и описала каналы и летательные аппараты Марса. Позже она разработала сложную мистическую систему, в которой силы Вселенной символически расположены в виде семи кругов — когда годы спустя Юнг наткнулся на символ Мандалы, он пришел к выводу, что Хелли извлекла его из коллективного бессознательного.

В течение 1899-900 годов качество сеансов начало ухудшаться, поскольку обычные духи иногда часами болтали без умолку. Силы Хелли, по-видимому , угасали. Когда однажды она призналась Юнгу, что имитировала транс, он потерял к ней интерес. Когда несколько лет спустя они встретились в Париже, тема сеансов тактично не затрагивалась. Хелли стала портнихой в Монпелье лиер, и умер в возрасте тридцати лет. После ее смерти Юнг поймал себя на том, что размышляет, знало ли ее подсознание , что ей суждено умереть молодой, и была ли личность Ивенес своего рода компенсацией за это, попыткой вырасти в зрелую женщину средних лет, которой она никогда не станет.

В 1902 году в Цюрихе Юнг защитит докторскую диссертацию “Психология и патология так называемых Оккультные явления”, которая в основном представляет собой подробное описание рассмотрение дела Хелли Прейсверк. К тому времени Юнг пришел к выводу, что Хелли была пациенткой с “множественной личностью” — загадочным и до сих пор лишь частично понятым феноменом, в котором, по-видимому, участвуют несколько человек. Над одним и тем же телом (дело о “трех лицах Евы” , пожалуй, самое известное за последние годы). Согласно этой теории, Хелли была своего рода Уолтером Митти, чья компенсаторная фантазийная жизнь успешно прорвалась из ее подсознания, породив различные личностные образы. узы. Томсон Джей Хадсон в книге “Закон психических явлений” пришел к

аналогичному выводу о спиритических сеансах — что они являются просто проявлением невероятной изобретательности и созидательного потенциала “субъективного разума”. Хадсон присутствовал на сеансе гипноза, во время которого молодому человеку сказали, что его знакомят с Сократом; молодой человек выглядел глубоко впечатленным и продолжил одностороннюю беседу с духом греческого философа. По просьбе гипнотизера-32. Владыка подземного мира

если повторить то, что говорил Сократ, то он создал такую блестящую и сложную философскую систему, что некоторые присутствующие были склонны полагать, что он на самом деле разговаривал с призраком Сократа.

Однако, как мы видели, сам Юнг в конце концов отказался от этого сугубо “человеческого” взгляда на паранормальные явления и, по крайней мере, молчаливо, признал существование духов. “Психо логический взгляд на спиритизм не в состоянии охватить чрезвычайно сложный спектр явлений. Например, в знаменитом В случае с “перекрестной перепиской” ряд медиумов в разных частях света получили “послания”, которые якобы исходили от неких умерших основателей Общество психических исследований, сообщения, которые обретают смысл только тогда, когда их складывают вместе, как пазл. И сам Юнг был другом человека, Дж. Х. Хислопа, который получил убедительные доказательства выживания, в которых участвовал не кто иной, как Уильям Джеймс. Джеймс и Хислоп пообещали друг другу, что тот, кто умрет первым, попытается ” вернуться”. В течение многих лет после смерти Джеймса в 1910 году ничего не происходило. Затем Хислоп получил письмо из Ирландии, в котором говорилось, что “дух” по имени Уильям Джеймс общался с ними с помощью планшетки и просил их связаться с неким Профессора Хислопа и спросите его, не помнит ли он какую-нибудь красную пижаму. Хислоп был сбит с толку; для него это ничего не значило. Затем, в мгновение ока, все вспомнилось: Джеймс и Хислоп в молодости отдыхали в Европе и приехали в Однажды поздно вечером они отправились в Париж и обнаружили, что их багаж еще не прибыл. Хислоп отправился покупать пижаму, но смог найти только кричаще-красную; Джеймс несколько дней дразнил Хислопа за то, что тот не любит пижам. Но Хислоп уже давно забыл об этом инциденте.

Трудно было бы придумать более убедительное доказательство “выживания”. И, учитывая, что Юнг знал об этом случае из первых рук, трудно понять, как он вообще мог принять

“психологический” взгляд на психические явления. Безжалостная точка зрения заключалась бы в том, что это была просто интеллектуальная нечестность, “двоемыслие”, характерное для многих ученых, стремящихся прослыть “твердолобыми” (выражение, придуманное Уильям Джеймс). Но мы также должны иметь в виду, что Хелли Прейсверк была двоюродной сестрой Юнга, и Юнг быстро понял, что ей очень нравилось внимание, которое она получала в результате своих трансов. Хелли была

не известный медиум, а просто девушка, которую Юнг знал с детства. Юнг неизбежно допускал, что фамильярность порождает определенное презрение — в своем комментарии он отметил, что она “обладала посредственным интеллектом, без особых дарований”. Более того, на более позднем сеансе она в конце концов призналась в мошенничестве. Было естественно, что молодой врач был склонен к “упрощенческому” взгляду на ее случай.

Но когда вскоре после этого он наткнулся на Краффта-Учебник Эбинга по психиатрии, с ее замечание о болезни личности, его память просмотры должно быть, сыграл свою роль в волнении, что за обрушилась на него. Лекции по психиатрии, включенные в его медицинский курс, наскучили ему, потому что большинство врачей тогда рассматривали психические заболевания как физические по своей природе — из-за разрушения мозговой ткани или заболевания нервной системы. Краффт-Эбинг предполагал, что ответ следует искать в области человеческой души, в “психике”. Результат, должно быть, был подобен внезапному открытию двери. “Эти несколько намеков произвели такое преображение. проливая свет на психиатрию, я был безвозвратно очарован ею”. Он был похож на исследователя, который внезапно получил доказательство реального существования Атлантиды или короля Копи Соломона.

- Решение было принято. Когда я сообщил своему преподавателю по внутренним болезням о своем намерении, я прочитал на его лице изумление и разочарование. Моя старая рана, ощущение себя аутсайдером и отчуждения от других, снова разболелась”. Но теперь, когда перед ним открылся путь к открытиям, он больше не заботился о том, чтобы быть аутсайдером. Наконец-то у него появилось направление.

Два

Как стать ученым

Юнгу повезло, что его принял Ойген Блейлер, один из ведущих психиатров Европы, работал ассистентом в психиатрической больнице Бургхольцли в Цюрихе. Блейлер, которому принадлежит авторство термина “шизофрения”, сам был директором Бургхольцли всего два года, когда Юнг прибыл в Декабрь 1900 года. До этого он заведовал сумасшедшим домом в Райнау, полным старых, слабоумных пациентов , которых считали неизлечимыми овощами. Блейлер воспринял это как вызов и решительно настроился познакомиться с каждым из них лично и попытаться докопаться до корня их проблем. Вместо того чтобы относиться к их заблуждениям как к непостижимой чепухе, он попытался точно понять, как они возникли. Можно сказать, что Блейлер относился к их заблуждениям так, как литературный критик относится к роману — как к произведению, которое можно понять. И в эпоху, когда психические заболевания рассматривались как физические по происхождению — точка зрения, известная как органицизм, — это был огромный шаг вперед. Он добился блестящих успехов.

Юнг описывал Бургхольцли как своего рода монастырь. Блейлер ожидал от своих сотрудников такой же фанатичной преданности , какую он привносил в свою работу. Но он не был авторитарным — его отношение скорее напоминало отношение доброго старшего брата. Прибыв на место, Юнг был смущен тем, что Блейлер настоял на том, чтобы отнести его чемодан в его комнату.

Алкоголь был запрещен; еда была обильной, но простой. Юнгу пришлось вставать в 6.30 и совершать обход перед собранием генерального штаба в 8.30. Двери больницы закрывались в 10 часов вечера, и ключи выдавались только пожилым пациентам.

Но это было именно то, в чем нуждался Юнг. Он наконец -то нашел то, что могло поглотить его энтузиазм. Для него душевный мир пациентов был бесконечным.

серия увлекательных головоломок. Его преданность делу была настолько выше, чем у большинства его коллег, что он испытывал вполне понятное чувство превосходства. Примерно через неделю он начал проводить большую часть своего времени в одиночестве и за шесть месяцев прочитал пятьдесят томов “Дневника истории”. Психиатрия (Allgemeine Zeitschrift fur Psychiatrie) от начала до конца. Пребывание в окружении психически больных людей, по-видимому , вызвало у них тот нездоровый энтузиазм, который ребенок испытывает к насилию. “Я хотел знать, как человеческий разум реагирует на зрелище собственного разрушения, поскольку психиатрия казалась мне четким выражением той биологической реакции, которая охватывает так называемый здоровый разум при наличии психического заболевания”.

Позже, описывая этот период, Юнг проявил любопытное отсутствие великодушия по отношению к Блейлеру. Он утверждает, что его больше всего интересовал вопрос: “Что на самом деле происходит внутри психически больного?”, а затем добавляет невероятное утверждение: “Никто из моих коллег никогда не занимался подобными проблемами”. Поскольку именно в этом заключалась суть вклада Блейлера, такое замечание кажется непонятным. Юнг также не признает своей собственной заслуги перед Блейлером. Вероятно, это объясняется тем, что Юнг был так же увлечен тайнами психических заболеваний, как и Блейлер, и ему не нужен был пример Блейлера, чтобы поощрять его; поэтому он считал Блейлер с неосознанной ревностью человека, который чувствует , что кто-то другой предвосхитил его собственное открытие. Что кажется очевидным, так это то, что Юнг отдался работе в больнице с такой же самоотдачей, как и Блейлер.

Блейлер подозревал, что такие заболевания, как шизофрения (потеря контакта с реальностью), могут быть частично вызваны какими-то физическими причинами, такими как дефицит гормонов. (И последние открытия показывают, что он вполне может быть прав). Но его настоящим вкладом было осознание того, что болезнь - это, в основном , вопрос собственной воли пациента или ее отсутствия. В этом случае главная проблема

заключалась в том, чтобы побудить пациента проявить волю, вместо того чтобы оставаться свинцовым пассивным грузом. Например, он мог бы вернуть тяжелобольного пациента к семейной жизни — скорее в духе обучения кого -то плаванию, бросив его в бассейн. Он также был пионером “трудовой терапии”.

Юнг приводит пример случая, который его заинтересовал. Одна из его пациенток страдала острым

36 Владыка подземного мира

депрессия. Изучая ее сны и подвергая ее словесным ассоциативным тестам — одному из главных нововведений Юнга в Бургхольцли, — он раскрыл историю вины, которая объясняла ее болезнь. Она была влюблена в сына богатого промышленника, но, поскольку он, казалось, был к ней равнодушен, она вышла замуж за другого мужчину. Пять лет спустя старая подруга рассказала ей, что этот мужчина был влюблен в нее и расстроился, когда она вышла замуж. Она начала впадать в депрессию. Однажды, купая своих детей, она заметила, что ее маленькая дочь сосет воду из речной ванны, пропитанной губкой; ее депрессия сделала ее равнодушной. На самом деле, она также позволяла своему маленькому сыну пить речную воду. Девочка умерла, но на сына это не повлияло. Девочка была ее любимицей, и вскоре после этого ее депрессия достигла такой степени, что стала похожа на шизофрению, и она была госпитализирована.

Узнав тайну своей пациентки, Юнг столкнулся с проблемой, что делать дальше. Он принял решение рассказать ей. Это решение оказалось правильным. Осознание того, что кто-то поделился ее секретом, было подобно исповеди; через две недели она почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы ее выписали, и больше никогда не попадала в больницу.

Конечно, это было чрезвычайно рискованное решение, и Блейлер, с его глубокой заботой о пациенте, вполне мог и не принимать его. Читая рассказ Юнга о его случаях, невозможно не осознавать, что его успех был отчасти обусловлен элементом безжалостности; в нем преобладало любопытство, а не сострадание. Такую же жестокость можно наблюдать в более позднем деле, касающемся управляющего Банком Англии сэра Монтегю Нормана, который начал страдать маниакально-депрессивным расстройством, которое в своей маниакальной фазе переросло в манию величия. Дело проявления величия иногда ассоциируются с сифилисом и общим параличом душевнобольных. Юнг заказал анализ крови и сообщил Норману, что у него сифилитический синдром. Ни брат Нормана, Рональд, услышав приговор от своего потрясенного брата, поспешил к Юнгу, который твердо повторил свой вердикт и заявил, что Норман умрет в течение нескольких месяцев. На самом деле анализ крови оказался ошибочным, и Норман лечился у другого врача от маниакально-депрессивного расстройства и частично излечился. Чрезмерная жизненная энергия Юнга,

похоже, притупила ту грань человеческого сочувствия, которая необходима хорошему психиатру.

Как стать ученым 37

Что так сильно волновало Юнга в те первые дни, так это его признание того, что психические заболевания коренятся в подсознании, а не в каком-то ухудшении работы мозга или нервной системы. Поэтому все можно свести к простой проблеме: как “проникнуть” в бессознательное и выяснить, что там происходит. В то время наиболее полезным методом был тест на словесные ассоциации, изобретенный Сэром Фрэнсисом Гальтоном и доработанный Вундтом. Когда было обнаружено, что время реакции увеличивается, когда слово вызывает неприятные ассоциации, психиатр внезапно получил ключ к пониманию подавленности пациента.

Одним из наиболее важных открытий Блейлера было то, что шизофрения связана с ослаблением ментальных ассоциаций пациента . В конце концов, сознание - это вопрос ассоциаций. Если корова смотрит на зонтик, для нее это ничего не значит, потому что зонтик не вызывает у коровы никаких ассоциаций, а у человека их десятки. Наш разум - это паутина ассоциаций. Когда человек “отпускает себя”, как мать, которая позволяет своему ребенку сосать грязную воду, он избавляется от ассоциаций . Поэтому, когда Блейлер осознал, что тест на словесные ассоциации может дать ключ к пониманию психических заболеваний, он сделал практический шаг к пониманию “географии сознания”.

Юнг уже изобрел свой собственный ментальный стетоскоп для зондирования бессознательного: анализ сновидений. С самого детства он был очарован своими собственными снами, инстинктивно чувствуя, что они пытаются ему что-то “сказать”. Теперь, используя анализ сновидений в сочетании с с помощью теста на словесные ассоциации он понял, что у него есть ключ ко многим тайнам разума. Он стал, так сказать, Шерлоком Холмсом в психиатрии. Иногда даже его собственные сны помогали ему раскрыть дело. Его проконсультировала симпатичная молодая еврейка с тяжелым неврозом тревоги. Прошлой ночью ему приснилась молодая девушка, проблемой которой была зацикленность на отце. Когда молодая еврейка заговорила с ним, и он вынужден был признать, что не может проникнуть в суть ее

проблемы, он вдруг подумал: “Она - девушка моей мечты”. Он не заметил никаких признаков отцовского комплекса, но когда спросил ее о дедушке, она замкнулась в себе. ее глаза на мгновение загорелись, и Юнг пришел к выводу, что в этом-то и кроется корень проблемы. Ее дед был раввином, своего рода святым , который, как считалось, обладал ясновидением. Ее отец

38 Владыка подземного мира

отказался рассказывать об этом и отрекся от еврейской веры. Юнг внезапно сказал девушке: “У тебя невроз , потому что в тебя вселился страх Божий”. Позже ему приснилось, что он стоит на коленях и протягивает девушке зонтик, как будто она богиня. Когда он рассказал ей этот сон, ее невроз быстро прошел.

Подобный случай заставляет читателя заподозрить, что Юнг был более безумным, чем его пациентка, и такая реакция не совсем необоснованна. Начнем с того, что Юнг предполагает, что его первый сон рассказывал ему что-то о пациентке , которую он впервые увидел на следующий день. Далее он предполагает , что дедушка каким-то образом является ключом к ее неврозу. В конце концов, он приходит к выводу, что у девушки есть задатки святой, но она каким-то образом застряла в своем собственном представлении о себе как о симпатичном, поверхностном существе, у которого в голове нет ничего, кроме флирта и одежды. То, что делает Юнг, - это использует свои собственные совершенно иррациональные реакции, чтобы дать представление о проблеме, которая не поддавалась его сознательному интеллекту. Вполне возможно, что он, возможно, был совершенно неправ относительно причины ее невроза и своего ощущения, что она была похожа на святую. Но инстинкт заставлял его относиться к ней как к кому-то, кто заслуживает того, чтобы к нему относились как к богине, а не как к глупой маленькой девочке, и это повысило ее самооценку и помогло решить проблему. Мы также должны принять во внимание самого аналитика. Юнг был хорошо сложенным, красивым молодым человеком с властными манерами решительность и явная сила его присутствия — и его скрытое восхищение — должно быть, подействовали на самолюбие девушки как успокаивающий бальзам. Так что, прав был Юнг на ее счет или нет , он интуитивно нашел правильный метод повышения ее самоуважения и жизненных сил.

Этот случай также должен заставить нас с некоторой осторожностью относиться к Весь подход Юнга к психиатрии. Он хотел относиться к этому как к точной науке, что означало поиск научных обоснований. оправдания за то, что он делал инстинктивно. Его статья “О Примером могут служить “Так называемые оккультные феномены”, посвященные его кузине Хелли: Хелли нужно втиснуть в форму, которая подходит — в

данном случае, раздвоение личности. Но по мере того, как мы читаем этот случай, мы начинаем осознавать, что ее медиумизм был гораздо сложнее, чем фантазия Уолтера Митти, к которой Юнг пытается его свести, точно так же, как случай сэра Монтегю Нормана был сложнее, чем сифилис. В те ранние дни Юнг был одержим идеей звучать как платный член клуба.

научный истеблишмент, и результатом является некоторая закостенелость в его мыслительных категориях, недостаток проницательности.

Возникает соблазн рассматривать его общение с Пьером Жане зимой 1902-1903 годов как еще один пример недостатка проницательности. Юнг получил отпуск, чтобы провести зиму в Париже, обучаясь у Джанет, которой в то время было пятьдесят три года. Джанет произвела сенсацию в В 1885 году была опубликована статья о пациентке по имени Леони, исключительно хорошо поддающейся гипнозу, и о замечательном случае множественной личности.* Джанет могла погрузить Леони в состояние гипноза, находясь по другую сторону экрана. Гавре и пригласил ее к себе домой. Такое открытие должно было произвести революцию в психологии, но оно было слишком ошеломляющим, чтобы его смог воспринять даже Юнг.

В 1902 году, когда Юнг приехал в Париж, Джанет разработала простую и всеобъемлющую теорию о причинах психических заболеваний. Как и Блейлер, Джанет признавала, что такая болезнь, как шизофрения, - это рассеивание внимания, потеря концентрации. отношение; мы точно выражаем это, когда говорим, что у кого -то “не все на месте”. Все где? Все там, на чем следует сосредоточить внимание. Сосредоточение - это умственный акт, и он является функцией воли, точно так же, как дыхание является функцией легких или пищеварение в желудке. Определение здорового человека - это человек, который сосредотачивается и концентрируется с чувством жизненной цели.

Джанет описала этот процесс сосредоточения как “психологическое напряжение”. Психологическое напряжение —

это осознанное использование нашей “психологической силы” - нашей энергии.

Если я смотрю на какую-то перспективу со стоном скуки, это вызывает чувство, которое можно перевести как “О, ноябрь”, и потерю “психологического напряжения”; моя энергия, кажется , растекается, как стакан воды, опрокинутый на стол. И наоборот, в тот момент, когда я начинаю чем-то сильно интересоваться , мое психологическое напряжение возрастает, и в результате я внезапно ощущаю прилив энергии и жизненной силы — психологической силы.

Таким образом, в важном смысле я сам отвечаю за свою жизненную силу. Мне остается только подумать про себя: “Как это очаровательно размышляю и концентрируюсь, чтобы ощутить мгновенный подъем своего жизненного напряжения.

Но если я могу управлять своей собственной жизненной силой, то что же вызывает

t

* Смотрите “Мои тайны”, стр. 209.

40 Повелитель подземного мира

невроз? Это простой механизм. Когда я позволяю психологическому напряжению ослабнуть из —за лени, скуки или чувства поражения, кротовые норы превращаются в горы, и внезапно настоящим врагом становится не “внешний мир”, а мои собственные негативные силы - недоверие, жалость к себе, неуверенность в себе. Я похожа на балийскую танцовщицу в Фильм Дэнни Кея, который умудряется завязывать себя в узлы. Это эффект порочного круга.

Что может спасти нас от этого порочного круга поражений и слабости? Любой внезапный вызов или стимул, который затрагивает наше чувство реальности. Невроз - это, по сути, потеря контакта с реальностью. Все мы обладаем “функцией реальности” — способностью устанавливать контакт с реальностью. Очевидно, что у детей оно выражено слабее, чем у взрослых, потому что у ребенка меньше опыта общения с реальностью, и поэтому ему труднее вызвать реальность, так сказать, “у себя в голове” . Ибо именно об этом идет речь: о способности вызывать реальность, подобно тому как вызывают джинна из лампы, и заставлять его появляться в собственной голове. Это объясняет , почему мы все жаждем опыта и ненавидим бездействие; мы хотим усилить нашу “функцию реальности”.

Итак, Джанет говорит о том, что мы можем усилить свою функцию реальности и вытащить себя из этого вязкого болота субъективности. Когда это происходит, процесс идет в обратном направлении. Горы превращаются в кротовые норы, когда я осознаю, что все проблемы могут быть решены при условии, что я увеличу свой психологический уровень психологическое напряжение: своего рода оптимистическая решимость. Невроз можно сравнить со спящим, который запутался в одеялах и которому снится кошмар, что он находится в объятиях удава. В тот момент, когда он просыпается, он вздыхает с облегчением , понимая, что ситуация была не такой серьезной, как он думал. Он чувствовал себя беспомощным только потому, что спал. Теперь он проснулся, и его свободная воля может действовать. И когда он вызывает психологическое напряжение — это чувство оптимистической решимости, — он понимает, что он также мобилизует энергию, необходимую для реализации своих целей.: психологическая сила.

Короче говоря, психология Джанет в основе своей оптимистична и немеханическа. И поскольку в ту зиму 1902 года сам Юнг был полон оптимизма и энтузиазма, было бы разумно ожидать, что он воспримет Джанет как родственную душу. Почему он этого не сделал? Возможно, потому, что Идеи Джанет настолько здравомыслящи и оптимистичны. Юнг был всего лишь

4 ” он вышел из мрачного мира немецкого романтизма, из “Фауста”, Шопенгауэра и Ницше, и он был занят Я уравновешиваю этот аспект его личности с помощью | точный эксперимент, который углубил его собственную “функцию реальности”.- | тион”. С точки зрения темперамента, он был не в восторге от галльской логики и ясности Джанет.

Кроме того, во время той первой поездки в Париж голова Юнга была забита другими вещами, помимо психологии нейро сестренка. Он был влюблен в привлекательную девушку, которая была моложе его на семь лет и которая только что согласилась выйти за него замуж. Юнг говорит, что впервые увидел Эмму Раушенбах, дочь богатого промышленника, когда ему был двадцать один год, а ей четырнадцать; она стояла на верхней площадке лестницы в цюрихском отеле, и Юнг повернулся к своей спутнице и сказал: “Эта девушка будет моей женой.- Любовные письма Юнга до сих пор не опубликованы, поэтому нам не хватает подробностей о развитии их романа, но мы знаем, что он сопровождал ее на пикники и прогулки к озеру. Когда он в первый раз сделал ей предложение, она отказала ему, что , должно быть, стало шоком для его собственного здорового эго. Но к тому времени, когда он уехал в Париж, она приняла его, и, вероятно, именно это отчасти стало причиной “легкого опьянения”, которое он испытывал всю зиму. Похоже, он не был особенно прилежным студентом — Джанет, во всяком случае, читала лекции всего раз в неделю — и проводил много времени, бродя по окрестностям и осматривая достопримечательности. Денег по-прежнему не хватало , и он часто обедал печеными каштанами.

Затем, вернувшись в Цюрих, он начал новую жизнь. В феврале 1903 года он женился на Эмме. Они отправились в свадебное путешествие на озеро Комо. Для супружеской пары была предоставлена квартира в Бургхольцли, прямо над квартирой

Блейлера. Внезапно жизнь стала восхитительной: обеды в собственном доме, достаточно денег , чтобы развлекать друзей, походы с Эммой по магазинам. Всем она нравилась, и они считали, что Юнг сделал отличный выбор; для Юнга, привыкшего к бедности, этот брак, должно быть, казался предвкушением успеха.

? Юнг был одержим работой. Было еще много слухов У меня ассоциируются тесты, причем тесты с гальванометром, прикрепленным к коже и представляющим собой своего рода детектор лжи; его документы | по этим темам сформирован большой объем собранных Я работаю. Но удача тоже была на его стороне. Однажды, спустя 58 лет- « пожилая женщина пришла на костылях на одну из лекций Юнга; она

страдала от паралича левой ноги. Она начала рассказывать о своих симптомах, и Юнг приготовился использовать ее для демонстрации гипноза своим студентам. К своему удивлению, однако, как только он сказал: “Я собираюсь вас загипнотизировать”, она впала в транс . “И пока Юнг стоял там, чувствуя себя довольно неуютно, она многословно рассказывала о своих снах. Через полчаса он попытался разбудить ее, но ему это удалось только через десять минут. Когда она в замешательстве огляделась по сторонам, Юнг сказал: “Я врач, и все в порядке!” - Но Я вылечилась! - воскликнула женщина и отбросила костыли. Юнг повернулся к своим ученикам и торжествующе сказал фэнтли: “Теперь вы видите, чего можно добиться с помощью гипноза!”

Следующим летом, когда начался его следующий курс лекций , женщина снова обратилась к нему с жалобами на сильные боли в спине. Расспросы выявили тот факт, что боли начались сразу же после того, как она прочитала о лекции Юнга в газете. Повторилась та же история: она спонтанно впала в транс и проснулась здоровой.

Эта женщина ходила по Цюриху, рассказывая о “чудесном излечении” Юнга, и именно благодаря этому он начал принимать своих первых частных пациентов. Дальнейшее изучение жизни этой женщины позволило выявить причины, стоящие за чудесным исцелением. У нее был слабоумный сын, который работал на второстепенной работе в отделении Юнга в больнице. Она мечтала о будущем успехе своего единственного ребенка; его психическое заболевание стало для нее страшным ударом. Таким образом, по сути, она перенесла свои надежды и чаяния на Юнга; она видела в нем своего “сына”.

Юнг решил объяснить все это женщине. “Она перенесла это очень хорошо, и рецидива больше не было”. Таким образом , объяснив ей причину ее проблемы, он решил ее. На личном опыте Юнг подтвердил одну из центральных идей своего противоречивого венского коллеги Зигмунда Фрейда о том, что лечение невроза заключается в том, чтобы вывести его на свет сознания.

На самом деле Юнг все больше интересовался Фрейда с тех пор, как он перечитал “Толкование сновидений” вскоре после своей

женитьбы. Впервые он прочитал ее в 1900 году, еще до того, как приехал в Бургхольцли, поскольку всегда глубоко интересовался сновидениями. В то время это не произвело на него впечатления. Анализ сновидений Фрейда часто казался абсурдно притянутым за уши. Например, одна пациентка рассказала ему сон, в котором ее муж предположил, что Фрейд

пианино следовало бы настроить, на что она ответила: “Оно того не стоит”, и назвала пианино “отвратительной коробкой”. Дальнейший опрос показал, что фраза “Это не имеет смысла” была использована пациенткой накануне , когда она зашла к знакомой женщине, которая попросила ее снять пальто; она сказала: “Это не имеет смысла — я могу задержаться только на минутку”. Фрейд вспомнила, что накануне , во время анализа, женщина схватилась за свое пальто, на котором была расстегнута пуговица. Он пришел к выводу, что она, по сути, хотела сказать: “Не утруждай себя поисками — это того не стоит”. Во сне ее “сундук”, видневшийся из-за распахнутого пальто, превратился в “коробку”.

Можно понять, почему Юнг не был впечатлен своим первым прочтением “Толкования сновидений”. Но его клинический опыт убедил его в том, что “вытеснение” играет важную роль в психических заболеваниях, как и говорил Фрейд. Джанет говорила, что истерия возникает в основном из-за ослабления воли, что приводит к “расщеплению сознания”. Фрейд противоречил Джанет, утверждая , что истерия возникает из-за подавления некоторых неуправляемых процессов. приятное переживание или идея — как в случае с пациенткой Юнга, которая “бессознательно” отравила свою дочь загрязненной водой. Более того, Юнг на собственном раннем опыте испытал эффект подавления — когда, будучи школьником, он подавил мысль о какашках, падающих с Божьего трона на крышу собора. Поэтому повторное прочтение “Толкования сновидений” наполнило его восхищением клиническими прозрениями Фрейда.

Его главное опасение заключалось в том, что Фрейд настаивал на том, что все подавления связаны с сексом. Это было явной неправдой; падающее дерьмо не имело никакого отношения к

сексу — это был вопрос богохульства, — и “отравление” женщиной своей дочери было скорее социальным, чем сексуальным вопросом. “Из своей практики я был знаком с многочисленными случаями неврозов, в которых вопрос сексуальности играл второстепенную роль”. Но эта небольшая область разногласий казалась незначительной по сравнению со все более обширными областями согласия — Юнг в то время не подозревал , насколько страстно Фрейд относился к своей сексуальной теории невроза. Сейчас Юнг готовил свою вторую крупную публикацию. Психология раннего слабоумия (первыми были его исследования в области словесных ассоциаций, которые появились в 1906), и фрейдистские представления играли все более важную роль

важную роль в его мировоззрении. Раннее слабоумие — для

в 1909 году Блейлер изобрел термин “шизофрения”_

это означало диссоциацию от реальности, как при кататонии, когда пациент тупо смотрит в пространство; первоначально считалось , что это чисто органическое расстройство, вызванное повреждением мозга. В любом случае, от нее, как правило, отмахивались просто как от безумия, при котором бред пациента был произвольным и необъяснимым. Тесты Юнга на словесные ассоциации убедили его, что это не так: как и истерия, шизофрения возникает из-за подавления. Он пришел к другому интересному выводу: при шизофрении эго распадается на несколько под-эго, или “комплексов”. (Юнг был ответственен за введение термина “комплекс” в этом смысле). По сути, пациентка превратилась в нескольких человек — понимание, которое Юнг первоначально развил в своей статье о своей кузине Хелли.

Можно сказать , что между Юнгом и Джанет не было подлинных разногласий. Джанет говорила, что шизофрения - это диссоциация, некое расползание сознания, подобное плоту, веревки которого начали рваться, и он дрейфует в разные стороны. Сам Юнг разделял эту точку зрения. Но его собственный опыт обмороков в возрасте двенадцати лет заставил его осознать, что за этим кроется нечто большее. Это озарение помогло ему в лечении пациентки в 1906 году; женщина страдала от постоянного чувства истощения и истерических галлюцинаций. Юнг писал: “Подергивание в руке началось как нельзя кстати, что в конечном итоге привело к тому, что ходить в школу стало совершенно невозможно . Пациентка теперь также признает, что она могла бы подавить подергивание, если бы попыталась. Но ее устраивало , что я заболел. Таким образом, Юнг внес важный вклад в концепцию Джанет о психических заболеваниях — элемент, который сам Джанет (когда Юнг говорил с ним об этом в 1907 году) был склонен недооценивать.

Таким образом, в 1906 году о Юнге можно было бы сказать, что он балансировал между фрейдизмом и “джанеизмом”. Он остерегался быть слишком открытым в своей поддержке Фрейда, поскольку утверждение Фрейда о том, что все неврозы имеют сексуальную природу, вызывало у профессиональных психологов

смесь ярости и насмешек, и Юнг не хотел, чтобы его очернили той же краской. Кроме того, Юнг совершенно справедливо полагал, что у него есть диско выявил репрессивный элемент невроза самостоятельно — с помощью своих тестов на словесные ассоциации — без какой-либо помощи Фрейда.

И в этот момент протестантская мораль Юнга вступает в противоречие венед. Описывая свои ассоциативные эксперименты, он испытывал искушение полностью исключить упоминания о Фрейде. В случае пациентки с подергивающейся рукой Юнгу на довольно ранней стадии стало ясно, что “она пытается удовлетворить свое желание любви, влюбившись в доктора” — то, что Фрейд назвал “феноменом переноса”. Он также пришел к выводу , что ее проблема была в основном связана с сексуальным подавлением. Но именно он, Юнг, увидел это без помощи других людей. Фрейд. “Однажды, когда я был в своей лаборатории и снова размышлял над этими вопросами, дьявол шепнул мне , что я буду прав, если опубликую результаты своих экспериментов и свои выводы, не упоминая Фрейд… Но потом я услышал голос своей второй личности: “Если ты поступишь подобным образом… это было бы обманом. Ты не можешь строить свою жизнь на лжи”. И с тех пор, говорит Юнг, “я стал открытым сторонником Фрейда и боролся за него”.

В результате Юнг написал Фрейду, отправив ему экземпляр своего “Диагностического исследования ассоциаций” — книги “Словесные ассоциации”. Должно быть, он был польщен, получив 11 апреля 1906 года письмо от Фрейда, в котором говорилось, что он уже поспешил купить книгу до того, как получил известие от Юнга. Письмо заканчивалось словами: “Я уверен, что вы часто будете в состоянии поддержать меня, но я также с радостью приму поправки”. Это звучало многообещающе. Прошло некоторое время, прежде чем Юнг обнаружил, что единственным пунктом, по которому Фрейд никогда не согласился бы на коррекцию , был тот, по которому Юнг был с ним категорически не согласен.

Письмо Юнга стало великим событием в жизни Фрейда. То, Что Юнг было, наверное, не понял, когда он писал Фрейд был то, что

Фрейд чувствовал себя абсолютно наедине и без поддержка. В пятьдесят лет, Фрейд по-прежнему чувствовал, что он может поддайтесь насмешкам и неприязни, и превратились в смутный ность. Эта поддержка со стороны уважаемого “академического” психолога это было как манна небесная. И когда Фрейд узнал, что Юнг убедил Блейлера и других коллег в том, что взгляды Фрейда заслуживают серьезного рассмотрения. однако он, вероятно, с трудом мог поверить в свою удачу. Это выглядело как внезапный и абсолютный прорыв.

Несколько недель спустя, на конференции в Баден-Бадене, Юнгу представился шанс публично продемонстрировать свою приверженность фрейдистскому подходу-

46 Владыка подземного мира

изм. Некий профессор Густав Ашаффенбург критиковал психоанализ как предосудительный и аморальный, а другой профессор называл его злом. И здесь Юнгу пришлось осознать центральную проблему, с которой связан его новый подход. джианс. Эти нападки были вызваны утверждением Фрейда о том, что невроз возникает исключительно из-за сексуальных проблем, и Юнг был с ними согласен. В своем ответе он сослался на Ашаффена-Бург высказал “очень умеренную и осторожную критику” и отметил , что Ашаффенбург оставил большую часть теории Фрейда — о снах, шутках и нарушениях повседневного мышления — нетронутой. Эрнест Джонс, биограф Фрейда, считал, что Ответ Юнга был неэффективным, но, вероятно, он был настолько эффективным, насколько Юнг того хотел.

Переписка между Фрейдом и Юнгом стала более теплой. Юнг отправил Фрейду свою книгу о раннем слабоумии, сопроводив ее письмом с извинениями за то, что не выразил ему более щедрой признательности. “Я прекрасно понимаю, что вы не можете не быть недовольны моей книгой, поскольку в ней слишком безжалостно трактуются ваши исследования”. Но, - объясняет он, - ему приходится беспокоиться о реакции широкой немецкой общественности, а это значит, что он должен сохранять “определенную сдержанность и намек на независимое суждение “. относительно ваших исследований”. Здесь есть намек на макиавеллизм в предположении, что у него на самом деле нет никаких подобных оговорок. Правда заключалась в том, что Юнг был ближе к позиции Ашаффенбурга, чем к позиции Фрейда.

Но Фрейд не был расположен к ссоре. Он написал в ответ лестное письмо о книге Юнга. В марте 1907 года двое мужчин наконец встретились в Вене. Это было что-то вроде любви с первого взгляда. Это не слишком точное описание. Несомненно, в творчестве Фрейда были нотки гомосексуальности. позиция — это проявляется в близких отношениях с друзьями, такими как Флисс, и биограф Юнга Винсент Бром предполагает, что Юнг осознавал наличие в себе гомосексуальности . В присутствии Эммы Юнг обстоятельно говорил в течение трех часов, и Фрейд, похоже, был доволен тем, что слушал. Затем Фрейд взял разговор в свои руки, аккуратно сгруппировал основные положения Юнга по нескольким разделам и приступил к их обсуждению. Они проговорили, с небольшими перерывами, тринадцать часов. fji

Фрейд был убежден, что встреча должна пройти в

успех. Юнг был его пропуском к академической респектабельности.

и признанию. Этот массивный, широкоплечий мужчина, ф

[Как стать ученым 47]

его голубые глаза, коротко подстриженные волосы и военная выправка (он, как и все швейцарцы, служил во вспомогательной армии) произвели на меня ошеломляющее впечатление; Фрейд был покорен его интеллектом, а также обширными знаниями. На семью Фрейд это, возможно, произвело несколько меньшее впечатление; они заметили | только то, что он игнорировал их, продолжая говорить бесконечным потоком.

| Но для Фрейда и Юнга эта встреча стала огромным событием

успех. У Фрейда, похоже, не было никаких сомнений; он сразу же начал думать о Юнге как о своем самом близком друг к другу человеке.

; соратник и его преемник. Через несколько дней он написал Юнгу

после встречи он сказал, что “не мог надеяться ни на кого лучше”.

больше, чем вы сами… чтобы продолжить и завершить мою работу”. Его

| отношение было похоже на отношение человека, который стал…

я обручился, чтобы жениться.

Именно Юнг после этой встречи, кажется , начал задаваться вопросом, действительно ли этот брак был желанным. способный. Основным фактом оставалось то, что он просто не мог согласиться с Фрейдом в том, что секс является основой всех неврозов. И хотя их беседа, по-видимому , была всесторонней и совершенно свободной, без реальных разногласий, позже его поразило, что, когда в разговоре затрагивалась тема секса , Фрейд переставал казаться отстраненным и критичным и говорил со

страстью новообращенного.

Почему Фрейд был так одержим своей сексуальной теорией? На этот вопрос так же трудно ответить сейчас, как и тогда, в те дни, когда большинство врачей рассматривали его как форму легкого помешательства. После того как Фрейд обрел мировую известность — примерно через двадцать лет после его встречи с Юнгом — все пришли к общему мнению, что ответ на этот вопрос был таков: потому что это правда. Но за годы, прошедшие после смерти Фрейда, произошел медленный откат к первоначальной точке зрения: что Фрейд просто зашел слишком далеко в своем акцентировании “сексуальной теории”. И вопрос о том, почему Фрейд рассматривал это как своего рода религию, остается таким же загадочным и настойчивым, как и прежде.

Конечно, нетрудно понять , какие шаги привели Фрейда к сексуальной теории. Первым был знаменитый случай с “Анной О…”, на самом деле еврейской девушкой по имени Берта Паппенгейм. Берта впала в депрессию ион стал свидетелем смерти — после долгой и мучительной болезни — ее отца. Она впадала в состояния, похожие на транс, в которых бормотала странные фразы и совершала иррациональные поступки. Ее лечил близкий коллега и наставник Фрейда Йозеф Брейер, и, похоже, у нее

влюбилась в него. Однажды она впала в истерику, и Брейера вызвали к ней. Он был потрясен, увидев, что она лежит на кровати и двигает бедрами вверх-вниз, как будто совершает половой акт.

Брейер ушел На следующий день он поспешил в Вену вместе со своей женой. Фрейд был очень поражен этим случаем.

Четыре года спустя, в 1885 году, Фрейд отправился в Париж, чтобы учиться у знаменитого профессора Шарко в больнице Сальпетриер, и случайно услышал, как врач сказал, что одной истеричной женщине нужны “многократные дозы нормального пениса”. Он снова задумался. Период с Шарко высказал еще одно предположение. Шарко обычно проводил публичные демонстрации гипноза, часто с впечатляющими эффектами — например, заставлял пациента лаять, как собака, или размахивать руками, как птица. Фрейд наблюдал такие сбивающие с толку явления, как истерическая беременность, при которой живот женщины раздувался, как будто она действительно была беременна, и истерический паралич, при котором пациентка могла потерять способность двигать руками или ногами. Он также принял близко к сердцу замечание Шарко о том, что гипноз и истерия тесно связаны — на самом деле гипноз является одной из форм истерии. Пациенту, находящемуся под гипнозом, можно сказать, что он будет парализован, когда проснется, и он будет парализован; ему можно сказать , что гипнотизер прикоснулся к нему раскаленным железом — хотя это был всего лишь палец — и на нем появится волдырь. Очевидно, что существует часть разума , которая гораздо могущественнее сознательного эго и которая может вызывать эти удивительные эффекты. Фрейд был первым врачом , осознавшим огромную силу бессознательного, и это его главная заслуга в достижении славы. До Фрейда “бессознательное” означало просто инстинкт или механические реакции. Это было Фрейд, который создал новую картину разума как своего рода моря с несколькими футами залитых солнцем верхних вод, называемых сознанием, и обширными черными глубинами, полными странных чудовищ. Это видение преобразило психологию, фактически создав новую науку, известную как “глубинная психология”.

Вскоре после своего возвращения из Парижа Фрейд был слегка

потрясен, когда пациентка бросилась ему на шею — их прервало появление слуги. К Для Фрейда этот эпизод был откровением; он показал ему, что излечение пациентки может зависеть от ее влюбленности в врача — феномен, который он назвал “переносом”.

время”. Он начал расспрашивать других пациентов об их сексуальной жизни, что заставило некоторых из них отвернуться от него. Но на удивление большое количество женщин признались, что подвергались насилию или соблазнению со стороны своих отцов. Какое —то время Фрейд действительно придерживался поразительного мнения, что большинство неврозов вызвано совращением в детстве , что свидетельствует о его растущей одержимости сексуальными проблемами. Ему потребовалось около десяти лет, чтобы понять, что большинство из этих рассказов об изнасилованиях в детстве были фантазиями, порожденными пациентом в ответ на очевидные побуждения самого Фрейда. Однако это не убедило его в ошибочности его сексуальной теории. Напротив, ему казалось, что это говорит о том, что у женщин действительно было тайное желание быть соблазненными своими отцами — иначе зачем бы им лгать об этом? Он развил теорию о том, что Эдипов комплекс: у сына возникает желание переспать со своей матерью и, следовательно, убить своего отца — своего главного соперника, который, в свою очередь, тайно желал бы убить сына или, по крайней мере, кастрировать его. Именно в этот момент Йозеф Брейер, Ближайший коллега Фрейда почувствовал, что пришло время выразить протест.: конечно, это зашло слишком далеко? Разгневанный Фрейд порвал с Брейером.

Теория эдипова комплекса, несомненно, имела под собой какую - то личную основу. Когда Фрейд родился в 1856 году, его мать была симпатичной жизнерадостной девушкой двадцати одного года; его отцу был сорок один год. На фотографии шестнадцатилетнего Фрейда с матерью она до сих пор выглядит привлекательной и желанной. Его отцу к тому времени было пятьдесят семь. Кажется вполне вероятным , что Фрейд испытывал сексуальное влечение к своей матери и предавался эротическим фантазиям о ней. Если это кажется маловероятным для хорошо воспитанного еврейского мальчика викторианской эпохи, стоит напомнить, что один из его главных учеников, Вильгельм Райх испытывал сходные чувства по отношению к своей собственной матери. Когда Райху было тринадцать, он

понял, что у его матери была сексуальная связь с его наставником. Недавняя биография Райх (автор: Майрон Шараф) рассказывает, что первой реакцией Райха было задуматься, не может ли он использовать свои знания, чтобы шантажом заставить свою мать заняться с ним сексом. (На самом деле, он сообщил об этом своему отцу, и его мать покончила с собой.)

Если бы Фрейд питал подобные фантазии о своей собственной матери, это, несомненно, объяснило бы его странное, навязчивое отношение к сексуальной теории. Вена 1870 -х годов была так же полна болезненных сексуальных репрессий, как и Викторианская

50 Властелин подземного мира

Лондон; сама мысль об инцесте повергла бы меня в шок просто неприлично упоминать. Но романтический интерес Берты Паппенгейм к Йозефу Брейеру, мужчине, который по возрасту годился ей в отцы, нес в себе намек на инцест; так же как и сон, который приснился ей , когда она сидела у постели умирающего отца, — о черной змее, заползающей на кровать. (Фрейд, конечно, рассматривал змею как символ пениса.) Фрейд, очевидно, был одновременно шокирован и очарован признаниями своих пациенток в том, что они были соблазнены своими отцами , — настолько, что пришел к нелепому выводу, что это является распространенной причиной неврозов. Это говорит о мужчине , в котором тема инцеста затронула очень глубокие эмоциональные истоки; и трудно понять, почему это должно быть так, если только он сам не фантазировал — активно и в течение длительного периода — о половом акте со своей матерью.

Когда Чон поднимает сексуальное помешательство Фрейда в его автобиографии, он тщательно избегает этого понятия. ‘Фрейд никогда не спрашивал себя, почему он был вынужден говорить постоянно секса, Почему эта идея была такая обладают Сьон из него. Он не осознавал, что его “монотонность интерпретации” выражала бегство от самого себя или от той его другой стороны, которую, возможно, можно было бы назвать мистической…” Что, конечно, вызывает вопрос; ибо проблема в том, почему Фрейд хотел убежать от самого себя. Но когда дело касается отца Фрейда, Юнг готов быть более открытым. Он описывает, как в 1909 году, когда он и Фрейд были на пути в Америку, Фрейд внезапно упал в обморок, когда Юнг рассказывал о трупах, найденных в торфяных болотах на севере Германии. Впоследствии Фрейд обвинил Юнга в том, что тот говорил о трупах, потому что желал ему смерти. Юнг говорит, что был встревожен интенсивностью фантазий Фрейда. И снова в 1912 году, когда Юнг обсуждал фараона Эхнатона на конгрессе и опровергал мнение о том, что Эхнатон удалил имя своего отца из надписей, потому что ненавидел его, Фрейд в обмороке соскользнул со стула. Юнг отмечает, что ” фантазия об отцеубийстве была общей для обоих случаев”. Но почему Фрейд должен был упасть в обморок, когда Юнг отрицал это? Эхнатон ненавидел своего отца? Комментарий Юнга о силе фантазий Фрейда дает ответ. Юнг явно подозревал, что Фрейд фантазировал об убийстве он убил своего отца и соблазнил свою

мать, и что отрицание Юнгом отцеубийственных наклонностей Эхнатона пробудило в

Фрейд: сильное чувство вины, которое может заставить подростка покраснеть, когда кто-то обсуждает мастурбацию.

Юнг предпочитает замалчивать очевидную истину о том, что реальная разница между ним и Фрейдом заключается в том, что его собственная мать была толстой и уродливой, поэтому у него не было соблазна мечтать о том, чтобы соблазнить ее, и что его отец был жалким и неудачливым, поэтому не было соблазна фантазировать о его убийстве.

Юнг оказался в трудном положении. Фрейд был чрезвычайно сильной личностью, который знал все, что нужно было знать о том, как внушать преданность, доверие, привязанность и даже жалость. Позже Юнг мог бы сказать: “Я вижу в нем трагическую фигуру, потому что он был великим человеком и, более того, человеком, находящимся во власти своего демона”. Но в 1908 году Юнг также находился во власти демона Фрейда, его потрясающей харизмы. Целью Фрейда было подчинить Юнга своей воле, задобрить, убедить и соблазнить его, чтобы он отбросил свои сомнения и стал ведущим представителем сексуальной теории, духовным наследником Фрейда. Все письма Юнга Фрейду начинаются словами “Дорогой профессор” Фрейд”. Обращение Фрейда к Юнгу начинается с обращения “Дорогой друг”. Фрейд предлагал свою привязанность и преданность в обмен на Юнга. Но по поводу сексуальной теории не могло быть окончательного аргумента ; это не подлежало обсуждению.

Чего Фрейд не смог понять, так это того, что Юнг находил сексуальную теорию, в конечном счете, несколько отталкивающей. Фрейда покорили деловитость Юнга, очки в стальной оправе и энтузиазм к экспериментам. Но Юнг по сути своей не был ученым; он был романтиком, человеком , чьи глубочайшие чувства в прошлом вызывали Гете, Шопенгауэра и Ницше, а не Гальтона , Вундта и Крафft-Эбинга. Юнг обратился к науке , чтобы усилить свою “функцию реальности”, создать личность , способную воспринимать мир на его собственных

условиях. Но какая -то часть его все еще тосковала по “рогам эльфландии”. Сексуальная одержимость Фрейда была оскорблением для поэта в нем самом. Его настоящие чувства проявились в двух снах. В одном он увидел угрюмого старого таможенного чиновника, который на самом деле был призраком. В обязанности таможенного чиновника входило проверять чемоданы на предмет контрабанды — как идей, так и товаров. “Я не мог не увидеть аналогию с Фрейдом.“В другом сне он был в современном городе и увидел рыцаря в полном вооружении, одетого в белую тунику с красным крестом.

52. Повелитель подземного мира

крестоносец; казалось, больше никто его не замечал. Юнг ассоциировал рыцаря со своими собственными поисками “грааля”, некоего более глубокого смысла существования; это был символ его собственной сущности.

Поэтому было невозможно, чтобы Юнг окончательно капитулировал перед сексуальной теорией; это было бы духовным самоубийством. Как бы то ни было, он испытывал глубокое отвращение к Догматический материализм Фрейда. Всякий раз, когда у человека или в произведении искусства, выражение духовности (в интеллектуальная, а не сверхъестественного) появился на свет, он это подозревал, и намекнул, что он был репрессирован сексуальной ность. Все, что не могло быть истолковано как сексуальность, он называл “психосексуальностью”. Я возразил, что эта гипотеза, доведенная до логического завершения, привела бы к уничтожающему суждению о культуре. Культура тогда казалась бы простым фарсом, болезненным следствием подавленной сексуальности. “Да, - согласился он, - это так, и это просто проклятие судьбы, с которым мы бессильны бороться”. Я ни в коем случае не был расположен соглашаться… Но я все еще не чувствовал себя компетентным, чтобы спорить с ним”.

Но он спорил сам с собой. В результате постепенно появилась его собственная альтернатива сексуальной теории.

Три

Как потерять друзей и отдалиться от них

Люди

К 1909 году, в возрасте 33 лет, Юнг стал таким же известным в Цюрихе, как Фрейд в Вене, — во многом благодаря его усилиям от имени Фрейда.

К сожалению, ему не хватало душевного спокойствия, чтобы наслаждаться своей растущей известностью. Писал, читал лекции, лечил пациентов и организовал фрейдистский кружок — в прошлом году он организовал первый психоаналитический конгресс в Зальцбург — сказывались на его оптимизме. Природа семейных проблем не совсем ясна, но , вероятно, они были связаны с восприимчивостью Юнга к противоположному полу. Женщины находили его очень привлекательным, и несколько пациенток влюбились в него. Это, вероятно , не беспокоило бы Эмму, если бы она могла быть уверена, что Юнг не проявлял к ним интереса. Но во время поездки в Италию в 1907 году он сильно увлекся привлекательной еврейкой — об этом опыте он, похоже , поведал Фрейду. Другой пациент, двадцатилетний юноша Русская девушка по имени Сабина Шпильрейн хотела, чтобы Юнг стал отцом ее ребенка, и его, похоже , соблазнила эта идея. К счастью, он “отказал себе в удовольствии”, как он выразился в письме Фрейду, поскольку девушка оказалась жестокой собственницей. Юнг лечил ее от навязчивой идеи выделений, которая привела к чрезмерной мастурбации и неспособности поддерживать нормальные сексуальные отношения; поэтому вполне возможно, что склонность Юнга заниматься с ней любовью могла быть бескорыстным желанием добиться излечения. Во всяком случае, у него были основания радоваться, что он устоял перед искушением, поскольку она ходила по Цюриху , утверждая, что он ее любовник; он смог заверить мать Сабины, что никогда не вступал с ней в половую связь, и попросить ее помочь положить конец сплетням. Юнг был достаточно откровенен, чтобы признать Фрейду, что это была не только вина его пациента, но и его самого.

54 Властелин подземного мира

В марте 1909 года Юнг и Эмма посетили Фрейда в Вене, и там произошел знаменитый инцидент с “полтергейстом в книжном шкафу”. Когда речь заходила об “оккультных” явлениях, Фрейд был абсолютным скептиком. К 1909 году серьезным специалистам в области психических исследований стало ясно, что полтергейсты — духи, которые швыряют предметы, — обычно ассоциируются с неуравновешенными подростками, и это породило теорию о том, что действия полтергейста каким-то образом вызываются подсознанием подростков это своего рода “экстериоризация”, так сказать, ожесточенных внутренних конфликтов. Юнг верил в эту теорию и называл активность полтергейста “феноменом экстериоризации”. В то время как Фрейд и Юнг спорили о реальности паранормальных явлений мал, внезапно со стороны книжного шкафа раздался громкий взрыв, который заставил их обоих подпрыгнуть. “Вот!” - сказал Джон г. - “Это пример явления экстериоризации “. - “Чушь собачья!” - сказал Фрейд. “Это не так”, - сказал Юнг, - “И , чтобы доказать свою точку зрения, я предсказываю, что через мгновение произойдет еще один”. Когда он сказал это, в книжном шкафу произошел второй взрыв. Из письма, которое он впоследствии написал Юнгу, следует, что Фрейд был убежден в этом более чем наполовину . Но впоследствии он несколько раз слышал подобные звуки и пришел к выводу, что тому была какая-то естественная причина. Юнг был убежден, что это произошло из-за того, что он почувствовал , как его диафрагма нагревается, когда они с Фрейдом спорили. Комментаторы-фрейдисты всегда настаивали на том, что шумы были вызваны просто высыханием древесины книжного шкафа. На сегодняшний день невозможно сказать, что произошло на самом деле.

Профессиональная жизнь Юнга в Цюрихе складывалась не так гладко, как ему хотелось бы. Хотя Блейлер теперь принимал большинство теорий Фрейда, у него, похоже, были тайные сомнения по поводу Юнга, и он дважды обходил его стороной, когда дело доходило до назначения на преподавательскую должность. Но разочарование было компенсировано, когда Юнга пригласили прочитать лекцию в Университет Кларка в Америке. В автобиографии Юнга есть несколько неискренние слова: “Меня пригласили прочитать лекцию об ассоциативном эксперименте в Университете Кларка в Вустере, Массачусетс. Независимо от этого Фрейд также получил приглашение…“На самом деле

Фрейда пригласили первым, и Юнга почти наверняка пригласили, потому что он был известен как Фрейдист, а не для своих независимых исследований.

В Бремене произошло событие, о котором уже говорилось

Как терять друзей и отчуждать людей 55

— Обморок Фрейда, когда Юнг обсуждал трупы в торфяном болоте . Предположение Фрейда о том, что Юнг испытывал по отношению к нему “желание умереть”, всегда с негодованием отвергалось Юнгом, который указывал, что, открыто поддерживая Фрейда, он подвергал себя насмешкам и гневу со стороны своих коллег. И все же, читая рассказ Юнга об их отношениях, невозможно не почувствовать, что Фрейд не совсем ошибался. Для Юнга он стал олицетворением поверхностного позитивизма и материализма, которые были глубоко анти-жалко темперамента Юнга, так бы и было удивительно, если бы Юнг не питал глубокое убежденность в том, что мир был бы лучше без Фрейд.

Это путешествие в Америку должно было стать переломным в их отношениях и совпало с открытием Юнгом своей истинной независимости, то есть основ его собственной глубинной психологии.

Все началось со сна. Юнг оказался в странном доме, верхний этаж которого был обставлен в стиле рококо. Он спустился на первый этаж и обнаружил, что он намного старше, со средневековой мебелью и полом из красного кирпича. Он обнаружил тяжелую дверь, которая вела в подвал. Там он оказался в сводчатом зале, построенном в Римские времена. В каменной плите в полу он обнаружил кольцо; когда он потянул за него, плита поднялась, открыв узкую лестницу. Спустившись по ним, Юнг оказался в низкой пещере , вырубленной в скале. Пол был покрыт пылью, костями и битой керамикой; на полу лежали два древних человеческих черепа. В этот момент он проснулся.

Фрейд и Юнг проводили время на яхте , анализируя сны друг друга. Фрейда заинтриговали два черепа, которые, как он настаивал, указывали на то, что Юнг желал смерти двум людям. Юнг считал это бессмыслицей, но в конце концов, чтобы удовлетворить Фрейда, он сказал, что, по его мнению, черепа принадлежали его жене и свояченице.

Тот факт, что Юнг решил солгать Фрейду , свидетельствовал о глубоком изменении его отношения. Это означало, что он решил, что Фрейд был дураком, глупости которого следовало потакать. Это изменение, по словам Юнга, произошло незадолго до эпизода со сном, когда Фрейд рассказывал Юнгу один из своих собственных снов. Юнг попросил предоставить дополнительные личные данные, которые позволили бы ему интерпретировать это. Фрейд странно посмотрел на него и ответил: “Но я не могу рисковать своей

авторитет. “В тот момент, - говорит Юнг, - он полностью утратил его”.

Для Юнга интерпретация его собственного сна не имела ничего общего с желанием умереть. Он рассматривал это как “структурную схему человеческой психики”. “Это постулировало некую безличную природу, лежащую в основе психики”.

Теперь, если мы пересмотрим этот сон, мы увидим, что такое толкование вряд ли было оправданным. Простой и понятный вероятная интерпретация заключается в том, что это отражало главную жизненную цель самого Юнга — проникать все глубже и глубже в сознание. Некоторые очень амбициозные люди мечтают о восхождениях - на горы или небоскребы. Юнг был типичным романтиком; он хотел погрузиться в какой-то глубокий подземный мир духа, подальше от банальностей и путаницы, царящих на поверхности. (Сон Алисы о падении в кроличью нору, по-видимому, символизирует то же самое). Но почему подвал, полный керамики и костей, должен символизировать ” совершенно безличную природу, лежащую в основе этой психики”? Почему подвал более безличен, чем римский погреб или гостиная в стиле рококо? Это не. Но Юнгу было важно верить, что это так, поскольку его глубочайшей потребностью было избежать фрейдистской ловушки, в которую он попал. Он стал учеником Фрейда, потому что психология Фрейда показалась ему более глубокой, чем психология Блейлера или Джанет. Теперь ему, в свою очередь, нужно было проникнуть глубже, чем Фрейду.

Сны всегда имели огромное значение для Юнга. Именно воспоминание о детском сне сыграло центральную роль в его обращении к фрейдизму. В возрасте четырех лет Юнгу приснилось, что он находится на лугу и обнаруживает выложенную камнем яму в земле. Он спустился по каменной лестнице, отодвинул занавеску и оказался в комнате, выложенной каменными плитами, а в центре стоял золотой трон. На этом троне возвышался огромный предмет , который он сначала принял за ствол дерева высотой в пятнадцать футов. Но он был покрыт кожей, а на вершине была круглая голова с единственным глазом, устремленным вверх. Он проснулся в панике. По его словам, только много лет спустя он понял, что это был огромный

пенис.

И вот теперь снова другой сон о погружении в глубины, казалось, содержал в себе другое послание: что конечная “основа” человеческого разума каким-то образом связана с связь с далеким прошлым человека. Это, по словам Юнга, было его первым намеком на “коллективное априори, лежащее за личным

“психика” — то, что он позже назвал коллективным бессознательным. Но эта концепция начала разрабатываться только в следующем году.

И это, по сути, было проблемой Юнга в 1909 году. Фрейд вызывал у него все большее раздражение. Он хотел дать понять, что он сам по себе человек, а не просто еще один Фрейд был таким же придирчивым, как Шандор Ференци, который начал свою лекцию в Вустере с восхваления Мастера. В своих лекциях по словесным ассоциативным тестам Юнг не упоминал Фрейда. И все же ему нечего было сказать, что кардинально отличалось бы от взглядов Фрейда. Это раздражало и не удовлетворяло ситуация была ужасной, и вряд ли что-то улучшило бы , если бы Фрейд был “на седьмом небе” от счастья, наслаждаясь всеобщим признанием. Юнг признался своей жене, что его собственное “либидо” “поглощало это с огромным удовольствием”. Он и Фрейд, по его словам, были “людьми времени”. Но это было неправдой; Фрейд был человеком времени. Юнг был — в глазах его хозяев — всего лишь главным помощником Фрейда.

Друг Юнга Эрнест Джонс, которого он лично познакомил с Фрейдом, был обескуражен , когда Юнг сказал ему, что предпочитает не углубляться в сексуальную жизнь своих пациентов, потому что может встретиться с ними позже за обеденным столом. Для Джонса это было признанием того, что Юнг больше интересовался общественной жизнью, чем поиском истины. Для Юнга это было выражением его растущего отвращения к целеустремленной озабоченности Фрейда связь с сексом.

Вернувшись в Цюрих после двухмесячного отсутствия, Юнг обнаружил , что у него появилось свободное время. Число его пациентов уменьшилось - возможно , из—за дела Сабины

Шпильрейн. Юнга это не слишком беспокоило — в этом не было необходимости, поскольку его жена была членом богатой семьи. На самом деле, он оставил свой пост в Бургхольцли и переехал в дом, который сам построил в Кишнахте, на берегу озера Цюрих. Похоже, он был рад возможности отдохнуть. Мечта о доме, по-видимому, возродила его интерес к археологии и истории. В ноябре он извинился перед Фрейдом за трехнедельное молчание, объяснив , что читал Геродота и книгу о поклонении Приапу, богу продолжения рода. Он также обнаружил четырехтомный труд, который вызвал у него бесконечное восхищение: “Символы и мифология мира” Фридриха Крейцера. Древние народы. В своем ответе Фрейд сказал: “Я был рад узнать

58 Повелитель подземного мира

узнаю, что вы занимаетесь мифологией… Не могу дождаться , когда услышу о ваших открытиях. Фрейд, естественно, предположил, что Юнг изучал древние мифы, чтобы раскрыть их сексуальное содержание. “Я надеюсь, вы скоро согласитесь со мной, что, по всей вероятности, в основе мифологии лежит тот же ядерный комплекс, что и при неврозах”. Чего Фрейд не смог понять, так это того, что все это изучение мифологии было не просто психологическим исследованием; это был побег в мир, который Юнг находил гораздо более эмоционально удовлетворяющим , чем другие. изучение сексуальных неврозов. Разуму Юнга нужно было дать возможность свободно ориентироваться в литературе и истории; он чувствовал себя стесненным как простой врач. Восемь лет клинической работы в Бургхольцли наполнили его “реальностью”; теперь он жаждал поэзии, мифов, “рогов эльфландии”.

В следующем письме Юнгу снова пришлось извиняться за то, что он заставил Фрейда так долго ждать. После краткого вступления он продолжает: “Теперь перейдем к более важным вещам — мифологии. Для меня больше нет сомнений в том, что пытаются сказать самые древние и естественные мифы. Они вполне естественно говорят о ядерном »сексуальном” комплексе невроза”. Далее он рассказывает Фрейду о легенде о боге Аресе, совершившем инцест со своей матерью. Фрейд ответил: “Ваши письма восхищают меня, потому что в них говорится о безумной работе, приносящей удовлетворение”. Если Если бы Фрейд догадался, что вытекает из этого безумного чтения, он был бы в меньшем восторге. На самом деле, он мог бы извлечь предупреждение из абзаца в предыдущем письме Юнга, в котором Юнг говорит о легендарной расе шахтеров, называемой дактилями, и добавляет, что они ” изначально не фаллические, а элементарные. Только великие, то есть эпические, боги кажутся фаллическими.

Тем временем Эмма Юнг снова была беременна, и в него влюбились еще две женщины — Мэри Мольтцер и Марта Боддингхаус. Мэри Мольтцер повсюду очерняла имя своей соперницы. Юнг рассказал Фрейду об этом в письме от сентября 1910 года, и в его словах об их “любви” отчетливо слышится нотка самодовольства. ревность ко мне”.

Именно в 1910 году Юнг наткнулся на два открытия , которые внезапно сформировали его представление о коллективном бессознательном. мудрый. В греческом магическом папирусе под названием “Митра” Во время литургии он наткнулся на упоминание о трубе, свисающей с солнца и являющейся источником ветра. Оно

напомнил ему, что в 1906 году пациент-шизофреник сказал ему, что видел на солнце эрегированный фаллос и что “вот откуда дул ветер”. Он также вспомнил картину одного раннего немецкого художника, на которой была изображена труба , спускающаяся с небес и проходящая под одеждой Девы Марии, и Святой Дух, спускающийся по трубе, чтобы оплодотворить ее. Возможно ли, размышлял он, что все эти три образа возникли из одного и того же глубинного источника в подсознании?

В том же году Юнг прочитал об обнаружении тайника с “камнями души” близ Арлесхайма, места, которое он посещал в детстве. Юнг представил их себе продолговатыми и черноватыми, с верхней и нижней половинками , окрашенными в разные оттенки. Он вдруг вспомнил маленькую деревянную фигурку из линейки , которую в детстве положил в пенал и спрятал под балкой на чердаке. Теперь ему пришло в голову, что это напоминало греческого духа выздоровления Телесфороса. Он подумал, что неосознанно исполнял какой-то древний ритуал. религиозный ритуал, который внезапно убедил его в том, что “существуют архаичные психические компоненты, которые проникли в индивидуальную психику без какой-либо прямой связи с традицией”. Другими словами, наше подсознание содержит определенные символы и образы, которые были, так сказать, переданы по наследству. заложенные в генах. Юнг, конечно, не предполагал, что существует некое общее бессознательное, которое связывает всех людей, подобно огромному подземному озеру; однако его идея о том, что определенные ментальные образы являются общими для всех нас, очень близка к этому.

Как только Юнг сформулировал это понятие коллективного бессознательного, он, по сути, порвал с Фрейдом. В Фрейдистская психология, фаллические символы (и вагинальный символизм bols) продолжают появляться в снах, искусстве и мифологии , потому что секс - это самый основной интерес для всех людей.

Это естественно, потому что инстинкт продолжения рода является частью инстинкта выживания. Теория Фрейда имела прочную биологическую основу. Юнг говорил о том, что религиозные символы также являются частью “инстинктивного” наследия человека и что они имеют чисто ментальное (или психопатологическое) происхождение. И такое представление, по сути, глубоко противоречило духу Фрейда. Для Фрейда религия была “биологической” по своему происхождению. Бог-Отец был чудовищным теневым образом наших настоящих отцов; религия была подсознательным-60. Повелитель подземного мира

подавление сексуальных импульсов. Фрейд был очень близок к мнению Маркса о том, что религия - это опиум для народа. Итак , предположение Юнга о том, что религиозные символы обладают некой независимой психической реальностью — что они, так сказать, уже плавают в глубинах подсознания. сознательный разум — это явное противоречие самой основной идее Фрейда. В письме к Юнгу от января 1911 года Фрейд пишет: “Я не знаю, почему вы так боитесь моей критики в вопросах мифологии. Я буду очень рад, когда вы поднимете знамя либидо и подавления в этой области и вернетесь победителем на родину нашей медицины. Оглядываясь назад, можно сказать, что наивность Фрейда поразительна. Для Юнг возвращался на “медицинскую родину” в качестве генерала, который был обращен в религию завоеванного им народа.

К 1911 году Юнг начал пробиваться в другие сферы деятельности. С В 1910 году он лечил привлекательную молодую женщину с серьезным лицом по имени Антония Вольф, которая была потрясена смертью своего отца. Как и многие из пациенток Юнга, она влюбилась в него. У нас нет возможности узнать, пользовался ли Юнг когда-либо каким-либо сексуальным преимуществом перед женщинами, которые “переносили” на него свое обожание в первые годы его работы психоаналитиком. Но в случае с Тони Вольф он, похоже, решил сделать решительный шаг и завести себе любовницу. Результатом стал домашний хаос. Эмма, похоже, узнала об этом на довольно раннем этапе, возможно, от другой женщины, которая любила ее мужа. Юнг, который никогда ничего не делал тайно, пригласил Тони к себе домой в качестве постоянной гостьи и , очевидно, ожидал, что Эмма справится с ситуацией наилучшим образом. Результатом стало много горечи; Эмма Юнг начал тайную переписку с Фрейдом, в которой она рассказала о некоторых своих страданиях. Юнг, как и его современник Джордж Уэллс, очевидно, считал, что гениальному человеку должны быть позволены измены во имя его личной

жизни развитие. Эмма, как и жена Уэллса Кэтрин, похоже , неохотно позволила убедить себя, но все ее инстинкты взбунтовались. В результате, как Юнг сообщил Фрейду в письме, дома стало “очень неспокойно”. Эмма с несчастным видом писала Фрейду: “Женщины естественны я так в него влюблена… Карл… говорит, что я больше не должна, как раньше, концентрироваться только на нем и детях, но что, черт возьми, мне делать?’

Как терять друзей и отчуждать людей 61

Несмотря на эти потрясения, произошедшие исключительно по его собственной вине, Юнг продолжал работу над книгой, которая , как он надеялся, укрепит его репутацию независимого мыслителя: “Метаморфозы и символы либидо”. Это началось как комментарий к статье, которую Юнг нашел в “Архивы психологии”, в котором молодая американка , назвавшаяся псевдонимом мисс Фрэнк Миллер, описала “Некоторые примеры подсознательного творческого воображения”. На борту корабля, следовавшего из Неаполя в Пизу, ей приснились три строфы из своего рода гимна о сотворении Богом звука, света и любви (в таком порядке). Вскоре после этого ей приснилось другое стихотворение — обращение мотылька к солнцу. Наконец, ей приснился сюжет драмы о герое ацтеков , которого до смерти ужалила зеленая змея. Фрейд не нашел бы в этих снах ничего, кроме сексуальных символов. Но Юнг искал что-то другое.

“Символы трансформации” (так называется более позднее английское издание), безусловно, является одной из самых важных работ Юнга; фактически, поскольку она представляет собой его разрыв с Фрейдом и первую формулировку его собственной психологии символов и архетипов, ее можно рассматривать как ключевую работу в его карьере. По этой причине он заслуживает тщательного рассмотрения.

Оригинальное название. “Метаморфозы и символы либидо” дает лучшее представление о его целях. Несмотря на то, что на протяжении всей первой половины он осторожно высказывался в поддержку Фрейда, уже есть одно существенное отличие от фрейдизма: Юнг отвергает представление о том, что либидо - это чисто сексуальная энергия, указывая на то, что жажда пищи и потребность избежать опасности являются такими же основными, как и сексуальное влечение. переопределяет либидо просто как жизненную энергию. Но если другие побуждения столь же

“инстинктивны”, то, несомненно, мы должны находить символы этих побуждений в наших снах и фантазиях?

Итак, одна из самых загадочных вещей, связанных с человеком, заключается в том, что , насколько мы можем проследить, на протяжении всей истории он, по-видимому , был религиозным животным. Почему это должно быть так? Предположительно возможно, потому, что религия - это попытка примириться с загадкой Вселенной: с рождением и смертью, голодом и болью, природными катастрофами, тайнами природы. Секс, конечно, является неотъемлемой частью религии, начиная с церемоний плодородия аборигенов и заканчивая Непорочным зачатием. Юнг описывает примитивную церемонию, в ходе которой в земле выкапывается ямка , окруженная небольшими кустами, чтобы она выглядела как влагалище, а затем мужчины танцуют вокруг нее, выставляя вперед свои

62 Владыка подземного мира

вонзает в него копье с криком “Не яма, а пизда”. Поэтому, возможно , когда мы сталкиваемся с сексом в древних мифах и примитивных ритуалах, это происходит не потому, что секс является самым важным импульсом в нашей жизни, а потому, что он является частью еще более глубокого импульса - религии.

Юнг говорит, что когда либидо — жизненная энергия — блокируется, оно пытается трансформироваться в другие формы. Секс является наиболее очевидным. Первобытные люди часто ленивы и подавлены; церемония, подобная описанной выше, перенаправляет их энергию и возвращает им чувство цели. Это восстанавливает их “функцию реальности” (Юнг цитирует здесь Джанет).

Несмотря на преклонение перед Фрейдом, Юнг , очевидно, противоречит одному из основных положений Фрейда . Он говорит о том, что потребности человека гораздо шире и глубже, чем секс. Счастье - это высвобождение либидо, а у либидо есть множество возможных каналов, блокирование любого из которых может привести к неврозу или направить либидо в другие русла.

Главный экспонат Юнга - “Мисс Миллер”. Она описывает, как написала “морскую хижину”, увидев, как итальянский офицер поет во время ночной вахты. Она упоминает этого офицера лишь вскользь, но Юнг видит в этом суть дела. - У мисс Миллер, возможно, значительно меньше оценила масштаб эротических впечатлений, которые она получила. “Она подавляет свой пробудившийся сексуальный инстинкт еще до того, как он может перейти в сферу осознанного восприятия; в ее сне он сублимируется как стихотворение о Боге. Отец. Сексуальная форма либидо просто нашла другой естественный выход: религию.

В данном конкретном случае Юнг, похоже, все еще находится во власти своего восхищения Фрейдом. Проблема мисс Миллер была обычной человеческой проблемой: как мне стать творческим человеком? Природа знает только один ответ на этот вопрос: через ребенка… Но как получить ребенка? Здесь возникает проблема, которая, как показал опыт, связана с отцом, так что ее невозможно решить должным образом , потому что чрезмерная озабоченность отцом сразу же создает барьер для инцеста…” Это

объяснение Юнга того, почему мисс Миллер была вынуждена подавлять свой сексуальный импульс, и это вряд ли убедительно; в конце концов, если бы все девочки сталкивались с барьером инцеста, как только задумывались о детях, земля оставалась бы незаселенной.

Но именно тогда, когда он переходит к продолжительной драме о

Герой ацтеков, о котором Юнг наконец-то может забыть Фрейда и отправиться в мифическое царство, которое он создал своим собственным. В пяти длинных главах, занимающих почти триста страниц, он очень подробно анализирует трехстраничную “драму” мисс Миллер , делая экскурс в происхождение героя, символы матери и избавление от матери, возрождение и самопожертвование. Конечно, он пытается убедить нас в том, что фантазии мисс Миллер полны неосознанных религиозных и мифических символов, параллели которым можно найти по всему миру. Проблема здесь в том, что в конце он предлагает так много параллелей , что читатель становится все более скептичным. Марк У Твена есть анекдот об изобретателе, который рассказывает о своем изобретении миллионеру. Через пять минут мельница ионеру не терпится вложить деньги. Но изобретатель хочет убедить его, что у этого есть десятки других возможностей, и продолжает в течение часа. По истечении этого времени измученный и скучающий миллионер указывает ему на дверь. Символы трансформации, как правило, производят тот же эффект. Например, несколько страниц посвящено анализу имени героя - Чи-ван-то-пел. Юнг отмечает его сходство с Попакатапетлем, указывая на то, что в переводе с немецкого “poro” означает задняя часть, а “какать” - пердеть. Таким образом, имя героя на самом деле означает “я произвожу его из себя”, как экскременты производятся из кишечника…

Проблема здесь в том, что любой, кто считает, что сексуальные интерпретации Фрейда часто притянуты за уши, неизбежно почувствует , что интерпретации Юнга вдвойне неправдоподобны. Обычно они кажутся такими же произвольными, как гадание на кофейной гуще. Цитируя строку из “Потерянного рая” о Боге, создающем звук. Мисс Миллер также цитирует вступление: “О первом непослушании человека…” Почему, спрашивает Юнг, она упоминает о мужском непослушании? Потому что на самом деле

у нее на уме секс и грех — фактически, инцест… Предвосхищая возражение о том, что в цитировании первой строки стихотворения, равно как и последующих, нет глубокого смысла, Юнг отвечает: ” Закон психической причинности никогда не воспринимается достаточно серьезно: случайностей не бывает… Это так, и на то есть веская причина.” Но когда становится ясно, что автор намеревается применить это предостережение к каждому аргументу в книге, читатель начинает проявлять все большее беспокойство. Юнг описывает одного из своих пациентов, который мастурбировал у него на глазах, совершая при этом скучные движения рукой.

другой указательный палец прижат к ее левому виску. Это, по словам Юнга, движение, которое делал первобытный человек, когда разводил огонь, — водил палкой по другому куску дерева. Девушка демонстрирует трансформацию одной формы либидо в другую: сексуальной энергии в разжигание огня. Но поскольку девушка уже мастурбировала другой рукой, трудно понять, зачем ей понадобилось трансформировать одно в другое. Фрейд, вероятно, сказал бы, что важным моментом было то, что она прижимала палец к виску, а эта женщина рассматривает свое влагалище как висок: так что, на самом деле, она мастурбировала обеими руками… К сожалению, выбор между этой интерпретацией и Юнга.

Как попытка сформулировать убедительную альтернативу Фрейд, Символы трансформации нельзя рассматривать как успех. С его длинными сносками, цитатами на греческом и латыни, рассуждениями о вавилонском, египетском и В индуистской мифологии создается впечатление, что Юнг пытается заставить читателя подчиниться с помощью чистого интеллектуального эксгибиционизма.

И все же, если Юнгу не удается убедить как ученому, он в целом более успешен как художник. “Символы трансформации” - это нечто большее, чем психологическое исследование; это также глубоко личное высказывание убеждений. Первое, что замечает читатель, - это ошеломляющее изобилие квот отрывки из различных поэм, драм, исторических мемуаров и художественных произведений. Это практически антология его любимой литературы. Метод тот же, что несколько лет спустя использовал Т.С. Элиот в “Бесплодной земле”: попытаться представить настоящее в перспективе , обратившись к прошлому, к другим временам и местам, к более широким горизонтам и более глубоким проблемам. Этот момент становится особенно ясен , когда Юнг цитирует длинный отрывок из святого Августина о коррупции и порочности Карфагена; Элиот должен был процитировать тот же отрывок из “Бесплодной земли”. Элиот был озабочен узким материализмом, близорукостью и посредственностью двадцатого века. Для Юнг, эта ограниченность была символизирована сексуальной теорией Фрейда. Таким образом, несмотря на похвалы Фрейду, с самого начала очевидно, что Юнг считает сексуальную теорию неврозов не только узкой и

недальновидной, но и удушающей. “Символы трансформации” — это решительная попытка распахнуть некоторые окна - или, если

необходимо, чтобы сломить их. Это в том же духе, что и протест Блейка против Ньютона или протест Йейтса против Т.Г. Хаксли. Что очень ясно вытекает из всех цитат из Гете, Ницше, Гельдерлин и Морике - это то, что Юнг симпатизирует великим поэтам и провидцам, а не Фрейду и его посредственным ученикам.

В первых главах книги Юнг ограничивает свою критику Фрейда ропотом несогласных по поводу либидо. В более поздней главе под названием “Жертвоприношение” (в которой, что примечательно, цитируется больше стихотворений, чем в любой другой) он , наконец, высказывается открыто. Цитируя изречение Фрейда: “Начнем с того, что мы знаем только сексуальные объекты”, Юнг комментирует: “Это утверждение - не более чем сексуальная аллегория, как, например, когда кто-то говорит о мужских и женских электрических соединениях, винтах и т.д. Все, что он делает, - это интерпретирует частичные истины взрослого человека в совершенно иных условиях инфантильности. Точка зрения Фрейда неверна, если понимать ее буквально… “Согласно Юнгу, табу на инцест связано с представлением о возвращении героя в тело своей матери (поскольку без такого возвращения он не может возродиться). Эрнест Джонс пишет, что, когда Фрейд прочитал эту книгу, он написал Джонсу о том отрывке, “где Юнг поступил неправильно”. Это почти наверняка тот самый отрывок цитировалось выше.

В своей автобиографии Юнг пишет, что, когда он писал главу “Жертвоприношение”, он знал, что это будет стоить ему дружбы с Фрейдом; в результате он не мог взяться за перо в течение двух месяцев. “В конце концов я решил продолжить работу над книгой, и это действительно дорого мне обошлось Дружба Фрейда.’

Это не совсем так. Фрейд читал эту книгу в Сентябрь 1912 года, и между ними уже установилась некоторая прохладца, отчасти из-за предыдущего недоразумения, когда Фрейд надеялся, что Юнг присоединится к нему на выходные в Кройцлингене; на самом деле Юнг был в отъезде и получил письмо слишком поздно. В сентябре Юнг вернулся в Америка и Фрейд-кружок слышали

сообщения о том, что его лекции были критическими по отношению к Фрейду. По возвращении Юнг написал Фрейду, что ему удалось сделать психоанализ более приемлемым для многих людей, которых отталкивала проблема сексуальности. Он добавил, что “Крейцл” Фрейда “гениальный жест” нанес ему неизгладимую рану. Ответ Фрейда начинался словами “Дорогой доктор Юнг” (вместо обычного “Дорогой

66 Владыка подземного мира

Друг") и раздраженно замечает: "Своими изменениями вы значительно ослабили сопротивление, но я бы не советовал вам заносить это в графу заслуг, потому что, как вы знаете, чем дальше вы удаляетесь от того, что нового в психоанализе, тем больше уверенности в том, что вам будут аплодировать и тем меньше сопротивления вы встретите". Этот комментарий о "том, что нового", должно быть, заставил Юнга поморщиться.

Фрейд и Юнг встретились на психоаналитическом конгрессе в Мюнхене в ноябре, и произошло своего рода примирение , когда Фрейд объяснил, что он не преднамеренно лу отправил приглашение в Кройцлинген с опозданием на два дня. Вскоре после этого в письме Фрейду Юнг допустил оговорку по Фрейду: "Даже закадычные друзья Адлера не считают меня одним из ваших" , когда он хотел написать "одним из их". (Адлер, чья теория неврозов основывалась на "воле к власти", порвал с Фрейдом годом ранее.) Фрейд указал на это, и гнев Юнга в конце концов выплеснулся в ответ , который, как он, должно быть, знал, будет подобен пощечине. Метод Фрейда обращаться со своими учениками как с пациентами, по его словам, был грубой ошибкой. - Таким образом, вы производите на свет либо раболепных сыновей, либо наглых щенков… Я достаточно объективен , чтобы раскусить вашу маленькую уловку. Вы вынюхиваете все симптоматические поступки в вашем окружении, тем самым низводя всех до уровня своих сыновей и дочерей, которые, краснея, признают наличие своих недостатков. Тем временем вы остаетесь на высоте, как отец, и ведете себя прилично. Из чистого подобострастия никто не осмеливается дернуть пророка за бороду и поинтересоваться, что бы вы сказали пациенту, склонному анализировать аналитика, а не самого себя… Видите ли, мой дорогой профессор, пока вы раздаете эту чепуху, мне наплевать на мои симптомы. поступки; они не идут ни в какое сравнение с грозным лучом в глазу моего брата Фрейфа…'

Это, пожалуй, самое откровенное письмо, которое когда-либо писал Юнг. Он прямо указал на основную истину о Фрейде: тот был одержим потребностью во власти, в личном авторитете. Причина, по которой было так важно, чтобы сексуальная теория — с ее грубым сведением религии к отцовским установкам, а гениальности — к эдиповым комплексам - стала "непоколебимой догмой", заключалась в том, что она была основой авторитета

Фрейда. Он был мессией своей собственной эрзац-религии, и любые сомнения в этом

религия может подорвать веру в мессию. Но сам Юнг был опытным игроком в игре за власть. В некотором смысле Символы Трансформации можно было бы изучать как замечательную часть того, что Стивен Поттер назвал Одним из них Повышение по службе. Юнг боролся с бедностью и бесправием изинг начал добиваться международного признания; во многом это было связано с его положением старшего помощника Фрейда. Но у него не было намерения оставаться простым лейтенантом по той простой причине, что он чувствовал, что его собственное видение шире и глубже, чем у Фрейда. В идеале он хотел остаться в рамках психоаналитического движения, но при этом быть признанным его ведущим теоретиком — своего рода Платоном по сравнению с фрейдовским Сократом.

Более близкое знакомство с Фрейдом — во время поездки в Америку — убедило его, что это невозможно. Фрейд придавал слишком большое значение личному авторитету, и его условия были совершенно ясны: признайте, что секс является источником всех неврозов, или уходите. Но Юнг не видел причин соглашаться с этим выбором. Он чувствовал, что существует и третья возможность: мягко и незаметно расширять сексуальную теорию настолько медленно , чтобы увлечь Фрейда за собой.

Когда он начал работать над “Символами трансформации”, перспективы казались превосходными. Фрейд активно поощрял его к изучению мифологии, предполагая, что он намеревался использовать ее в своей сексуальной теории. И были признаки того, что Фрейд не только принял мифологические идеи Юнга, но и готовился провозгласить их своими собственными. В письме к Юнгу от 1 сентября 1911 года Фрейд пишет: “Я… планирую написать небольшое дополнение к анализу Шребера, которое, я уверен, понравится вам. Кроме того, для всех, у кого острый слух, это объявление о грядущих событиях.“Это дополнение, доставленное в Конгресс в Веймаре, состоявшийся позднее в том же месяце, показывает, что Фрейд находился под влиянием Юнга: в нем утверждается, что бессознательное содержит “реликты первобытного человека”. И замечание о том, что “для любого, у кого острый слух, это предвещает грядущие события” , было

фактически обещанием, которое сам Фрейд намеревался развить в этой идее. То же самое относится и к другой важной фразе в письме: “Итак, вы тоже осознаете, что Эдипов комплекс лежит в основе религиозных чувств! Браво!” Это “вы тоже” можно рассматривать как первый мягкий намек на то, что Фрейд намеревался претендовать на приоритет. Но если это предположение и разозлило Юнга, оно , должно быть, также убедило его в том, что его планы по “расширению” сексуальной теории успешно реализуются.

68 Владыка подземного мира

Но когда дошло до дела, Юнг оказался не таким макиавеллистом, как ему казалось. На протяжении всей первой половины Символы трансформации он достигает тонкого равновесия, звуча по—фрейдистски и в то же время мягко подвергая сомнению идеи Фрейда. Но к тому времени, когда он добрался до главы "Жертвоприношение", он уже не мог сдерживаться: ему пришлось открыто заявить о своем принципиальном несогласии. Результатом не стал разрыв с Фрейдом, но это внезапно насторожило Фрейда к опасности. На Мюнхенском конгрессе состоялся полуфабрикат примирение было достигнуто, когда "Кройцлинген ошибся". понимание" было прояснено. По словам Юнга, Фрейд "выпустил пар" и "не пожалел для него хорошей отеческой лекции". Но за обедом Фрейд неожиданно спросил Юнга и его коллегу Риклина, почему они не упоминали его имя в недавних публикациях о психоанализе. Юнг неискренне ответил, что Фрейд был настолько известен как основатель психоанализа, что в этом не было необходимости. Затем последовала дискуссия об Эхнатоне и отцеубийстве , о которой уже упоминалось, которая привела Фрейда ко второму обмороку. Когда Юнг нес Фрейда в другую комнату, он сказал, что Фрейд посмотрел на него с глубоким упреком и пробормотал "Как сладко, должно быть, умирать".

Итак, теперь это была война: необъявленная, но тем не менее война. В письме к Юнгу Фрейд сказал, что приступ был вызван мигренью, но признал, что "не обошлось без психического фактора". Он добавил: "Это своего рода невроз, которым мне действительно следует заняться". Для Юнга такое признание было подобно запаху крови. Его следующее письмо начинается так: "Я искренне благодарю вас за одно место в вашем письме, где вы говорите о "небольшом неврозе", от которого вы еще не избавились. К этому "небольшому", на мой взгляд, следует отнестись очень серьезно… Я страдал от этого в своих отношениях с вами, хотя вы этого не замечали… Юнг играл с Фрейдом в его собственную игру. Главным оружием Фрейда была именно эта склонность к психоанализу других людей и приписыванию их поступков скрытому неврозу. Абзацем позже Юнг открыто выражает свое негодование по поводу этой уловки. "Я страдаю чисто человеческим желанием быть понятым интеллектуально, а не измеряться меркой невроза". Мечи были подняты. "Что касается этого эпизода невроза, могу я обратить

ваше внимание на то, что вы открываете толкование Сновидений печальным признанием в своем собственном неврозе — сновидение об инъекции Ирме — отождествлением с

невротик, нуждающийся в лечении. Очень показательно". Далее он напоминает Фрейду о том, как тот однажды отказался предоставить дополнительную информацию о сновидении, протестуя против того, что он потеряет свой авторитет. "Я умоляю вас об одном, - продолжает он , - примите эти заявления как попытку быть честными и не применяйте унизительный венский критерий эгоистического стремления к власти или бог знает какие другие инсинуации из мира отцовского комплекса. Это именно то, что я слышу в последнее время со всех сторон , в результате чего я вынужден прийти к печальному выводу, что большинство психоаналитиков злоупотребляют психоанализом с целью обесценивания других…" Но он имел в виду не психоаналитиков, а Фрейда. " Особенно нелепая чушь, которая сейчас ходит по кругу, заключается в том, что моя теория либидо является продуктом анальной эротики. Когда я думаю о том, кто придумал эту "теорию", я опасаюсь за будущее психоанализа".

Фрейд начал свой пространный ответ с заверения Юнга, что тот не обиделся на его прямоту; но большую часть письма он посвящает обсуждению психоаналитического журнала и ежегодника и заканчивает так: "Мне жаль, что я не могу более подробно обсудить ваше замечание о неврозах психоаналитиков , но этого не следует делать". может быть истолковано как увольнение. Однако в одном пункте я осмелюсь с вами категорически не согласиться: вы не пострадали от моего невроза, как вы предполагаете". До сих пор Фрейд одерживал верх; это Юнг выходил из себя, в то время как Фрейд оставался холодным и покровительственным. Вскоре после этого Юнг прислал уже цитировавшееся уничтожающее письмо о том, как он дергал пророка за бороду.

Результатом стал не тот разрыв, которого ожидал Юнг. Ни один из них еще не был готов к этому. Оба нанесли друг другу раны; оба надеялись нанести еще больше. Адлер иронично улыбнулся бы, если бы мог увидеть их переписку. Это была прекрасная иллюстрация его собственной теории о воле к власти. Но открытого противостояния больше не последовало. Оба были

похожи на боксеров, которые слишком осторожны, чтобы терять бдительность. Переписка по чисто практическим вопросам носит формально-вежливый характер. В июне 1913 года Фрейд написал: “Юнг сумасшедший, но у меня нет желания расставаться с ним, и я хотел бы, чтобы он сначала разрушил себя”. Это кажется любопытным высказыванием для того, кто “не желает расставаться”. На самом деле это означало, что у Фрейда не было

желание расстаться до тех пор, пока у него не будет возможности разобраться Юнгу был нанесен смертельный удар.

На конгрессе в Мюнхене в том же 1913 году Юнг был председателем. Но большинство присутствующих были сторонниками либо Фрейда, либо Юнга. Юнг использовал свое положение, чтобы пресекать выступления сторонников Фрейда, и в целом вызвал большое возмущение своим произволом. Тем не менее, он был переизбран президентом Ассоциации. Реакция Фрейда заключалась в том, что он предложил распустить Ассоциацию и создать ее заново, без участия швейцарской группы, возглавляемой Юнгом. Юнг упростил ситуацию, уйдя с поста редактора ежегодника. В апреле 1914 года он также сложил с себя полномочия президента Ассоциации. Но это были всего лишь ритуальные действия. Что касается письма “Борода пророка”, написанного шестнадцатью месяцами ранее, Юнг уже расстался со своим самым ценным достоянием: своей дружбой с Фрейдом.

Четыре

Повелитель подземного мира

Юнг был человеком с чрезвычайно здоровым эго, но эти конфликты потрясли его до основания. Дело было не только в том, что Фрейд был для него как отец, человеком, к которому он испытывал уважение и привязанность. Дело в том, что Фрейд был самым известным психологом в Европе и, следовательно, считал, что значительно превосходит Юнга по рангу. Джордж Мередит однажды заметил:: “В разногласиях между мужем и женой прав тот, у кого больше друзей”. То же самое относится и к психологам. У Фрейда было гораздо больше друзей и сторонников , чем у Юнга. Поэтому его критика была болезненной, и Юнг чувствовал себя неправым, хотя и был уверен в своей правоте. Он чувствовал, что психоаналитики использовали нечестное оружие — например, предположение о

том, что его теория либидо была основана на анальном эротизме. И все же он должен был признать, что теория Эдипа Фрейда — о желании сына убить отца — соответствовала его случаю. После разрыва Фрейд охарактеризовал Юнга как “жестокого и ханжеского человека”. Юнг был крайне возмущен тем , что его называли лицемерным, своекорыстным Иудой, “крысой”. И все же в этом было достаточно правды, чтобы попасть в цель. Несомненно, он был человеком, который всегда поступал по-своему, чего бы это ни стоило другим. Например, он поддерживал роман с Тони Вольф, несмотря на страдания Эммы. В течение многих лет он использовал свою сильную личность, чтобы убедить других в своих идеях — как, например, когда он обратился в христианство Блейлера к фрейдизму. Теперь его обвиняли в том, что он всего лишь грубый хулиган. И честность заставила его признать , что это обвинение имело под собой некоторые основания.

Самокритика привела к новому проявлению смирения по отношению к его пациентам; вместо того, чтобы толковать их сны , он просто спрашивал у них их собственное мнение. Но это только усиливало вопрос. Даже если он отказался от своей прежней склонности навязывать свои собственные взгляды, ему все равно нужно было найти какую-то новую систему взглядов.

72 Повелитель подземного мира

Два сна, казалось, подтвердили его взгляды на “коллективное бессознательное”. На стол опустилась белая птица и превратилась в хорошенькую восьмилетнюю девочку. Позже она снова превратилась в голубя, который сказал ему, что она может превратиться в человека только тогда, когда самец голубя будет занят “двенадцатью мертвецами”. “Двенадцать мертвецов”, казалось , имели какое-то смутное мифологическое значение, хотя он понятия не имел, какое именно. В другом сне он был на аллее гробниц в Арле. Мертвые продолжали оживать , когда он смотрел на них. Наконец, он подошел к гробнице с деревянным крестоносцем в кольчуге, который, несомненно, казался мертвым; но, взглянув на него, Юнг пошевелил пальцем. И снова у него возникло сильное ощущение, что сон пытается ему что-то сказать. И если сновидение могло что-то “рассказать” ему, значит, сны - это не просто взрывы бессознательных желаний или страхов. В некотором смысле они должны быть мудрее, чем сознательное “я”. И Юнгу очень хотелось в это поверить. Ему срочно требовалась поддержка в борьбе с самим собой сомнения и самокритика.

Он начал собирать камни на берегу озера и построил миниатюрную деревню с замком и церковью. Это была более практичная версия его юношеской мечты стать владельцем замка. Он инстинктивно стремился укрепить свои позиции. осознавая другой аспект своей личности — практичного человека, строителя, — он начал сомневаться в “интеллектуале”.

Он осознал, что боролся с психическим заболеванием, вызванным снижением его самооценки. Свидетельством тому было то, что его сны прорывались в его бодрствующую жизнь. Во время поездки на поезде в октябре 1913 года у него было видение о наводнении, охватившем всю Европу от Северного моря до Альп, с плавающими обломками и утонувшими телами; затем море превратилось в кровь. Это была не кратковременная галлюцинация, она длилась целый час. Она повторилась две недели спустя. Летом 1914 года ему трижды приснилась волна холодного воздуха, пришедшая из Арктики и заморозившая всю Европу. Должно быть, он испытал почти облегчение, когда в августе началась война, и смог истолковать эти видения как предчувствие катастрофы.

Но галлюцинации продолжались. “Я стоял беспомощный перед чуждым миром… Я жил в постоянном напряжении; часто мне казалось, что на меня обрушиваются гигантские каменные глыбы. Одна гроза следовала за другой. То, как я выдержал эти бури, было вопросом

я обладаю грубой силой. Другие люди были сломлены ими — Ницше, Гельдерлин и многие другие.“Юнг видел достаточно пациентов, страдающих манией, чтобы понимать , что его собственное здравомыслие в опасности. Точно так же, как человек, который был лишен сна в течение нескольких дней, начинает видеть сны наяву, так и человек с постоянной психологической “утечкой” — утечкой энергии из—за страданий или беспокойства - обнаруживает, что четкая грань между рациональным и иррациональным начинает стираться. Но во мне была какая-то демоническая сила, и с самого начала у меня не было сомнений в том, что я должен найти смысл того, что я переживал в своих фантазиях. Когда я пережил эти нападения бессознательного, я понял, что это не так. но у меня была непоколебимая уверенность в том, что я подчиняюсь высшей воле, и это чувство продолжало поддерживать меня до тех пор, пока я не справился с задачей.’

Юнгу повезло, что он был психиатром, и ему приходилось иметь дело со своими собственными пациентами; это, должно быть, было важно для того, чтобы он мог сохранять определенную отстраненность. В условиях такого рода стресса люди, не привыкшие к самоанализу, скорее всего, разрушат себя, поддавшись панике. Ответ заключается в том, чтобы не поддаваться панике; и Юнг инстинктивно понимал это. В некотором смысле он был в удачном положении. Немногие психиатры имеют опыт переживания безумия. Это было время, когда для Юнга было важно сохранять различие между его “Номером V” и “Номером 2”, страдальцем и наблюдателем.

Вскоре после видения наводнений, превратившихся в кровь, Юнг принял важное решение: прекратить борьбу и полностью отдаться своим фантазиям. Он описывает, как в декабре 1913 года сидел за письменным столом, размышляя о своих страхах, то есть пытаясь противостоять нарастающей волне пессимизма и паники. “Тогда я позволил себе расслабиться. Внезапно мне показалось, что земля

буквально ушла у меня из-под ног, и я погрузился в темную бездну. Я не мог справиться с чувством паники. Но затем, внезапно, на небольшой глубине, я приземлился на ноги в мягкую, липкую массу. Я почувствовал огромное облегчение, хотя , по-видимому, находился в полной темноте. Через некоторое время мои глаза привыкли к полумраку, который больше походил на глубокие сумерки." Он обнаружил, что стоит перед входом в пещеру, охраняемую карликом с жесткой кожей. Он зашлепал по ледяной воде в дальний конец пещеры.

где он увидел светящийся красный кристалл. Он поднял его и JJ

обнаружил под ним углубление, в котором протекал ручей. Мимо проплыл труп светловолосого юноши с раной на голове. За ним последовали гигантский черный скарабей — символ возрождения — и красное новорожденное солнце, поднимающееся из воды. Когда он попытался вернуть камень на место, из отверстия хлынула кровь.

Шесть дней спустя Юнгу приснился еще один "сон". Он был в горной местности с темнокожим дикарем, и они сидели в засаде, держа в руках ружья. Зигфрид появился на вершине горы, въезжая в колесницу из костей; они выстрелили в него, и он упал замертво. Юнг почувствовал глубокое раскаяние в убийстве героя; затем начался сильный ливень , смывший кровь…

Проснувшись, Юнг почувствовал, что чрезвычайно важно немедленно разобраться в своем сне; внутренний голос подсказал ему, что, если он не сможет его понять, ему следует застрелиться — в ящике его стола лежал заряженный револьвер. Внезапно решение пришло само собой. Сон был о международной ситуации — немцы сдерживают они хотят поступать по-своему. Но у него было достаточно проницательности — и смирения — чтобы понять, что этот сон был также о нем самом. Юнг показался Фрейду очень похожим на "офицера". В течение последнего десятилетия им двигали безжалостные амбиции — "жестокие и ханжеские". "Этот сон показал мне, что отношение, воплощенное Зигом фрид, герой, меня больше не устраивал. Поэтому его пришлось убить.'

Теперь Юнг сделал то, что можно считать его самым важным

открытием: он действительно мог “видеть сны” наяву, создавая внутренний мир воображения с такой яркостью, что это становилось реальностью. Он назвал это “активным воображением”.

Чтобы осуществить свои фантазии, я часто представлял себе крутой спуск. Я даже предпринял несколько попыток добраться до самого низа. В первый раз я достиг, так сказать, глубины около тысячи футов; в следующий раз я оказался на краю космической пропасти. Это было похоже на полет на Луну или спуск в открытый космос. Сначала появилось изображение кратера, и у меня возникло ощущение, что я нахожусь в стране мертвых. Атмосфера была как в потустороннем мире. Возле крутого склона скалы я заметил две фигуры, старика с

белая борода и красивая молодая девушка. Я собрался с духом и подошел к ним, так как думал, что это реальные люди, и внимательно выслушал то, что они мне сказали. Старик „ мужчина объяснил, что он Илия, и это повергло меня в шок. Но девушка поразила меня еще больше, потому что она назвала себя Саломея! Она была слепой. Какая странная пара: Саломея и Илия. Но Илия заверил меня, что они с Саломеей принадлежали друг другу с незапамятных времен, и это меня совершенно поразило… С ними жил черный змей.

Позже образ Илии превратился в старика, которого Юнг назвал Филемоном. Впервые он появился в образе человека с рогами быка, держащего связку ключей. У него были крылья зимородка. Юнг начал рисовать Филемон — у него было хобби рисовать с подросткового возраста — и пока он работал над картиной, нашел в своем саду мертвого зимородка — “совпадение” , которому он позже дал название синхронности.

Филемон и другие персонажи моих фантазий привели меня к важному пониманию того, что в душе есть вещи , которые я не создаю, но которые производят себя сами и живут своей собственной жизнью. Филемон олицетворял силу, которая не была мной. В своих фантазиях я беседовал с ним, и он говорил вещи, о которых я сознательно не думал. Ибо я ясно видел, что говорил он, а не я. Он сказал, что я отношусь к мыслям так, как будто генерирую их сам, но, по его мнению, мысли подобны

животным в лесу… Именно он научил меня психической объективности, реальности психики.

Как признавал сам Юнг, это был самый важный прорыв в его жизни. Это убедило его, как ничто другое , в реальности коллективного бессознательного и его мифологического содержания. События того трудного периода дали Юнгу понимание, которое он продолжал развивать до конца своей жизни — почти полвека.

Однако, прежде чем мы рассмотрим это развитие событий, возможно, было бы неплохо более внимательно изучить “конфронтацию с бессознательным” и попытаться точно понять, что же произошло.

Мы уже видели, что Юнг был по натуре романтиком, человеком , одержимым ощущением безграничной тайны Вселенной. Профессия врача была для него второстепенной; он предпочел бы стать археологом. Оно

76 Владыка подземного мира

это были слова Краффт-Эбинга о “болезнях личности”. и о неразвитом состоянии психиатрии, которое привело его к осознанию того, что это та область, в которую он мог бы вложить всю свою творческую энергию. Вероятно, они вызывали в воображении образ некоего волшебника — или, по крайней мере, профессора Франкенштейн — исследующий подземные ходы человеческой души.

Несмотря на его энтузиазм, психиатрия с ее “органицистскими” теориями и утомительными тестами на словесные ассоциации, должно быть, разочаровала его. Затем Юнг открыл для себя Фрейда. Его привлекла не сексуальная теория невроза, к которой он с самого начала относился скептически, а видение Фрейдом бессознательного как обширного подземного мира. И снова Юнг смог представить себя исследователем, подобно какому-нибудь персонажу Жюля Верна, спустившемуся в подземелье погружаясь в бездонную тьму, куда никогда не проникало солнце.

Фрейд вскоре разочаровал не меньше, чем Блейлер и Краффт-Эбинг. И снова это была книга, которая остановила определил будущее направление Юнга: символы Крейцера и Мифологию , и он погрузился в нее с таким же энтузиазмом , как Йейтс погрузился в древние ирландские мифы. Юнг хотел и нуждался в том, чтобы найти некую связь между “глубинными психологическими ги” и миф. Блейк однажды сказал: “Я должен создать свою собственную систему или быть порабощенным чужой”, и результатом стала его собственная странная мифология символических архетипов — Лос, Уризен и так далее. Любой, кто интересуется символами Трансформация сразу же дает понять, что “система” Юнга была создана из того же побуждения. Длинный-подавленный романтик вновь заявлял о себе.

Результатом стала борьба за власть с Фрейдом — такая же грубая, как борьба за господство между двумя самцами оленя или обезьяны. Эго Юнга не было таким неуязвимым, как у Фрейда; именно он получил эти раны. Кроме того, Фрейч был окружен учениками, которые стремились убедить его в том, что он был прав, а Юнг ошибался. Юнг был одинок, и некому было исцелить его уязвленное самолюбие, кроме него самого.

Но, с другой стороны, это было его удачей. Большинство

выдающихся личностей-аутсайдеров девятнадцатого века пережили тот же кризис: чувство одиночества перед лицом всего мира. Некоторые — как Гельдерлин и Ван Гог — были уничтожены этим напряжением. Другие — такие, как Шиллер и Ницше — достиг нового синтеза. Проблема Юнга

задача состояла в том, чтобы научиться оставаться в одиночестве — проблема, с которой Фрейду никогда не приходилось сталкиваться. Итак, Юнг развивался, в то время как Фрейд стоял на месте.

Что отличает Юнга от всех других крупных психологов того времени, так это его понимание того, что в нем было две личности — “Номер 1” и “Номер 2”, повседневное “я” и “Филемон”. Мы видели, что это открытие уже было сделано американцем Томсон Джей Хадсон; в “Законе психических явлений” он называл два “я” “объективным разумом” и “субъективным разумом”. Объективный разум - это повседневное “я”, которое “справляется” с внешним миром; субъективный разум имеет дело с внутренним миром человека.

В наше время наука физиология расщепленного мозга обнаружила, что эти два ” я” примерно соответствуют левому и правому полушариям головного мозга. Когда спайка — нервный узел, соединяющий две половины мозга, разрывается (например, для лечения эпилепсии), пациент превращается в двух человек. Один пациент с раздвоенным мозгом пытался ударить свою жену одной рукой, в то время как другой сдерживал удар; другой пытался застегнуть ширинку одной рукой , в то время как другая расстегивала ее. Более того, кажется, что человек, которого я называю Т, живет в левом полушарии (которое занимается языком и логикой). Человек, живущий в правом полушарии (которое имеет дело с паттернами и интуицией). тионы) - это чужой человек. Пациент с раздвоенным мозгом, который ударился о стол левой стороной тела (которая связана с правым полушарием мозга), не заметил столкновения. Если пациенту с расщепленным мозгом показать какой-либо объект левым глазом (или, точнее, левым полем зрения), подключенным к правому полушарию, он не сможет описать словами то, что только что увидел. Но он может записать это левой рукой.

Было высказано предположение, что правое полушарие - это, по сути, подсознание. Другие специалисты по мозгу оспаривают это. Но что действительно кажется несомненным, так это то, что правое полушарие является воротами в мир бессознательного, а также местом обитания “субъективного разума”.

Можно возразить, что большинство из нас не являются пациентами с расщепленным мозгом. Однако в жизненно важном смысле это неверно. За исключением моментов глубокого психологического осознания — возможно , кризиса, волнения или вдохновения — у нас не так много контактов с этим “другим я”. Моцарт однажды сказал, что длинные мелодии постоянно всплывают у него в голове; очевидно, он имел в виду, что они пришли из области

правое полушарие, которое является “артистической” половиной человека, переходит в левое полушарие, личное эго. Если Моцарт, с его гениальной интуицией, был “пациентом с раздвоением мозга”, то и все остальные, несомненно, такие же.

Но хотя Юнг осознавал присутствие двух “я” в своей голове, он так и не смог четко определить их отдельные функции. Например, первая глава книги “Символы трансформации” называется “Два типа мышления”. Первый тип - это “направленное мышление”, мышление на языке; очевидно, что это мышление левого полушария мозга. Но, согласно Юнгу, второй тип мышления, “ненаправленное мышление”, — это фантазия, свободные ассоциации, которым мы предаемся, лежа без сна посреди ночи. Он отождествляет это со сновидениями и утверждает, что мышление первобытного человека относится к этому типу, что, по его мнению, является источником мифов. На самом деле, правополушарное мышление - это интуитивное мышление, а не свободная фантазия; именно такое “мышление” позволяет художнику “сбалансировать” свою композицию, а музыканту - создать симфонию. Но это также и тот тип мышления, который приносит внезапную вспышку озарения ученому и математику. Таким образом, эти два типа мышления нельзя четко разделить.

В свете этого понимания попытка Юнга доказать, что “мифологическое мышление” является аналогом “направленного мышления”, звучит совсем неубедительно. Похоже, он пытается провести различие, которого на самом деле не существует — по крайней мере, не в той четкой форме, которую он предлагает. И это , в свою очередь, подрывает его центральное утверждение: “То, что у нас является потаенной фантазией, когда-то было открыто дневному свету. То, что у нас возникает только в мечтах и фантазиях , когда—то было либо осознанным обычаем, либо общим верованием” - утверждение, которое лежит в основе его веры в “архетипы коллективного бессознательного”. Мифологическое бессознательное Юнга, по-видимому, является не столько интуитивным проникновением в природу психики, сколько продуманным противодействием фрейдовскому “сексуальному бессознательному”.

Однако интуитивное видение бессознательного самим Юнгом -

это совсем другое дело. Как и Хадсон, он признает, что это , по сути, независимая область, “второе я”. Он также признает, что это область огромных жизненных сил. Хадсон был поражен, когда довольно обычный молодой человек под гипнозом начал вести воображаемую беседу с общения с философами и создания самых блестящих

интеллектуальные системы. Юнг был поражен, обнаружив, что его Филемон говорил вещи, о которых он сам сознательно не думал. Ему удалось создать интересную форму самогипноза, при которой “объективный разум” (“Номер 1”) было позволено проникнуть в сферу субъективного разума (“Номер 2”).

Все это позволяет нам точно определить существенное различие между Фрейдом и Юнгом, которое также является различием между Фрейдом и Джанет, а также Фрейдом и Хадсоном. Для Фрейда бессознательное - это просто темные глубины психики, полные “инфантильного материала”, который периодически всплывает на поверхность и создает опасность для судоходства. Оно доставляет неприятности точно так же, как иногда доставляет неприятности аппендикс — другой “архаичный” орган . Но, как и аппендикс, у него, по-видимому, нет положительной функции.

Для Юнга бессознательное было полно таинственных, дающих жизнь сил. (Хадсон признавал, что “субъективный разум” отвечает за нашу жизненную энергию.) Вся истинная поэзия, все истинное искусство берет свое начало в бессознательном, и это объясняет их свежесть, жизненную силу, “неожиданность”. Согласно Хадсону, невроз возникает из-за потери контакта между субъективным и объективным сознанием. Объективный разум, запутавшийся в своих собственных эгоистичных мелких целях, забывает, что у него есть невидимый партнер — огромный источник силы — и начинает находить жизнь скучной, тяжелой и однообразной. В результате возникает своего рода “негативная обратная связь”, потеря желания, ведущая к потере мотивации. Однако в возникающих страданиях нет необходимости. Субъективный разум на самом деле не покинул нас. Оно всегда готово прийти на помощь, вызвав неожиданный прилив жизненных сил или ощущение комфорта. Как говорит дух Фаусту:

“Мир духов не закрывает своих врат”;

Твое сердце закрыто, твои чувства спят…”

И именно признание Юнгом того, что бессознательное - это то, что Гете называл “миром духов” (die geisterwelt), и что это не что иное, как наша связь с источниками жизни, так четко отличало его концепцию от концепции Фрейда. Когда речь заходит о психике, Юнг - романтический оптимист, а Фрейд - “реалистический” пессимист. Взгляд Юнга на бессознательное почти честертоновский; он считает, что его основной посыл - это “абсурдно хорошие новости”.

80 Владыка подземного мира

Когда Юнг вернулся в Кишнахт после разрыва с Фрейд, это было сделано не просто для того, чтобы зализать раны и залечить свое поврежденное эго. Задача, стоявшая перед ним, заключалась в самообновлении, полной смене направления. Фрейдистов обвинил его в будучи рвачество, самореализация эгоист, которого мифо логическая теория была наглая попытка украсть идеи Фрейда и одеть их своими мифологическими украсить ния. Юнг был достаточно честен, чтобы признать, что в этом есть доля истины. Это был старый моральный вопрос, который так мучил Ницше: что движет мыслителем - стремление к истине или просто желание, чтобы его считали великим мыслителем? Юнг должен был быть готов отказаться от прежнего Юнга, от того Юнга , на которого нападали фрейдисты, и стать другим человеком. Это означало, что он должен был быть абсолютно уверен в правдивости того, что он говорил.

И это было довольно трудной задачей для того, кто когда-то проглотил большинство фрейдистских догм. Если Фрейд ошибался, видя фаллосы, вагины и желания инцеста в самом простом сне, то как Юнг мог быть уверен, что его собственные рассуждения о героях и перерождении не были столь же абсурдными?

И именно в этот момент крайней неуверенности в себе его подсознание - субъективный разум — пришло на помощь, наполнив его сны мифологическими символами, которые, казалось , подтверждали его теорию архетипов — мертвые рыцари в доспехах, Зигфрид, Саломея, Илия, Филемон. Его оппоненты-фрейдисты могли бы указать на то, что Юнг провел годы, погружаясь в мифологию и ее символы, и что вряд ли было бы удивительно, если бы они появлялись в его снах. Несомненно, Юнга преследовали те же изнурительные подозрения. Но сны наяву, должно быть , казались ему совершенно другим делом. Возможность проникнуть в свое собственное подсознание и вести беседы со своим “Номером 2” была опытом, который не оставлял места для сомнений. Если у Фрейда было больше друзей, чем у Юнга, то у Юнга был единственный союзник , который стоил больше, чем они все.

Юнг записал свои фантазии в книге, которую он назвал “the Черная книга; позже он перенес их в Красную книгу и добавил

рисунки и росписи. Эти картины чрезвычайно впечатляющие, свидетельствующие о том, что Юнг, вероятно, мог бы сделать карьеру художника.* Но одна из самых

* Некоторые из них воспроизведены в]ung: Word and Image , под редакцией А. Яффе, 1979

очевидным и поразительным в них является то, что они полны религиозных образов — не просто из христианства, но и из религий Востока. Акварель с изображением Филимона выглядит в точности как часть иллюстрированной рукописи Средние века. Картина, изображающая индуистского создателя мира Праджапати, выглядит так, словно ее позаимствовали из какого-то Тибетский манускрипт. На картине “Свет в центре тьмы” изображен похожий на китайца дракон, появляющийся из воды. ING от взрыва света; но ниже есть типичный Швейцарская деревня. Мандала, парящая в воздухе над красиво раскрашенным городом на берегу озера, снова сочетает в себе вечную религиозную символику с миром двадцатого века — город полон солдат, а из высоких труб валит промышленный дым. Юнг как будто обращается за помощью к мировым религиям.

Но, пожалуй, самая значительная из этих картин, в свете психологических проблем Юнга, называется “Встреча с тенью”. На ней изображена фигура с лицом животного, одетая в замысловатый оперный плащ или китайское одеяние, стоящая в углу комнаты, отделанной красным кафелем, а за спиной у нее изображен символ мандалы. Для Юнга “тень” - это бессознательный разум, а не все бессознательное. сознательный, но часть нас, которая, так сказать, ждет, чтобы выйти на свет божий и занять свое место как часть сознательной личности. Что кажется важным, так это то, что Юнг здесь представляет тень как довольно зловещую фигуру, немного похожую на Джека Потрошителя, притаившегося в темном углу. Однако он также узнал в своей тени темнокожего дикаря, который помог ему убить Зигфрида. Если мы будем рассматривать его как образ “субъективного разума” Хадсона, или правого полушария мозга, мы сразу увидим, насколько уместно то, что он темнокожий дикарь. Правое полушарие - это наша интуитивная часть; оно простое, примитивное и напоминает детское; и оно довольно четко отличается от левополушарного эго, которое владеет

языком и логикой. Распознавая в темнокожем дикаре свою тень, мы можем видеть, что Юнг интуитивно постиг природу “второго я”, субъективного разума. Но его мысленный образ тени, изображенный на его картине, в целом более зловещий — одним словом, более фрейдистский. Фрейдистские предубеждения Юнга все еще искажают его интуицию.

И все же “Красная книга” является доказательством успеха попытки Юнга к самообновлению. Он создавал другого себя, который

имел больше общего со средневековым монахом, чем с современным психиатром. Даже строительство образцовой деревни и церкви демонстрирует ту же решимость отвернуться от фрейдистского интеллектуала и вызвать к жизни более простой, примитивный аспект своей личности. Он “осознавал” тень.

В 1916 году Юнг добавил новую нить к этому новому личному я написал небольшую книгу под названием “Семь проповедей мертвым”. В книге “Воспоминания, сны, размышления” он объясняет, что все началось с чувства беспокойства и ощущения, что воздух наполнен призрачными существами. “Тогда мне показалось, что в моем доме появились привидения. Моя старшая дочь увидела , как через ее комнату прошла белая фигура. Моя вторая дочь, независимо от меня… рассказала, что дважды за ночь с нее срывали одеяло… “Два дня спустя раздался громкий звонок во входную дверь, но там никого не было. Юнг, по— видимому, создавал ” феномены экстериоризации” - эффекты полтергейста. Он почувствовал , что окружен мертвецами, и начал писать Семь Проповеди. Когда все было закончено, три вечера спустя, “преследование” закончилось.

Любой, кто обратится к Семи проповедям в ожидании откровений, будет разочарован. Циник мог бы сказать, что это была попытка Юнга написать свою собственную “Так говорил Заратустра”. Он объясняет, что “архетипы говорят на языке высокой риторики, даже напыщенности”. Но более простое объяснение идея заключается в том, что тот, кто хочет писать “безлично”, голосом, отличным от голоса его левополушарного эго, скорее всего, будет имитировать тот безличный язык человечества, который содержится в священных писаниях мира.

Мертвые вернулись из Иерусалима, где не нашли того, что искали. Они молили меня впустить их и просили моего слова, и так я начал свое учение.

Послушайте: я начинаю с небытия. Небытие - это то же самое, что полнота. В бесконечности полнота ничем не лучше пустоты…

Во второй проповеди мертвые повторяют слова Заратустры, когда спрашивают: “Умер ли Бог?” Юнг объясняет, что Бог - это “креатура”, творение, и что дьявол - это противоположность Бога: пустота. Но есть и третий член троицы: Абраксас, сама жизнь, с двойственным обликом добра и зла, как у индуистского божества Кали. В конце шестой проповеди

мертвые говорят: “Прекратите эти разговоры о богах, демонах и душах. В сущности, нам это давно известно”. Похоже, что предыдущие проповеди были пустой тратой времени. И все же в седьмой проповеди есть одна из самых значительных строк: “В этом мире есть человек Абрахас, творец и разрушитель своего собственного мира”.

Для ученого это заявление кажется необычным. Но , как мы уже видели, Юнг на самом деле не был ученым по темпераменту; у него очень мало общего с Ньютоном или Эйнштейном. Юнг был романтиком и в некотором роде мистиком. В “Семи проповедях” он облачается в мантию Заратустры, хотя по содержанию имеет больше общего с герметическими трудами, чем с Ницше. Утверждение о том, что человек является творцом и разрушителем своего собственного мира, по сути, является признанием того, что он видит себя отчасти художником, отчасти пророком. И вся книга скорее напоминает человека с миссией, чем ученого. И все же важно, что Юнг не позволял печатать “Семь проповедей” при его жизни (за исключением небольшого частного издания для его собственного пользования); что касается общественности, то он хотел, чтобы к нему относились исключительно как к ученому.

Все это вновь поднимает вопрос, который мы обсуждали во введении. Может показаться вполне разумным, что Юнг должен был желать, чтобы его знали исключительно как ученого; в конце концов, ему нужно было думать о своей карьере. Однако при

ближайшем рассмотрении оказывается, что за этим кроется нечто большее. По темпераменту Юнг был в некотором роде художником, и ни одному ученому не стоит стыдиться того, что в его творчестве есть черты художника (действительно, интересно отметить , как много ученых и математиков являются также хорошими музыкантами, как будто существует необходимость в создании внутреннего баланса между чувствами и разумом). И в период “конфронтации с бессознательным” он намеренно усиливал художника в своей композиции, вырезая из камня, рисуя картины, сочиняя проповеди. Около В 1920 году он экспериментировал с книгой “И Цзин”. Странные явления полтергейста в 1916 году укрепили его уверенность в существовании паранормальных явлений. Он также все больше увлекался религиозным символом мандалы (что на санскрите означает “круг”), рассматривая его как изображение души. В автобиографии есть следующий любопытный отрывок:

84 Повелитель подземного мира

Только к концу Первой мировой войны я начал постепенно выходить из тьмы. Этому способствовали два события. Во-первых, я порвал с женщиной , которая была полна решимости убедить меня в том, что мои фантазии имеют художественную ценность; вторым и главным событием стало то, что я начал понимать рисунки мандалы. Это произошло в 1918-1919 годах… В 1918-19 годах я был в замке д'Оэкс в качестве коменданта замка Ла Английский регион внутренних войск. Пока я был там Каждое утро я рисовал в блокноте небольшой круговой рисунок, мандалу, которая, как мне казалось, соответствовала моему внутреннему состоянию на тот момент. С помощью этих рисунков я мог наблюдать за своими психическими трансформациями изо дня в день. Однажды, например, я получил письмо от этой эстетичной дамы, в котором она снова упрямо утверждала, что фантазии, возникающие в моем подсознании, имеют художественную ценность и должны считаться искусством. Письмо действовало мне на нервы. Оно было далеко не глупым и, следовательно, опасно убедительным. В конце концов, современный художник стремится создавать искусство на основе бессознательного. Утилитаризм и чувство собственной важности , скрывающиеся за этим тезисом, вызвали во мне сомнение, а именно неуверенность в том, действительно ли фантазии, которые я создавал, были спонтанными и естественными, а не моими собственными произвольными изобретениями. Я ни в коем случае не был свободен от фанатизма и высокомерия сознания, которое хочет верить, что любое наполовину достойное вдохновение является результатом чьих-то собственных заслуг, в то время как негативные реакции возникают просто случайно или даже из чуждых источников. Из-за этого раздражения и дисгармонии на следующий день внутри меня возникла измененная мандала: часть периферии лопнула, и симметрия была нарушена.

И Юнг порвал с "леди—эстеткой" - реакция на удивление бурная.

Объяснение Юнгом своего раздражения на первый взгляд выглядит убедительным , но при более внимательном рассмотрении оказывается почти бессмысленным. По его словам, он беспокоится, были ли эти картины на самом деле спонтанными и естественными или это были сознательные изобретения. Затем он добавляет, что в глубине души ему хотелось верить, что это были сознательные изобретения, а не

“низшие реакции, возникающие просто случайно или… из чуждых источников”. Вряд ли это имеет смысл.

Это тем более загадочно, что реакция этой дамы на его картины, вероятно, будет такой же, как у большинства людей; Юнг - хороший художник, в грубой, примитивной манере; он часто привносит

обратим внимание на работы Энсор. Почему ее восхищение так раздражало его, что он порвал с ней?

Если немного поразмыслить, то можно найти ответ. Художник изобретает. Юнг не хотел верить, что его картины были “изобретениями” в этом смысле; он хотел верить, что они являются подлинным голосом бессознательного. Мы можем вспомнить ключевую фразу из “Символов трансформации”: ” закон психической причинности никогда не воспринимается достаточно серьезно: случайностей не бывает…” Итак, предположив, что Юнг был художником, неназванная женщина — совершенно невинно — нанесла ему самое смертельное из всех оскорблений. Если бы его картины они были искусством, они были “изобретениями”. Если его картины были изобретениями — и здесь мы подходим к сути дела , — то то же самое можно было бы отнести и ко всей теории мифологических символов, выраженной в символах Трансформации. таким образом, “комплимент” этой дамы был фактически повторением обвинения, брошенного в его адрес Фрейдом и его последователями. И это, очевидно, попало в цель.

В связи с этим возникает главный вопрос: была ли вся теория “архетипов” (как он стал называть их в 1919 году) простой проекцией потребности Юнга отказаться от сексуальной теории? Следует откровенно признать, что в “Символах трансформации” дело аргументировано настолько плохо, что возникает соблазн ответить: да..Мы можем вспомнить, что в 1906 году Юнг был поражен замечанием пациента-шизофреника о том, что у солнца эрегированный пенис и что это источник ветра; четыре года спустя он наткнулся на митраистскую литургию , в которой упоминалось, что источником ветра является труба , свисающая с солнца. При ближайшем рассмотрении это вряд ли выглядит убедительным. В жаркой стране у первобытных людей,

поклонявшихся солнцу, вполне мог быть миф о том, что ветер (который является горячим) исходит от солнца; если это так, то он должен исходить либо изо рта солнца, а у солнца , очевидно, нет рта, либо из какого—то другого источника. что-то вроде трубки. Здесь нет никакой связи с эрегированным пенисом.

Аргументы Юнга в пользу мифологической теории также неубедительны. Он утверждает, что в древнем мире было время, “когда… фантазия была законной истиной”. Он приводит в пример детскую мечту о том, что он на самом деле переодетый принц , и сравнивает ее с такими древними мифами, как Ромул и Рем, Семирамида и Моисей в тростниковых зарослях. Таким образом, фантазия выбирает сама… классическая форма, которая когда-то имела реальную силу”. Точно так же он

говорит, что фантазия о грабителе, вламывающемся в дом и совершающем изнасилование (предположительно, женская фантазия), может иметь параллели в мифологии в истории Персефоны, Деянира, Европа и так далее.

Наша реакция на все это - вполне понятный скептицизм. Не пытается ли он сказать нам, что когда ребенок мечтает стать принцем, он реагирует на какой-то мифологический архетип в своем подсознании, и что когда женщина мечтает об изнасиловании, она каким-то образом вдохновляется древними мифами об обольщении? Это явно абсурдно: ребенок может мечтать о том, чтобы стать принцем, не прибегая к помощи мифологических архетипов. Фантазия - это не “выбор классической формы”, это выбор совершенно естественной формы. И то же самое с удвоенной силой применимо к фантазиям об изнасиловании , поскольку секс является самым мощным из естественных импульсов.

Мы должны понять, что этот слабый аргумент не соответствует основной концепции Юнга. На самом деле он говорит о том, что человек — животное не только сексуальное, но и религиозное, и что религиозные потребности столь же сильны и подлинны, как и сексуальные, а на самом деле даже более того, поскольку они часто могут подавлять сексуальные потребности. Поэтому, когда мы погружаемся в мир бессознательного, мы, вероятно, обнаруживаем , что религиозные потребности отражены там в той же мере, что и сексуальные. Мы также обнаружим другие базовые потребности — например, амбиции, которые являются движущей силой героя. Поэтому было бы точнее сказать, что история о Ромуле и Реме или о Моисее в камышах отражает то же стремление, что и детская фантазия о переодетом принце, а не наоборот.

На этом этапе своей карьеры Юнг все еще пытался выразить определенные интуитивные представления и был далек от того успеха, которого добился в дальнейшей жизни. Это может хорошо видно только в своей важной работе в период эссе под названием ‘трансцендентной функции’ — унпуб вавшие в то время.* Довольно забавно, что он не объясняет , что он подразумевает под “трансцендентной функцией”, хотя периодически звучит так, будто он собирается дать ей определение. Бессознательное, по его

словам, часто вступает в конфликт с сознанием. И “ответ заключается в том, чтобы избавиться от разделения между сознательным и бессознательным” (ответ на этот вопрос-

* Позже опубликован в томе 8 Собрания сочинений, стр.67.

концепция, которую он позже назвал “индивидуацией”). Трансцендентная функция, по-видимому, является своего рода “волей к здоровью” пациента, которую необходимо извлечь на свет божий. Например, незамужняя пациентка рассказала Юнгу, что ей приснилось, будто кто-то подарил ей богато украшенный старинный меч, найденный в кургане. Когда ее спросили об ассоциациях, она рассказала Юнгу, что однажды ее отец сверкнул своим кинжалом на солнце. Он был энергичным, волевым мужчиной, у которого было много любовных связей, и он умер , когда она была маленькой. Но, хотя у нее, очевидно, был сильный отцовский комплекс и сексуальные фантазии о нем, она была склонна “отождествлять” себя со своей матерью. Таким образом , выбирая мужчин, она была склонна выбирать слабых и невротичных мужчин.

Если бы Фрейд анализировал этот случай, он , очевидно, увидел бы в мече фаллический символ и предположил, что болезнь пациентки была вызвана ее подавлением. из—за инцестуозного влечения она предпочитала слабых мужчин. Юнг сделал важный шаг вперед. До сих пор пациентка сама была слабой и невротичной. Через образ меча ее подсознание пыталось сказать ей, что она тоже может быть сильной и здоровой, как ее отец. Короче говоря, интерпретация Юнга подсказала ей план действий. Меч олицетворял ее стремление к здоровью — ее “трансцендентную функцию”.

В своих более поздних работах Юнг готов признать, что “трансцендентная функция” - это религиозное влечение человека, стремление эволюционировать на более высокий уровень. Он может принять Фрейдистское представление о том, что бессознательное полно “инфантильного материала”, поскольку он признает, что одной из наших проблем является ребенок, все еще живущий внутри нас — иногда избалованный, иногда нервный, несчастный, жалеющий себя, но всегда по сути пассивный. “Трансцендентная функция” — это та часть бессознательного,

которая побуждает нас эволюционировать - к становлению героем, святым или мудрецом. Но в 1916 году Юнг все еще боролся за этот синтез; в результате читателю часто приходится догадываться, что он пытается сказать.

И все же главным достижением этих лет, как понимал сам Юнг, было признание важности символа мандалы. Он пишет:

В те годы, между 1918 и 1920 годами, я начал

поймите, что целью психического развития является саморазвитие.

88 Владыка подземного мира

Нет линейной эволюции, есть только движение по кругу . Равномерное развитие существует, самое большее, только в начале; позже все устремляется к центру. Это понимание придало мне стабильности, и постепенно ко мне вернулся внутренний покой. Я знал, что, найдя мандалу как высшее выражение своего “я”, я достиг того, что было для меня высшим. Возможно, кто-то другой знает больше, но не я.

Поначалу это кажется непонятным — “я” в виде круга, — пока мы не вспомним основной символ инь-ян в “1 Цзин” — круг, разделенный на белую и черную половины. Юнг рассматривал это как символ разума, разделенного на сознательное и бессознательное. Но что имел в виду Юнг, говоря, что ” ответ, очевидно, заключается в том, чтобы избавиться от разделения между сознательным и бессознательным”? Ответ можно понять, если обратиться к Томсону Джею Хадсону. Согласно Хадсону, гениальность - это идеальное сотрудничество объективного и субъективного разумов; в Шекспир, они настолько тесно соприкасаются, что интуитивные представления субъективного разума быстро и легко переводятся на язык объективного разума, в то время как субъективный разум также быстро и точно реагирует на требования объективного разума. Здесь нет “разделения”. “индивидуация”, как это бывает у интеллектуалов или у невротиков, чей объективный и субъективный разум склонны идти разными путями. Именно это тесное сотрудничество между двумя “я” Юнг подразумевает под “индивидуацией”.

Лично для Юнга индивидуация означала способность отдаваться “субъективному разуму” — как в фантазиях наяву, которые он называл “активным воображением”. Мы также можем видеть это в его ежедневном использовании мандал — в лагере для интернированных — для того, чтобы получить представление о своей собственной “психической трансформации”. ции”. По сути, он научился позволять своему “другому я” управлять рукой, держащей карандаш, и свободно выражать себя с помощью символов, естественного языка правого полушария мозга.

“Столкновение с бессознательным” дало ему возможность Юнг предложил то, в чем он так сильно нуждался: творческую альтернативу сексуальной теории невроза.

Пять

Невидимые письмена

К 1919 году Юнг не просто полностью выздоровел; он достиг нового уровня жизнеспособности и уверенности в себе. Бром отмечает: “Те, кто знал его, помнят абсолютную убежденность, с которой он начал говорить о коллективном бессознательном, аниме, самости и индивидуации”. Во время войны он казался своим детям отстраненным; теперь же он внезапно начал играть с ними и брать их с собой в походы. У него было больше пациентов, чем когда-либо. И, более чем когда-либо, он был окружен обожающими его женщинами. Казалось, он обладал такой же властью над женщинами, как и другой замечательный современник, Гурджиев, и во многом по той же причине. Одна женщина написала: “Он производил впечатление человека огромной силы и проницательности, и я была совершенно потрясена мыслью о том, что он видит меня насквозь, даже в тех сексуальных фантазиях, которые мучили меня”. И, как По словам Гурджиева, Юнг, похоже, не испытывал никаких затруднений в том, чтобы принять это почтение и одарить своей благосклонностью избранных членов гарема. Одна любовница рассказала Брому: “Летним вечером, в уединенном месте с видом на озеро, он цитировал что-то своим глубоким звучным голосом и смотрел на женщину, как на молодую девушку , в которую он только что влюбился весенним днем”. Юнг решительно сопротивлялся всем попыткам Тони Вольф убедить его к разводу Эмму и жениться на ней. Она, вероятно , не захотела бы предоставить ему свободу, на которую в конце концов была вынуждена пойти Эмма. Кроме того, Эмма была замечательной женой и матерью, а Юнг любил свой дом.

Возможно, именно для того, чтобы сбежать от женщин, Юнг принял предложение друга-бизнесмена о сотрудничестве отправь его в Северную Африку. Он прибыл в Алжир в марте В 1920 году он отправился в Тунис один. Этот африканский отпуск должен был стать одним из самых важных событий в его жизни.

90 Владыка подземного мира

Здесь он был в своей стихии, окруженный напоминаниями о Римская оккупация, христианское происхождение, былое величие арабов. Он также был убежден, что земля пахнет кровью, которая впитывалась в нее веками. Даже открыто выставляемая напоказ гомосексуальность арабов напоминала ему о “бесконечно более наивном мире подростков, которые готовились, с помощью скудных знаний Корана, выйти из своего первоначального состояния сумеречного сознания”. Все в Северной Америке, в том числе и в Индии, было связано с этим.

Африка заставила Юнга почувствовать, что он стал ближе к сумеречному сознанию человечества.

Ключ к пониманию влияния Северной Африки лежит в комментарии Юнга: “Пока я все еще был погружен в мечты о статичном, извечном существовании, я внезапно вспомнил о своих карманных часах, символе ускоренного темпа жизни европейца”. Этот неподвластный времени мир Северной Африки, где пунктуальность больше не считалась достоинством, приблизил его к миру мифов и бессознательного, о существовании которого он узнал только в Швейцарии, на родине часов с кукушкой. Одно из самых интересных открытий физиологии расщепленного мозга дело в том, что правое полушарие не ощущает времени; это левое одержимо временем. Жители Запада - прирожденные ” левополушары”; арабы, похоже, прирожденные “правополушары”. В своей книге “Танец жизни” антрополог Эдвард Т. Холл описывает чувство времени западного человека как “монохроматическое”, что означает “по прямой линии”; арабы, турки, индейские племена Южной Америки обладают “полихроматическим” чувством времени; для них время больше похоже на паутина, тянущаяся во все стороны. На самом деле, мы все можем воспринимать время как “паутину” , когда глубоко расслабляемся и забываем о всякой срочности. Но западному человеку трудно расслабиться естественным образом; он живет в постоянном напряжении. Юнг, с его швейцарским чувством порядка и немецкой деловитостью, был более склонным к “левым взглядам”, чем большинство людей. Поэтому для него длительный контакт с “разноцветной” расой принес глубокое чувство мира и гармонии.

Проблема, конечно, в том, что “правополушарные”, как правило , менее эффективны; Т. Э. Лоуренс заметил об арабах: “Их менее сильная воля ослабла раньше, чем моя”. Юнг был глубоко впечатлен сценой, свидетелем которой он стал возле оазиса, когда местный землевладелец нанял орды пустынников.

* 1983.

кочевники копают оросительные канавы. Он с изумлением наблюдал, как они лихорадочно копали под палящим солнцем, как другие задавали ритм работы, ударяя в барабаны; в сумерках все они в изнеможении падали рядом со своими верблюдами и спали до рассвета. Юнг мог видеть, что их работа была ритуализирована, потому что им не хватало силы воли для приложения интенсивных индивидуальных усилий. Эти люди работали как единый организм. Это вновь привело к осознанию того, что западный человек отделился от остального общества и что это неизбежно повлияет на все наши представления о психике. Как говорит Элиот: “Каждый из нас думает о ключе, каждый в своей тюрьме”. Однако “тюрьма” может быть искусственным состоянием, созданным стрессом. Это, казалось, подтверждало интуицию Юнга о том, что существует другой тип сознания, объединяющий людей, а не разделяющий их.

Вернувшись домой в Кишнахт, Юнг начал свои эксперименты с И Цзин. Это стало самой полной сменой направления, с которой Юнг столкнулся с тех пор, как более двадцати лет назад решил стать психологом . Несмотря на свой интерес к оккультизму, Юнг в основном оставался научным скептиком в том, что касалось древней “магической” традиции. И все же “совпадения” — например, обнаружение мертвого зимородка в своем саду , когда он рисовал Филемона в образе зимородка, — укрепили его интуитивную уверенность в том, что психика не подчиняется законам случайности. Его видения крови в 1913 году казались подлинными примерами предвидения будущего — а по любым научным критериям предвидение невозможно. Юнг попробовал первый Цзин о пациенте, молодом человеке с материнским комплексом , который собирался жениться на девушке с сильным характером. И Цзин ответил: “Девушка могущественна. На такой

девушке не следует жениться”. Он спросил китайского философа, что тот думает об “И Цзин”, и философ (Ху Ши) отмахнулся от нее как от старой книги заклинаний. Но позже он рассказал Юнгу историю о своем друге, у которого была несчастливая любовь, и который однажды отправился в даосский храм , чтобы посоветоваться с оракулом. “И это было правильно?” - спросил Юнг. “Конечно”, - был ответ.

Принятие таких вещей, по-видимому, причисляет Юнга к людям, которые читают свои гороскопы в газетах или отказываются путешествовать в пятницу, 13-го. И очевидно, что Юнг не был таким человеком. На самом деле, его вселенная была совершенно иной.

постепенно трансформировался под влиянием углубляющейся интуиции , что психика каким-то таинственным и неизведанным образом взаимодействует с окружающим миром. Это можно сравнить с ощущением первобытного человека, что он окружен духами и богами. Но у Юнга это представление обрело форму интуиции о том, что мы также каким-то образом содержим в себе духов и богов и что глубоко внутри нас есть силы, которые каким-то образом могут быть приведены в гармонию с силами вне нас.

Движущую силу, которая стимулировала поиски Юнга, можно определить как форму романтизма; но романтизма в его глубочайшем смысле, как это определено в замечании, сделанном Артуром Кестлер: “В юности я воспринимал Вселенную как открытую книгу, написанную на языке физических уравнений, тогда как сейчас она представляется мне текстом, написанным невидимыми чернилами, из которого в редкие минуты благодати мы способны расшифровать небольшой фрагмент”. обладал интуицией, что тайна Вселенной каким-то образом записана невидимыми письменами.

В то же время важно понимать, что Юнг не был экспертом в расшифровке “невидимых письменностей”. Он был человеком с глубокой интуицией — именно поэтому он был таким хорошим врачом, — но не обладал особым мастерством в облечении прозрений в слова. “Символы преображения” были неуклюжей попыткой выразить это ощущение, что тайна написана невидимыми письменами, и в ней есть что-то от неясности гностического текста. И от книги к книге мы чувствуем , что он скорее пробивается к пониманию, чем стремится к нему с целеустремленной решимостью.

Нигде это не проявляется так ясно, как в следующем крупном труде Юнга “Психологические типы”, который появился в 1921 году. Она стала самой известной работой Юнга из-за своего введения однако любому, кто знаком с ранними работами Юнга, это, должно быть, показалось сигналом о полной смене направления.

Вместо мифоло итак, в области символики и бессознательного у нас есть система классификации, которая, по-видимому, восходит к Эли забетанскому понятию “юмора”.

В своей автобиографии Юнг на удивление сдержан в отношении происхождения книги, хотя и говорит, что был занят подготовительной работой “еще в 1916 году. Главная подсказка кроется в самой книге — четвертой главе, — в которой он обсуждает теории некоего доктора Фюрно Джордана,

который в 1896 году опубликовал книгу под названием “Характер, увиденный в Тело и происхождение. Юнг отмечает, что его внимание привлек к этой книге один лондонский коллега. Доктор Констанс Лонг; мы знаем, что в июле он ездил в Лондон читать лекции 1919. Поэтому представляется возможным, что именно тогда он и наткнулся на эту книгу.

Именно Джордан был ответственен за изобретение понятия экстравертов и интровертных личностей; он утверждает, что существуют “две общие фундаментальные предубеждения в характере”, которые можно обозначить как активные и рефлексивные. Глава Юнга о Джордане в основном посвящена критике, и он нигде не признает, что в основном обязан Джордану; с другой стороны, он нигде не утверждает, что придумал классификацию экстравертов и интровертов до того, как прочитал Джордана.

Одно из лучших описаний психологических типов дано самим Юнгом в его эссе “Приближение к Без сознания” — последнее, что он написал. Вот, он говорит:

Экстраверсия и интроверсия - это всего лишь две из многих особенностей человеческого поведения. Но часто они довольно очевидны и легко узнаваемы. Если , например, изучать экстравертированных людей, то вскоре обнаруживается, что они во многом отличаются друг от друга, и, следовательно, экстравертированность является поверхностным и слишком общим критерием, чтобы быть действительно характерным. Вот почему давным—давно я пытался найти еще какие-нибудь базовые особенности - особенности, которые могли бы послужить для того, чтобы упорядочить кажущиеся безграничными вариации человеческой индивидуальности.

Меня всегда поражал тот факт, что существует удивительное количество людей, которые никогда не используют свой разум ,

если могут этого избежать, и такое же количество тех, кто действительно использует свой разум, но удивительно глупым образом. Я также был удивлен , обнаружив многих умных и дальновидных людей, которые жили (насколько можно было понять) так, как будто они никогда не учились пользоваться своими органами чувств: они не видели того, что было у них перед глазами, не слышали слов, звучащих в их ушах, и не замечали того, к чему прикасались или пробовали на вкус. Некоторые жили, не отдавая себе отчета в состоянии собственного тела.

Были и другие, которые, казалось, жили в самом странном состоянии сознания, как будто состояние, к которому они пришли сегодня, было окончательным, без возможности изменения, или как будто мир и психика были статичны и останутся такими навсегда. Они казались лишенными всякого воображения и полностью зависели от своего чувственного восприятия.-

94 Владыка Подземного мира

Достопочтенный. В их мире не существовало шансов и возможностей, а в “сегодня” не было настоящего “завтра”. Будущее было

просто повторением прошлого.

Здесь я пытаюсь дать читателю представление о моих собственных первых впечатлениях, когда я начал наблюдать за многими людьми , с которыми встречался. Однако вскоре мне стало ясно, что люди , которые используют свой разум, — это те, кто думает, то есть те, кто использует свои интеллектуальные способности, пытаясь приспособиться к людям и обстоятельствам. И не менее разумными людьми, которые не думали, были те, кто искал и находил свой путь с помощью чувств.

Таким образом, мы можем предположить, что открытие Юнгом Книга Джордана произвела интеллектуальный взрыв, и что его недовольство дальнейшими попытками Джордана подчинить выделение двух основных типов — активного и рефлексивного — привело к признанию того, что интровертов и экстравертов также можно разделить на четыре дополнительные категории: мыслящие, чувствующие, сенсорирующие и интуиционные. (“Чувство” означает здесь только нелингвистический подход к проблеме, например, когда мы говорим: “Я чувствую, что самым простым решением было бы…”) Психологический “все типы” - это попытка проиллюстрировать восемь типов (“Интровертно-чувствующий тип”, “экстравертно-чувствующий тип” и т.д.) с персонажами из истории и художественной литературы. На самом деле, вскоре он обнаруживает необходимость создавать еще больше разделов, пока читатель не начинает подозревать, что сбивается с пути.

И все же, несмотря на то, что в общих чертах. “Психологические типы” звучат как радикальный отход от ранних работ Юнга, сама книга производит совершенно иное впечатление. Она начинается с пространного сравнения двух ранних работ Юнга. Отцы Церкви, Тертуллиан и Ориген — примеры интровертного и экстравертного типов мышления. И вскоре мы

чувствуем — как в Символах Преображения - что они являются

это гораздо больше, чем просто иллюстрации к тезису: Юнг

обсуждает их, потому что чувствует себя как дома в мире ранней христианской церкви. Когда Анатоль Франс, которым Юнг когда —то восхищался, рассказывает о ранней Церкви в духе иронического скептицизма, мягко подшучивая над аскетами, которые мучили свое тело вместо того, чтобы ценить чувственные наслаждения. Когда Юнг говорит о ранней Церкви, он, очевидно, чувствует, что эти люди были озабочены важными вопросами, о которых современный мир забыл; и снова современный читатель поражен их родством с Т. С. Элиотом. И после

обсуждая проблему пресуществления, номинализм и реализм, а также полемику между Лютером и Цвингли, он переходит к рассказу о Шиллере, Гете, Ницше и “Прометее и эпиметее Эпиметея” Карла Шпиттелера. Он как будто говорит: Фрейд пытался свести жизнь к сексу и детским репрессиям, но это то, что действительно важно…

Короче говоря, Юнг по-прежнему высказывает свои основные тезисы скорее косвенно, чем прямо; ему требуется более четырехсот страниц, чтобы дойти до обсуждения интровертного и экстравертного типов в главе 10. И все же , несмотря ни на что, главный тезис вырисовывается очень четко. Общим для всех этих людей является то, что для них, как и для Юнга, мир полон “невидимых надписей”. Что же такого интересного в “Психологические типы” написаны на двух уровнях: на уровне старомодного, дофрейдистского учебника психологии и на уровне глубоко личного “исповедания веры”. Вероятно, именно пикантность контраста между ними сделала эту книгу Юнга самой известной.

Пациентка Юнга, доктор Лилиан Фрей-Рон, позже сделала интересное замечание: “Он писал мелким , неровным почерком, когда был сухим и научным писателем, но постепенно перешел к гораздо более открытому стилю работы, когда обрел уверенность в своих теориях, а позже при случае использовал красивый точный готический почерк”. почерк, похожий на средневековый манускрипт.’ В этом смысле “Психологические типы” по-прежнему написаны мелким, корявым почерком. Но еще до того, как книга была опубликована, он расширял свои интуитивные представления о новых горизонтах. После своих первых экспериментов с 1 Цзин он прочитал новый перевод и

комментарии Ричарда Вильгельма, последователя Христа ян миссионер, который отправился в Китай и полностью приобщился к древней китайской культуре. Когда Вильгельм приехал в Цюрих в 1922 году, эти двое мужчин встретились и стали близкими друзьями. Похоже, они проводили много времени вместе, экспериментируя с И Цзин: однажды оракул предупредил Юнга, чтобы он не воспринимал слишком серьезно то, что произойдет на следующий день; на самом деле, старый друг погиб в автокатастрофе.

Также в 1922 году Юнг купил участок земли на берегу озера в Боллингене, недалеко от Санкт-Майнрада; он решил построить себе примитивный круглый дом в стиле африканской хижины. Он думал о нем как о месте уединения, своего рода монастыре. Когда его дочь приехала посмотреть на это место.

Повелитель подземного мира

она сказала ему, что это было место, полное трупов — замечание, которое он проигнорировал, пока, когда началось строительство, не был обнаружен скелет, и Юнг не обнаружил, что многие французские солдаты были убиты. Диерс погиб неподалеку в 1799 году, когда австрийцы взорвали мост. Юнг воспринял это как указание на то, что его дочь унаследовала некоторые экстрасенсорные способности семьи.

Незадолго до начала строительства Юнгу приснился сон о гигантском волкодаве, выскочившем из первобытного леса; Юнг знал, что Дикий Охотник приказал ему забрать человеческую душу. На следующее утро он узнал, что ночью умерла его мать. Это был еще один проблеск “невидимого письма”.

“Круглый дом” в Боллингене превратился в двухэтажную башню. Он был примитивным, без водопровода и электричества; но в Юнге была какая-то черта, которая тянула к примитивному. С годами башня постепенно превратилась в довольно большой дом, оборудованный комнатой для медитации Юнга. Но мотивы, побудившие его построить этот дом, были связаны не только с аскетизмом; они с Тони Вольфф часто ездили туда вдвоем на выходные; Эмма, похоже, наконец-то смирилась с мыслью, что ее муж - мужчина , которому нужны две жены и множество любовниц.

Для Юнга этот период — первая половина двадцатых годов — был временем духовных поисков. К моменту выхода книги он уже перерос представления о психологических типах ; но идеи, которые должны были прийти им на смену, все еще находились в состоянии хаоса. Единственная книга, появившаяся в этот период. “Психология бессознательного” (опубликована в 1926) - это, по сути, краткое изложение, взгляд назад, на уже пройденный путь, начинающийся с описания Фрейд и психоанализ, продолжая изложением психологии “воли к власти” Адлера и завершая рассказом о его собственных психологических типах и коллективном бессознательном. Что касается архетипов, то он так же неубедителен, как и в 1912 году. В качестве примера он приводит открытие закона сохранения энергии Робертом Майером и находит различные параллели в Буддизм и полинезийскую религию, что привело его к утверждению, что “эта идея была запечатлена в человеческом мозгу на протяжении веков”, на что скептик возразил бы, что аналогичный аргумент можно было бы использовать для доказательства того, что велосипед и автомобиль произошли от колесницы солнца в

Греческая мифология и колесница Джаггернаута из Индусы.

Выходом из этого состояния интеллектуальной приостановки для Юнга была попытка углубить те идеи, которые пришли к нему благодаря контакту с Северной Африкой, в частности, о замедлении времени. Если бы физиология расщепленного мозга существовала в 1924 году, Юнг, возможно, понял бы, что он исследует “вневременное” осознание правого полушария мозга. А так он воспользовался возможностью прочитать лекцию в Америке в В 1924 году он посетил индейцев пуэбло в Мексике. Север Поездка в Африку заставила его осознать, насколько далеко простирается его сознательное это было обусловлено европейской цивилизацией. Он жил среди индейцев Таоса примерно в то же время, что и Д.Х. Лоуренс, и, похоже, пришел к тем же выводам, что и Лоуренс. Он цитирует вождя племени Таос: “Посмотрите , какими жестокими выглядят белые… У них пристальное выражение глаз: они всегда чего-то ищут. Чего они ищут?” Юнг спросил, почему он считает всех белых сумасшедшими, и получил ответ: “Они говорят, что думают головой”. Юнг спросил, чем думают индейцы. “Нашими сердцами”.

Юнг был впечатлен убежденностью индейцев в том, что определенные ритуальные действия могут влиять на солнце. Он отметил, что это в основном совпадает с христианской идеей о том, что молитва может влиять на Бога. Он все еще боролся с наполовину сформулированным пониманием того, что определенные энергии внутри человека могут вступать в гармонию с внешним миром, вызывая странные знаки и совпадения.

В Мексике он пережил еще один приступ “активного воображения”. У него было ощущение, будто внутри него поднимается “бесформенный туман” , и это затвердевало в фантазиях о Римские легионы разрушали города в Галлии, святой Августин обращал Англию в свою веру, Карл Великий обращал язычников под угрозой смерти, крестоносцы сжигали и мародерствовали, и , наконец, испанские конкистадоры обрушились на ацтеков с резней, огнем и пытками. Это, конечно, фантазия, которую мог бы придумать любой историк, но аномально активное бессознательное Юнга придало ей реальность. Арнольд Тойнби однажды описал, как его собственное изучение истории зародилось в подобном видении в Спарте; но для Тойнби это было всего лишь внезапное ошеломляющее ощущение реальности прошлого. Подсознание Юнга показывало ему, как превратить эту реальность в реальные видения.

Это позволяет нам понять самый фундаментальный вопрос , касающийся работ Юнга. Это заставляет нас осознать, что настоящая проблема человеческого разума заключается не в его неврозах и психозах, а в его абсолютной слабости. Жестокость человеческого разума Римские легионы, жестокость испанских конкистадоров - это то, что происходило на самом деле. И все же человеческому разуму практически невозможно осознать, что это произошло.; по сравнению с настоящим моментом это остается нереальным, чем-то вроде сказки. Вот что не так с человеческим сознанием: мы застряли в настоящем. Потенциально наш разум может вызвать в воображении другие времена и другие места — это часто случается, когда определенный запах, определенная старая мелодия, определенное чувственное впечатление возвращают нас к реальности прошлого настолько ярко, что нам хочется разрыдаться . Однако мы не можем делать это по своей

воле; сознание кажется таким же слабым, как хватка младенца. Невроз возникает из-за этой слабости, неспособности ума отбросить мелкие заботы. Когда Юнг обсуждает тип сенсорного экстраверта — человека, который , кажется, чувствует, что настоящее — это единственная реальность, - на самом деле он говорит обо всех людях.

Человеческая эволюция была долгой и медленной попыткой человека развить силу разума, укрепить свою ментальную "хватку", чтобы он мог выбирать свои реальности, вместо того чтобы проглатывать все , что ему навязывает настоящий момент. И хотя Юнг не был философом — никто не может прочитать собрание его работ, не заметив, что он проводит большую часть своего времени, ходя по кругу, — он инстинктивно распознал основную проблему. Он отверг Фрейда, потому что психология Фрейда, по сути, пассивна. человеческий разум застревает в настоящем, без надежды на освобождение. У него было смутное, но чрезвычайно сильное чувство, что разум должен научиться становиться активным, чтобы быть способным преобразовывать повседневную реальность.

Мы не сможем понять развитие Юнга в середине 1920-х годов, если не поймем, что он был во власти демона, который нашептывал, что должно быть решение этой проблемы. Сексуальная теория Фрейда, теория воли к власти Адлера не давали ответа. Но, к сожалению, мифологическая теория Юнга тоже не сработала. Это был шаг в правильном направлении, но не более того.

Это объясняет, почему, почти сразу после возвращения в Цюрих, он снова отправился в путь — на этот раз в Африка. В то время существовала теория Дарта и Лики о том, что

человек, зародившийся в Африке, все еще находился в десятилетии или более отдаленном будущем; тем не менее, можно полагать, что Юнг понял это благодаря своего рода второму зрению. Он пишет, что, посетив охотничий заповедник в Найроби, глядя на далекий горизонт , усеянный зебрами, он внезапно почувствовал, что "это была тишина вечного начала".

Похожее осознание пришло к нему, когда белый старик сказал

ему: “Это страна не людей, это страна Бога . Так что, если что-то случится, просто сиди и не волнуйся”. Юнг говорит: “Его слова поразили меня как какой-то как важно… Очевидно, они представляли собой квинтэссенцию его опыта; не человек, а Бог управлял здесь — другими словами, не воля и намерение, а непостижимый замысел”.

Непостижимый замысел. Это было то, что Юнг искал в Африке. Это было то, что он искал всю свою жизнь: ощущение того, что есть смысл вне нас и вокруг нас: невидимые письмена. Здесь Юнг смог это ощутить. “Я наслаждался “божественным покоем” во все еще первобытной стране… Тысячи миль отделяли меня от Европы, матери всех демонов. Демоны не могли добраться до меня здесь — не было ни телеграмм, ни телефонных звонков, ни писем, ни посетителей. Мои освобожденные психические силы блаженно хлынули обратно на первобытные просторы”. И осознание, которое выросло из опыта, полученного в Африке, состояло в том, что “в душе с самого начала было стремление к свету и неудержимое стремление вырваться из первобытной тьмы”. Его видение Африки, по-видимому, было очень близко к тому , которое Конрад выразил в “Сердце тьмы”: “На самом деле над землей царит темнота, совершенно отличная от естественной ночи . Это первичная психическая ночь, которая сегодня такая же, какой она была на протяжении бесчисленных миллионов лет. Стремление к свету - это стремление к сознанию.

И все же Африка не была решением его проблемы. Проблема заключалась в том, что его работа топталась на месте — как стало ясно, когда Психология бессознательного появилась в 1926. В Африке он искал ощущения невидимого мира, который находится вокруг нас. Первобытный человек чувствует, что его окружают духи. В Европе активность полтергейста рассматривается как необъяснимое проявление бессознательного; в Африке к нему относятся как к явлению человека проявление невидимых духов. В каком-то смысле африканец вряд ли удивился бы, увидев предмет, плывущий по комнате;

это просто подтвердило бы то, что, как он знает, является правдой.

Но Юнг хотел большего, чем возвращения к этому примитивному

взгляду на мир. Он интуитивно понимал, что между разумом и силами Вселенной может быть плодотворная гармония. В древних культурах эта традиция известна как магия, и мышление Юнга становилось все более “магическим”. Однако его не интересовала ритуальная или церемониальная магия, как У.Б. Йейтса; его интересовала “естественная” магия бессознательного: например, “магия”, которая порождает синхронности. Так что, в некотором смысле, поездка в Африку была скорее тупиком, чем началом.

Он зашел в тупик и в другом смысле. В Психологические типы, становится совершенно ясно, что Юнга глубоко привлекали ранние отцы Церкви и Гностики, с их странной философией творения. Юнг , очевидно, чувствовал, что его психология нуждается в дополнительном измерении, и надеялся найти его в этих источниках. Около В 1926 году, когда он вернулся из Африки, эта надежда исчезла. “Насколько я мог судить, традиция, которая могла бы связывать гнозис с современностью, казалось , была разорвана, и долгое время было невозможно найти какой— либо мост, ведущий от гностицизма - или нео платонизм — для современного мира.’ Но ощущение необходимости такого моста оставалось сильным. А в 1928 году фрагмент решения был предоставлен его другом Ричардом Вильгельмом, который прислал ему перевод одной Китайское мистическое произведение под названием “Тайна золотого Цветок. На самом деле это любопытное сочетание восточного мистицизма и алхимии, символизирующее цель медитации. тион как эликсир жизни. Юнг был немедленно поражен , обнаружив, что в книге содержится символ мандалы. Он был еще более взволнован, обнаружив, что душа символизируется как облачным демоном мужского пола, так и белым призраком женского пола, привязанным к земле; он рассматривал их как символы анимуса и анимы - его собственной концепции мужской души, которая обитает в женщинах, и женской души, которая обитает в мужчинах. (Бром цитирует слова Герберта Уэллса, сказанные им после встречи с Юнгом: “Я всегда знал, что внутри меня живет прекрасная молодая девушка, пытающаяся вырваться наружу”.) Но, пожалуй, самой захватывающей идеей было то, что целью этой духовной алхимии было создание “эфирного тела”, известного как “алмазное тело”, что очень близко соответствовало представлениям Юнга

концепция “я”. Начался первый раздел:

Если ты хочешь создать алмазное тело без утечек.

Усердно подогревай корни сознания и жизни.

Зажги свет в стране, которая находится под рукой.

И там, скрытый, пусть всегда пребывает твое истинное “я”.

Эта фраза “без оттока”, очевидно , имела первостепенное значение, поскольку проблема невротиков — на самом деле, людей в целом — это своего рода утечка энергии из-за страха, тревоги, общего негативизма.

Это было причиной того, что гностицизм и раннее христианство это всегда так привлекало Юнга. По Фрейду, есть только больные и “нормальные” люди, такие же, как все остальные. Но Юнга гораздо больше интересовали сверхъестественные люди, такие как святой Августин, Гете и Ницше — святые и сверхчеловеки. Однако в некотором смысле их трудно вписать в общую картину человеческого разума, то есть в глубинную психологию. Чего хотел Юнг, так это установить связь между миром гностиков изм, раннее христианство и мир глубинной психологии. Тайна Золотого цветка наводила на мысль, что он, возможно, нашел ее в алхимии.

Юнг попросил мюнхенского книготорговца найти для него несколько книг по алхимии. Он также вспомнил, что Герберт Зильберер, мой друг по венским временам, написал книгу об алхимии под названием “Проблемы мистицизма и его символики” (1917). Зильберер, как и Юнг, изо всех сил старался расширить жесткие фрейдистские категории, поскольку чувствовал, что мистический опыт секс - это не просто сублимация сексуальности. Книга имеет ярко выраженный юнгианский привкус, и, несомненно, именно поэтому она разозлила Фрейда до такой степени, что он порвал с Зильберером. Зильберер впал в депрессию и в 1923 году покончил с собой, повесившись на оконной решетке, оставив факел светить себе в лицо, чтобы жена увидела его, когда войдет. (Фрейд, по-видимому, обладал какой-то пугающей способностью вызывать суицидальную депрессию у “еретиков”; в 1919 г., Виктор Тауск — еще один фрейдист, который осмелился мыслить самостоятельно, — покончил с собой, а в начале 1927 года у блестящего новичка Вильгельма Райха случился нервный срыв после того, как Фрейд

порвал с ним.) Юнг писал Сильберу теплое благодарственное письмо после прочтения Проблем

102. Владыка подземного мира

увлекался мистицизмом, но западная алхимия его не заинтересовала — отчасти потому, что Зильберер сосредоточился на более поздних алхимических текстах таких авторов, как Холландус и Филалет, которые были еще более непонятными, чем ранние

.

Мюнхенский книготорговец нашел Юнгу сборник под названием Artis Auriferae (1593), содержащий ряд классических произведений алхимии; но он счел его непонятным и с отвращением отложил в сторону. Два года спустя он снова взялся за это дело и начал составлять глоссарий основных алхимических терминов. Когда до него дошло, что алхимики говорят символами, он все больше увлекался. Проблема начала занимать его. Я работал в филологическом направлении, как будто пытался разгадать загадку неизвестного языка. Таким образом, алхимический способ выражения постепенно раскрывал свой смысл. Это была задача, которая занимала меня более десяти лет/

Любой, кто когда-либо тратил пять минут на то, чтобы прочитать алхимический текст, может признать одержимость Юнга непонятной и довольно извращенной. Согласно алхимикам, работа начинается с поиска вещества, называемого первичной материей (некоторые считают, что это соль, другие - ртуть, третьи - земля или даже вода). Его необходимо измельчить, смешать с “тайным огнем” и нагреть в закрытом сосуде. Эта первоматерия содержит два элемента, мужской и женский, называемые солнцем и луной, или серой и ртутью. В закрытой посуде они чернеют и разлагаются, этот процесс известен как “нигредо”. Затем в массе должны появиться белые вкрапления, и она должна побелеть — процесс, известный как альбедо. Он становится летучим и перекристаллизовывается в белый камень. В этом камне мужское и женское начала соединяются в “mysterium coniunctionis”, или брак, и он способен исцелять. На следующем этапе процесса к “ртути” добавляют белый камень, и происходит малоизвестный процесс , известный как “возвышение”. После растворения в кислоте камень становится зеленым — стадия, известная как

“зеленый лев” — и, наконец, становится красным. Это позиция философа. Камень, который может превращать неблагородные металлы в золото и который также является эликсиром жизни.

Наиболее очевидным объяснением всего этого является то, что наука химия существует менее двухсот лет. Ее главные деятели — Пристли, Кавендиш, Лавуазье, Далтон — экспериментировали ближе к концу века.

восемнадцатый век. Дальтон объявил о своей атомной теории в 1803 году. Поэтому мы можем отмахнуться от разговоров об изготовлении золота из других веществ как от чистого невежества — алхимики не знали, что золото - это элемент, и поэтому его нельзя “создать”.

Но это объяснение не удовлетворило многие проницательные умы. В 1840-х годах блестящая молодая леди по имени Мэри Энн Саут (впоследствии миссис Эттвуд) изучала гипноз и пришла к убеждению, что греки использовали гипнотические состояния в своих мистериях. Затем она написала книгу об алхимии, наводящее на размышления исследование герметической тайны (1850), в которой предположила, что сама алхимия была закодированной формой мистической религии древних. Когда ее отец прочитал книгу, он был так потрясен мыслью о том, что она раскрывает запрещенные секреты мафии, что скупил все доступные экземпляры и сжег их. Уинн Уэскотт, один из основателей ордена Золотой Зари — магического общества, членом которого был Йейтс , — написал небольшую книгу под названием “Наука о Алхимия, которая провозгласила, что вся химическая символика - это обман зрения, и что алхимия, по сути, является мистической религией.

Таким образом, “открытие” Юнга об алхимии было, в некотором смысле, повторным открытием идей миссис Эттвуд и Уинна Уэскотта. Юнг считал, что алхимия-это про транс мутация сознания и открытие самого себя. Он неизбежно рассматривал мужской и женский элементы первичной материи — короля и королеву алхимии — как анимуса и аниму; это, казалось, указывало на то, что алхимия связана с психологическими

процессами.

Вкратце, теория Юнга такова. Алхимик относился к своей Работе с такой глубокой серьезностью, что совершенно бессознательно “спроецировал” на нее свои собственные желания и навязчивые идеи. “Во время работы над своим химическим экспериментом у оператора [алхимика] были определенные психические переживания. явления, которые представлялись ему как особенности протекания химического процесса. Поскольку речь шла о проекции, он, естественно, не осознавал того факта, что переживание не имело никакого отношения к сути дела…” Другими словами, алхимик “видел” вещи в процессе, подобно тому, как мы могли бы видеть лица в огне. Юнг приводит ряд примеров, свидетельствующих о бессознательном самообмане . Один алхимик рекомендует принимать дождевую воду.

и позволяет освященному красному вину капать в него каплю за каплей; результатом, по его словам, будет видение творения, описанное в Книге Бытия: сначала что-то вроде тумана, затем появление света и так далее. Другой описал, как, если семь кусочков металла с астрологическими символами нагреть в тигле с каплей философского Камень, пламя огня заполнит всю комнату, и над головой появится звездный небосвод. В другом говорится , что во время Великой работы в тигле можно будет увидеть “удивительное разнообразие фигур” — формы животных, рептилий и деревьев

.

По словам Юнга, на самом деле происходит то, что алхимик неосознанно использует активное воображение и , следовательно, создает видения или галлюцинации, которые вторгаются в его лабораторию подобно снам наяву.

Читатели “Психологии и алхимии” (1944), должно быть , сочли все это непонятным и довольно неубедительным. Только посмертная публикация автобиографии прояснила, как Юнг пришел к этой теории и что он верил в то, что алхимики пережили опыт , подобный его собственному “столкновению с бессознательным”. Он, например, комментирует это так: “Однажды ночью я проснулся и увидел в изножье своей кровати залитую ярким светом фигуру Христос на кресте. Оно было не совсем в натуральную величину, но очень отчетливое; и я увидел, что его тело сделано из зеленоватого золота. Видение было удивительно красивым, и все же я был глубоко потрясен им. В видении как таковом для меня нет ничего необычного, поскольку я часто наблюдаю чрезвычайно яркие гипнагогические видения.’

Итак, согласно Юнгу, алхимические тексты с их зелеными львами, красными драконами и звездным небосводом на самом деле являются описаниями гипнагогических видений (видений, наблюдаемых между сном и бодрствованием), которые алхимик считал частью химического процесса.

Для Юнга следующим вопросом было: о чем были эти видения ? Ответ таков: религия. “Душа по своей природе обладает

религиозной функцией", - говорит он в "Психологии и Алхимия. Западный человек был духовно истощен своей материалистической, рационалистической цивилизацией, а христианство с его тенденцией к догматизму только усугубило ситуацию. худший. Таким образом, "религиозная функция" бессознательного нашла свое выражение — разумеется, с помощью символов — в алхимии. Аниэла Яффе говорит: "Алхимия, таким образом, находилась в

компенсаторное отношение к миру сознания и христианству, точно так же, как сновидение влияет на сознательную ситуацию сновидца.'

Что, по сути, означало, что Юнг мог рассматривать алхимию как один длинный, сложный сон и использовать свое мастерство в толковании сновидений. Алхимия, как он полагал, была в основном вопросом "спасения" — или индивидуализации, как он предпочитал это называть. Оно отражает христианство как бы в кривом зеркале, но его образы поднимаются из еще более глубоких глубин души. (По Юнгу, коллективное бессознательное глубже индивидуального бессознательного и содержит глубины, в которые невозможно проникнуть). Вместо христианской Троицы существует четверица, что часто отражается в символах мандалы, разделенных на четыре части. По словам Юнга, главная задача образования - донести архетип образа Бога до сознательного разума. И "религиозная функция" в душе алхимиков стремилась именно к этому. " Эмпирически можно показать, что архетипы бессознательного являются эквивалентами религиозных догм", - поэтому его попытка истолковать "сон" алхимика стала попыткой проникнуть в глубины коллективного бессознательного.

Поискам смысла алхимического сна Юнг посвятил два больших тома. "Психология" и "Алхимия и таинство соединения" — последняя из его последних завершенных книг. Это одни из самых важных и увлекательных работ Юнга. Однако они в еще более острой форме поднимают вопрос, связанный с Символами трансформации и психологическими типами: насколько это можно рассматривать как объективную оценку предмета и насколько это просто отражение неисправимой склонности самого Юнга к мифотворчеству и интеллектуальному запутыванию? В эссе "Природа психики" Юнг признает , что "как

только [бессознательное] признается, человек оказывается во власти всевозможных гипотез, касающихся этой бессознательной жизни, гипотез, которые невозможно контролировать никакими наблюдениями". И это затрагивает суть проблемы. Когда Юнг говорит о бессознательном, "выбирающем" определенный тип мифа в пользу другого типа, и объясняет, что "Тип сына не вызывает дочь в качестве дополнительного образа из глубин "хтонического" бессознательного — он вызывает другого сына", даже самый отзывчивый читатель чувствует это. склонен полагать, что Юнг

мог привести доводы в пользу всего, что хотел доказать. В основном, Юнг все еще остается фрейдистом: то есть он представляет себя нам как интерпретатора необъяснимого ученый ум, одетый в мантию волшебника и остроконечную шляпу, и ожидается, что читатель будет почтительно слушать и кивать в знак согласия. А иногда фрейдизм даже ближе к истине, как, например, когда Юнг объясняет, что король и королевы держатся за левые руки, потому что их союз кровосмесителен, а “инцест символизирует единение с самим собой , это означает индивидуализацию или становление самим собой”. При встрече с подобными отрывками у читателя возникает подозрение, что Юнг отражает свои собственные навязчивые идеи. взгляды и увлечения, а не средневекового алхимика, чье душевное состояние невыразимо отличается от взглядов современного психолога-фрейдиста.

По крайней мере, один современный поклонник юнгианской доктрины алхимии позже полностью отверг ее. Фрэнсис Израэль Регарди, одно время член ордена Святого Золотой рассвет”, изучал алхимические трактаты во время болезни в 1936 году, когда наткнулся на комментарий Юнга к “Золотому цветку” и пришел к убеждению , что это и есть разгадка тайны. Результатом стала замечательная книга под названием “Философский камень”. Но, в отличие от Юнга, Регарди также был глубоко сведущ в магических традициях — одно время он был секретарем Алистера Кроули — и он также был склонен согласиться с теорией миссис Эттвуд о том, что алхимик мог взять на себя роль магические силы” в состоянии транса. Юнг, хотя и был сведущ в астрологии и алхимии, никогда не уделял серьезного внимания магии. И все же большинство великих ученых позднего средневековья — например, Корнелий Агриппа и Парацельс — были “магами”, а также алхимиками. А маги верили, что магические операции совершаются с помощью духов. Как мы уже видели, Юнг действительно верил в “духов”, но его врожденный рационализм не позволял ему пытаться понять магию с точки зрения ее собственных предпосылок. Книга Регарди знакомит читателя с тем, что в юнговском понимании алхимии отсутствует целый аспект

.

Как ни странно, Регарди позже отказался даже от модифицированного юнгианского учения о философском камне. В Солт-Лейк-Сити В городе он познакомился с современным алхимиком Альбертом Риделем и стал свидетелем экспериментов, которые не оставили у него сомнений в том, что

Алхимия - это химический процесс, а не психо-духовный, и когда Бэзил Валентин говорит алхимику взять немного сурьмы, растереть ее в порошок и поместить в реторту, он имеет в виду именно то, что говорит. В “Mysterium Coniunctionis”, Юнг отвергает одно из алхимических описаний Герхарда Дорна трактуется как “химическая фантазия, от которой волосы встают дыбом”, и тем самым вновь возникает вопрос, на который он изначально намеревался ответить: почему описания алхимика такие причудливые и, по-видимому, бессмысленные.

Самое верное суждение об алхимических трудах Юнга состоит в том, что они многое рассказывают нам о Юнге и его основных идеях; насколько много они говорят нам об алхимии, остается открытым вопросом.

Шесть

f ’

Мудрец из Кушнахта

Для Юнга 1930-е годы стали периодом в высшей степени успешной консолидации. Его имя стало таким же известным , как имя Фрейда. (Когда он поступил в Британский музей Читальный зал, и назвал свое имя, портье спросил: “Это не Фрейд, не Юнг и не Адлер?”, и он ответил: “Нет, просто Юнг”.) Он стал одним из

самых уважаемых граждан Цюриха, известным там так же хорошо, как его дед был известен в Базеле. Он был окружен восхищенными учениками (в Цюрихе женщина-юнгианка была известна как Юнгфрау) и принимал посетителей и пациентов со всего мира. Одна из его поклонниц, фрау Ольга Фребе-Каптейн, построила конференц-зал на просторной территории своей виллы “Каса Эранос” на берегу озера Маджоре, а из Начиная с 1935 года, Юнг организовывал ежегодные конференции известных ученых и преподавателей; Юнг стал центральной фигурой на этих конференциях и фактически вершил там суд. В 1933 году он был назначен президентом Международного медицинского Общества психотерапии; он также возобновил чтение академических лекций и в 1935 году был назначен профессором. В 1935 году он прочитал весьма успешную серию лекций в Тавистокском университете. Клинику в Лондоне — его огромная жизненная энергия и непринужденные манеры сделали его харизматичным лектором, — а затем он поступил в Гарвард; в 1937 году он снова вернулся в Гарвард. По приглашению британского правительства он отправился в Индию в 1938 году, и был покорен ее чарами так же, как был покорен Африкой.

Самое важное, что его идеи неуклонно развивались его “аналитическая психология” становилась широко распространенной — или, по крайней мере, широко известной — как альтернатива психоанализу. А с открытием алхимии он захватил новые обширные интеллектуальные территории и обеспечил себе плодотворное поле для исследований на всю оставшуюся жизнь. Его вера в то, что “таинственный брак” алхимии

j

Мудрец из Кушнахта, 109

“Алхимики” — это другое название индивидуации, союза сознания и бессознательного, которое казалось одним из самых захватывающих открытий с тех пор, как Фрейд открыл сексуальную теорию в 1890—х годах. Он становился все более уверенным в том, что “религиозная функция” столь же естественна и важна для человека, как и сексуальная, и его теория архетипов, казалось, создавала неразрывную связь между

религией и психологией. Архетипы были определены как базовые паттерны коллективного бессознательного, своего рода инстинктивный способ познания, точно так же, как инстинкты являются врожденным способом действия; Юнг продолжал находить доказательства их существования во всех мировых религиях. Его поклонники считали, что Юнг был создание одного из самых смелых и наиболее полным интеллектуальные синтезы в мировой истории; и несмотря на некоторые внешние скромность, Юнг был одержим многое такой же убежденностью.

Было, следует признать, отрицательные стороны Персонаж Юнга. Несмотря на растущее признание, он чувствовал, что его идеи получают недостаточное признание, и мог быть щепетильным по этому поводу. Когда написанное им эссе об “Улиссе” Джойса было отклонено как слишком враждебное, он сначала пытался настоять на его публикации, очевидно, уязвленный отказом. Когда один из студентов прислал ему рецензию, в которой ставился под сомнение его научный подход, Юнг напыщенно заявил: “Предположим, что в моем подходе действительно есть такие легко узнаваемые недостатки, как вы соотносите это с тем фактом , что я обладаю по меньшей мере семью почетными докторскими степенями?.. С вашего позволения, я являюсь почетным членом Академии немецких ученых и врачей, членом Королевского общества… - и он продолжает перечислять свою “квалификацию”. В 1944 году, узнав, что обзор психологии и алхимии был сокращен, он с горечью прокомментировал это: “Это еще одно напоминание о том, что я должен быть представлен своим современникам только как пассажир третьего класса…” Когда ему перечили, у него был взрывной характер, и он был подвержен к нытью и придиркам. У него было много черт, которые Фрейд называл “анальной эротикой”, — одержимая пунктуальность, аккуратность и формальность. Аниэла Яффе, впоследствии его секретарь, отмечала: “Каждая опечатка тщательно и обильно комментировалась”. Ошибка могла привести к недовольству до конца рабочего дня. Все это безошибочно указывает на то, что этот мудрец, говоривший об индивидуации и глубоком религиозном опыте, был

сам по себе он отнюдь не цельная личность. Подобно избалованному ребенку, которому слишком часто давали поступать по-своему, он стал жертвой собственных негативных эмоций. Ближе к концу своей жизни он должен был признать: “Чем старше я становлюсь, тем меньше [я осознаю], что я понимал, проникал в суть или знал о себе”. Примером могут служить некоторые комментарии , сделанные им о Кьеркегоре в письме от 1943 года: Таким [предвзятые] люди вполне приемлют его проблемы и недовольство, потому что для них это служит той же цели , что и для него: вы можете решить все вопросы в учебе , и вам не нужно делать этого в жизни. Там вещи склонны вам неприятно.’ Юнг, казалось, совсем не подозревая, что он также был склонен остановиться вещи в своем кабинете и не попытки самодисциплины.

Все это помогает объяснить, почему пришествие второе Мировой войны Юнг погрузился в депрессию. Он привык к напряженной жизни знаменитого человека; и вот, внезапно, на улицах Цюриха почти не было движения, не хватало еды, и Юнг оказался в изоляции, которая немного напоминала преждевременный выход на пенсию. Его отношение к современному миру становилось все более негативным; он ненавидел его искусство, музыку, литературу, политику. В одном из писем он мрачно писал: “Почему , черт возьми, человек не может повзрослеть? Властелин этого мира , безусловно, дьявол”. Его современник Герберт Уэллс испытал схожую реакцию на это зрелище насилия и почти за одну ночь превратился из утопического оптимиста в озлобленного пессимиста. Но потом. Уэллс всегда был научным материалистом. Юнг, с его религиозными пристрастиями, теоретически должен был быть менее уязвим способный.

Происходящее говорит о том, что там был какой-то чего не хватает в психологии Юнга. Он определенно не был сексуально неудовлетворен, и у него не было “религиозных проблем” (он как-то сказал, что у большинства пациентов старше тридцати пяти лет были проблемы с религией). И все же он позволял себе впадать в крайне негативное отношение к себе и к миру. Настоящей проблемой было просто отсутствие мотивации, отсутствие проектов, способных пробудить в нем энтузиазм , что, в свою очередь, привело к потере того, что Джанет называла “психологическим напряжением”. Психология Юнга с ее

коллективным бессознательным наука и архетипы, ее анимус и анима, тень и энантиодромия были слишком сложны, чтобы разобраться в такой простой проблеме.

Мудрец из Кушнахта, 111

Несчастный случай в январе 1944 года, описанный в начале этой книги, и последовавший за ним сердечный приступ кажутся неизбежными последствиями депрессии и пессимизма военных лет. Они, возможно, были созданы его собственным подсознанием, поскольку, как мы уже видели, результатом стало поразительное самообновление. Юнг сдался привязанный к своему рациональному “я” и всем его рациональным отрицаниям и антипатиям. Теперь внезапно рациональное “я” рухнуло, и он снова осознал “сверхъестественное”. “Я был как будто в экстазе. Мне казалось, что я парю в космосе, что я нахожусь в безопасности в недрах Вселенной — в огромной пустоте, но наполнен высочайшим чувством счастья”.

Это был важный шаг за пределы “конфронтации с бессознательным” времен Первой мировой войны. “Я бы и представить себе не мог, что такое возможно. Это не было плодом воображения. Видения и переживания были совершенно реальными, в них не было ничего субъективного “. Видения Илии, Саломеи и Филемон был наделен воображением — хотя и “активным воображением”. тион”. Они убедили Юнга в том, что разум может создавать свою собственную реальность вопреки физическому миру. Но эти “видения” были реальными; значит, они говорили о реальности вне его самого. В течение десяти или более лет он писал об этой реальности — реальности, лежащей в основе религиозного и мистического опыта; теперь он узнал об этом из первых рук. Интересно , что он подчеркивает ее вневременной элемент. “Мы избегаем слова “вечный”, но я могу описать этот опыт только как экстаз вневременного состояния, в котором настоящее, прошлое и будущее сливаются воедино. Все, что происходит во времени, было собрано в единое целое. Ничто не было распределено во времени, ничто не могло быть измерено временными понятиями”. Это было так, как если бы сознание Юнга перенеслось во вневременную область правого полушария мозга. И если “индивидуация” означает, что сознание в левом и правом полушариях перестало быть разделенным, то Юнг, наконец, достиг определенной степени индивидуализации.

Негатив военных лет также испарился. “Моя болезнь дала мне еще кое-что. Я мог бы сформулировать это как утверждение вещей такими, какие они есть: безоговорочное “да” тому, что есть, без субъективных протестов…” И он добавляет проницательный комментарий: “В начале болезни у меня было ощущение, что есть

было что-то не так с моим отношением к жизни, и я был в какой-то степени ответственен за случившееся”.

Это, возможно, стало главным переломным моментом в жизни Юнга. С тех пор как он поступил в Бургхольцли, он боролся за “первенство”, за успех, за господство, за славу — без сомнения, подсознательно подстегиваемый воспоминаниями о жалком провале своего отца. Юнг появился на сцене в важный момент европейской интеллектуальной истории, когда различные формы научного редукционизма становились “незыблемой догмой”. Юнг чувствовал, что целью его жизни будет борьба с подобным редукционизмом. изм, хотя бы для того, чтобы отколоть несколько мелких фрагментов от его основ. И именно поэтому для него было так важно, чтобы его приняли как ученого; это объясняет, почему он яростно отвергал малейшее предположение о том, что некоторые из его взглядов могут быть ближе к взглядам художника или имагинатора. тивный творец. В письме, в котором он перечисляет свои “научные” Однако он также отрицает, что является романтиком. И все же, оглядываясь назад, ничто не может быть яснее , чем то, что он именно такой.

Встреча со смертью, по-видимому, заставила его осознать, что нет необходимости продолжать отчаянно притворяться, что он ученый и ничего более. Как мы видели, немедленных и очевидных результатов не было; он не объявлял внезапно о каком-либо “обращении”. Первым признаком более спокойного отношения стало опубликованное в 1948 году послесловие к более ранней статье о вере в духов, в котором он признал, что его прежние взгляды были неадекватными. Но введение в “психологию и Спиритуализм” (к книге Стюарта Уайта “Безграничная вселенная”) по-прежнему настаивает на том, что книгу можно читать просто как интересное проявление бессознательного. Прошло еще два года, прежде чем он откровенно рассказал историю о призраке, который посещал

коттедж, в котором он жил после Первой мировой войны. Но он по-прежнему не упоминал об экспериментах, которые он и Блейлер проводили с Австрийский медиум Руди Шнайдер в 1920 —е годы - опыт события, в которых он был свидетелем “материализации” и психокинеза (или перемещения объектов).Это было для Анельки Джаффе рассказала об этом после смерти Юнга в эссе, в котором она просто говорит: “Юнг никогда не использовал этот опыт”. научные улучшения” — это означало, что он предпочел в них не признаваться.

Мудрец из Кайснахта, 113

В некотором смысле, все это было относительно неважно по сравнению с предисловием Юнга к переводу “И Цзин” Вильгельма, в котором он, наконец, признает , что много лет серьезно относился к китайскому оракулу. В том же 1950 году он написал первое короткое эссе “О Синхронность”, прочитанная в качестве лекции для сочувствующей аудитории в Эраносе в следующем году. Самое поразительное в этой лекции не то, что Юнг решил порвать со своим жизненным рационализмом, сформулировав “принцип беспричинной связи”, а то, что он все еще идет на такие меры, пытаясь скрыть то, что он делает. Он начинает с определения синхронности как “значимого совпадения” и приводит пример из своего собственного опыта: как в 1949 году он записал надпись о существе, которое было наполовину человеком, наполовину рыбой. На обед была рыба; кто-то упомянул об обычае приготовления “апрельской рыбы”; бывший пациент показал ему картинки с изображением рыбы; ему показали вышивку с морскими чудовищами и рыбами; наконец, ночью пациенту приснилась рыба. Несколько месяцев спустя, сразу после того, как он это записал, он обнаружил большую рыбу на стене у озера. Однако, описав все это, он объясняет, что, поразмыслив, он решил, что это была “случайная группировка”. Таким образом, еще до того, как обсуждение было должным образом начато, он уже привел пример синхронности, а затем взял его обратно.

Далее он рассказывает, как его другу -студенту приснился испанский город, и когда он вскоре после этого отправился в Испанию на каникулы, то узнал место из своего сна, даже карету, запряженную двумя лошадьми кремовой масти. Это явно не синхронность, а предвидение. Затем он продолжает описывать некоторые эксперименты Райна в карточке угадывание; но это,

очевидно, “экстрасенсорное восприятие”, а не синхронность. Первый пример “подлинной синхронности” связан с пациентом-интеллектуалкой, чей жесткий рационализм сводил на нет его усилия в психоанализе. Однажды, после того как она рассказывала сон о золотом скарабее, раздался стук в оконное стекло; когда Юнг открыла его, в комнату влетел золотисто-зеленый жук-скарабей. Это “совпадение” подорвало рационализм пациента, и Юнг смог действовать более удовлетворительно. Но теперь, наконец-то посвятив себя случаю синхронности, Юнг снова быстро кон решает проблему, приводя дополнительные примеры ESP и

предвидение, а также телепатия. Затем он обращается к астрологии и описывает эксперимент, в ходе которого он статистически проанализировал 180 браков, чтобы выяснить, имеет ли какое-либо фактическое основание старое астрологическое поверье о том, что супружеские пары имеют определенные общие связи и противоположности . Цифры показывали, что таких совпадений было много и что их число было значительно выше случайного. Это опять—таки, говорит Юнг, должно быть, синхронность - хотя любой астролог сказал бы ему, что это, напротив, результат действия какого-то неизвестного физического закона, который связывает магнитные силы земли с силами планет.

Итак, в конце лекции мы остаемся в замешательстве, поскольку нам предложили только один “настоящий” экзамен доказательство синхронности и около дюжины примеров экстрасенсорного восприятия, предвидения, телепатии и т.д. Окружая случай со скарабеем таким количеством не относящегося к делу материала, Юнг затрудняет понимание того, какой вывод он из этого делает.

Но в короткой книге, основанной на его лекции “Синхронность, принцип беспричинной связи” (1952), он готов пойти немного дальше. Здесь он прибегает к своему старому приему ослепления читателя наукой — или, по крайней мере, классическими знаниями и философией. Но как только он создает научную и философскую дымовую завесу, он готов выложить некоторые свои карты на стол. Он приводит, например, рассказ Камиля Фламмариона о месье Фортжибю и сливовом пудинге. Месье Фортжибю угостил некоего месье Дешама кусочком сливового пудинга, когда он был мальчиком в Орлеане. Десять лет спустя он увидел в парижском ресторане сливовый пудинг и спросил, можно ли ему попробовать, но ему сказали, что его заказал тот же самый М. Фортжибу. Много лет спустя его пригласили на обед, в меню которого был сливовый пудинг, и он заметил, что не хватало только месье Фортжибю. В этот момент дверь открылась, и вошел дряхлый старик М. Фортгибу, который пришел не по тому адресу…

Далее в этой главе он цитирует Альберта Великого — одного из отцов западной магии — о том, что ” в душе человека обитает

некая сила, способная изменять вещи и подчинять ей все остальное, особенно когда она охвачена чрезмерной любовью, ненавистью или чем-то подобным". Наконец-то он готов признать, что синхронность и магия - это во многом одно и то же. В этот момент он снова берет паузу и говорит об И Цзин и

Китайское понятие Дао, которое он переводит как "значение". Далее следует пространный рассказ об астрологическом опыте мент, с таблицами и графиками и признаниями в том, что некоторые из его предыдущих цифр были неверными. Далее следует глава, посвященная различным предшественникам идеи синхронности: Гиппократу, Пико делла Мирандоле, Агриппе, Парацельсу, Кеплеру и Лейбницу. Эта глава подводит нас к завершению книги, а у читателя все еще остается ощущение, что он упустил какое—то важное звено в логической цепи.

Заключение, на самом деле, не более удовлетворительное, чем в первых главах, поскольку оно в основном посвящено вопросу психофизического параллелизма, или связи между душой и телом, используя это как аналогию для связи между физическими и психическими событиями. В середине длинного абзаца содержится чрезвычайно важное предложение: "либо существуют физические процессы, которые вызывают психические явления, либо существует предсуществующая психика, которая организует материю". Иными словами, разум может каким -то образом "заставлять что-то происходить". Однако он, похоже, опроверг это в предыдущей главе, где обсуждает такие примеры, как история пациентки со скарабеем, и приходит к выводу , что ее сон о скарабее был своего рода предсказанием того, что на следующий день скарабей постучит в окно. Юнг, похоже, одной рукой отдает, а другой забирает обратно

.

Но в этой последней главе он приводит случай, который, кажется , дает ключ к разгадке тайны. Он описывает , как пациентка чуть не умерла после тяжелых родов и оказалась в воздухе над своим телом, глядя на него сверху вниз. Она заметила, что у врача была легкая истерика; затем вошла ее семья, и она понаблюдала за их

реакцией. Она знала, что позади нее — хотя и не могла видеть — раскинулся чудесный пейзаж, похожий на парк с весенними цветами, который, как она знала, был входом в “другой мир”. Она знала, что если посмотрит на это, то может поддаться искушению не возвращаться в свое тело, поэтому отвела взгляд в другую сторону. Когда она проснулась, то смогла описать медсестре то, что видела, и медсестра была вынуждена признать, что пациентка была права в отношении врача и других вопросов.

Это, по словам Юнга, по-видимому, демонстрирует, что существуют восприятия, независимые от тела, пространства и

время, и “там, где чувственное восприятие невозможно с самого начала, это едва ли может быть примером чего-либо, кроме синхронности”. Читатель удивленно моргает, недоумевая , какое отношение “внетелесный опыт” имеет к синхронности. И все же следует признать, что, несмотря на Очевидное нежелание Юнга быть слишком откровенным, его общая позиция совершенно ясны. Его собственный околосмертный опыт в 1944 году убедил его в том, что психика не зависит от тела, что, по-видимому, подразумевает реальность жизни после смерти. Фактически, в эссе “Душа и смерть”, написанном в 1934 году, он был близок к тому, чтобы подтвердить то же самое, отметив , что все основные религии мира, похоже, признают, что жизнь - это подготовка к “конечной цели смерти”. (Даже здесь он намеренно сформулировал это так, чтобы никто не мог обвинить его в вере в жизнь после смерти.) Такие внетелесные переживания случайности, взятые вместе с “значимыми совпадениями”, безусловно, предполагают, что Вселенная не является хаотичным скоплением материи. Мы каким-то образом вовлечены в глубоко значимый процесс и можем влиять на этот процесс. Таким образом, синхронность можно понимать двояко: либо как “магический” процесс — влияние, оказываемое подсознанием на окружающий нас мир, — либо как своего рода толчок от некоего неизвестного ангела-хранителя, цель которого - сказать нам, что жизнь не так бессмысленна, как кажется.

Однако все это облекается в разговоры о причинности и непричинности, статистике и экспериментах, греческом и китайском способах мышления, которые призваны придать всему этому видимость научной гипотезы. Как и фраза из первой главы: “Одна из самых проблемных и сиюминутных тысячи веков, которые когда—либо знал мир, отделяют нас от той все еще средневековой эпохи, когда философствующий ум верил, что может делать утверждения, выходящие за рамки того, что может быть доказано эмпирически”, - подразумевая, что он. Доктор Юнг, я бы и не подумал делать подобные утверждения. Тем не менее, это предложение следует за разделом, в котором он признает Шопенгауэра “крестным отцом” своей идеи синхронности — Шопенгауэр - одна из первых больших страстей романтической юности Юнга. В некотором смысле, Юнг завершил полный круг. Он вернулся к утверждению романтических и поэтических идеалов своего подросткового возраста. Но он делает это с особой

осторожностью, боясь утратить позиции, завоеванные научными исследованиями за всю жизнь, или, возможно, просто потерять лицо.

Та же самая амбивалентность очевидна и в другом из самых

спорные работы 1950-х годов: “Летающие тарелки: современность” Миф о предметах, видимых в небе (1958). Теория Юнга заключается в том, что летающие тарелки являются “проекциями” коллективного бессознательного. научное. Он видит их главное значение в том факте, что они имеют форму круглых мандал. Таким образом, они являются “проекцией” нашего бессознательного стремления к спасителю — или, что то же самое, к индивидуализации. (Мандала - это символ Бога и Самости.)

Но есть одна сложность: Юнг признает, что НЛО можно сфотографировать и они могут вызывать изображения на экранах радаров. Тогда как они могут быть “проекциями”? — мы можем вспомнить, что проекция, по сути, означает видение или галлюцинацию. Юнг оставляет этот вопрос без ответа, но ответ явно подразумевается. При определенных условиях “проекция” может вызывать физические эффекты. Разум может влиять на физическую реальность. Но Юнг старается не подчеркивать этот аспект, и лишь в немногих комментариях к его книге он даже упоминается.

Но еще одно осложнение представляет интервью между Юнгом и авиатором Чарльзом Линдбергом летом 1959 года. “К моему удивлению, - писал Линдберг (в письме жене своего издателя), - я обнаружил, что Юнг принимал летающие тарелки как факт. С одной стороны, его, казалось , нисколько не интересовали психологические аспекты. С другой стороны, его, казалось, совершенно не интересовала фактическая информация , относящаяся к расследованию сообщений о летающих тарелках. Линдберг сказал Юнгу, что ВВС США не нашли никаких свидетельств существования летающих тарелок, “было очевидно, что он не хотел развивать эту тему дальше”. Линдберг настаивал, обливая эти наблюдения холодной водой и цитируя своего друга генерала Спаатца (из ВВС США), который сказал: “А тебе не кажется, что если бы в истории с летающими тарелками было

хоть что-то правдивое , мы бы с тобой уже знали об этом?” Юнг ответил: ” На земле происходит очень много такого, о чем ты и О генерале Спаатце я ничего не знаю”.* Таким образом, становится ясно, что Юнг в очередной раз сказал немного меньше, чем знал — или во что верил, — когда представлял свои взгляды публике. Примечательно, что Линдберг заметил: “Человек интуитивно чувствует

* Выступление К. Г. Юнга, под редакцией Уильяма Макгуайра и Р. К. Ф. Халл, стр.364. Мне также говорили, что после смерти Юнга его племянница цитировала слова о том, что он считал летающие тарелки физически реальными.

118 Владыка подземного мира

в нем есть элементы мистицизма и величия , хотя иногда к ним могут примешиваться элементы шарлатанства.'

Ту же осторожность, решимость не жертвовать своим статусом ученого можно наблюдать в отношении Юнга к религии в последнее десятилетие его жизни. Он опубликовал две основные работы на эту тему - "Aion" (1951) и "Ответ на "Иов" (1952), вторая из которых вызвала больше споров , чем любая другая книга, когда-либо написанная Юнгом. "Ион" - это довольно малоизвестная работа, даже по меркам Юнга: в ней в основном анализируется значение фигуры Христа. За обсуждением психологической и религиозной символики скрывается поразительный тезис. Юнг считает , что христианство возникло как глубокая потребность коллективного бессознательного. Человека тошнило от язычества и Рима; его место должно было занять нечто более глубокое, приносящее духовное удовлетворение . Юнг также считает, что изменение должно было произойти именно тогда, когда оно произошло, две тысячи лет назад, в начале Эры Рыб, и важно, что символ Христианство - это рыба. Вкратце, "Айон" - это попытка описать человеческую историю как развертывание необходимого процесса, берущего начало в коллективном бессознательном. Внутреннее содержание книги близко к тому, что содержится в первых разделах "Психологических типов", посвященных Тертуллиану, Ориген и ранняя церковь. Но, пытаясь показать психологическую необходимость христианства, Юнг зашел дальше, чем в любой предыдущей работе. По сути, он заявлял о себе как о философе истории, наряду с Шпенглером и Тойнби. Это можно рассматривать как его окончательный "ответ Фрейду", его самый полный анализ "религиозной функции" души. Тем не менее, он был осторожен, чтобы защитить свой фланг. В интервью Мирче Элиаде в Eranos На конференции в 1952 году, вскоре после публикации Aion, он заявил: "Я был и остаюсь психологом. Меня не интересует ничего, что выходит за рамки психологического содержания человеческого опыта. Я даже не спрашиваю себя, возможна ли такая трансцендентность…" Это прозвучало бы фальшиво даже в 1912 году, после публикации "Символов трансформации". исследование, в котором очевидно, что Юнг испытывает сильную эмоциональную привязанность к Святому Августину и христианской символике; в "Психологических типах" это стало самоочевидным . Целью Юнга всегда было расширить

категориальный сторонники фрейдизма настаивают на том, что религия так же важна для

бессознательное как секс. Aion - это утверждение основополагающего стремления человека к “трансцендентности”. Поэтому его настойчивое заявление о том, что “я даже не спрашиваю себя, возможно ли такое превосходство” , следует рассматривать как еще одну попытку одной рукой забрать назад то, что он дал другой.

Ответ Иову оказывается еще более двусмысленным. В своей автобиографии Юнг объясняет: “Многочисленные вопросы общественности и пациентов заставили меня почувствовать, что я должен более четко высказываться о религиозных проблемах современного человека. Долгие годы я колебался, стоит ли это делать , потому что прекрасно понимал, какую бурю я тем самым вызову. Но в конце концов я не смог удержаться от того, чтобы не задуматься над этой проблемой, во всей ее срочности и сложности, и я почувствовал , что вынужден дать ответ.’

Любого, кто сочтет, что Юнг намеревается сделать недвусмысленное заявление о своих религиозных убеждениях, ждет разочарование. Ответ на “Иова” столь же неясен, как и все, что когда-либо писал Юнг. Вопрос , который ставится, конечно же, касается существования зла. Достоевский рассматривал это в главе “Великий инквизитор” своей книги. “Братья Карамазовы”, и Уэллс сделал это темой самого сильного из всех своих романов. “Неугасимый огонь” - современная версия истории Иова. Противоречивый ответ Юнга заключается в том, что Бог не может быть всецело благим — у него есть и темная сторона. Далее он обсуждает историю Иова и приходит к выводу, что Иов одержал моральную победу над Иеговой. Это каким-то образом потребовало рождения Христа, поскольку в христианстве проблема зла наконец-то была вынесена на всеобщее обозрение. То Дева Мария также важна как символ искупления. Но в отличие от этих совершенно хороших фигур, фигура Антихриста, сатаны, приобретает все большее значение. Сатана - это “тень” Бога, и тот

факт, что Верховный То, что у Бытия может быть “тень”, указывает на то, что Бог, возможно, не является тем всемогущим существом, каким он должен быть. (Похоже, именно этот аспект книги вызвал столько споров.) Христианство осталось неудовлетворенным. тори, потому что Иисус во всем добр и предлагает себя в качестве своего рода заложника человеческого зла.

Ответ Юнга содержится в его идее индивидуации. Противоположности — сознательное и бессознательное — должны прийти к согласию, научиться понимать друг друга, сотрудничать. Только тогда конфликт (невроз) будет преодолен. Юнг рассматривает наступление Эры Водолея как новый синтез; начало

r

мандала стала его типичным символом, новым целым мыс. Таким образом, ответ на проблему зла кроется в юнгианской психологии и ее концепции индивидуации.

Юнг, конечно, не расставляет все точки над i и не ставит крестики над “т” так решительно, как это. Тем не менее, это явно подразумевается. Отсюда и буря, поднятая этой книгой среди теологов — буря, которая сделала ее единственной книгой Юнга, появившейся в Интернете. Списки американских бестселлеров. По сути, Юнг провозгласил себя пророком новой эры, ее Иоанном Крестителем. И, в некотором смысле, его заявление было более обоснованным, чем кажется. Он написал в письме: “Мы гораздо больше нуждаемся в расширении нашего рефлексивного сознания, чтобы мы могли более четко осознавать противостоящие силы внутри нас и перестать пытаться сметать зло со своего пути, отрицать его или проецировать, как мы делали до сих пор”Юнг просто переформулирует, более сложным образом, утверждение Бернарда Шоу. учение о том, что Бог сам по себе несовершенен, и что задача человека - попытаться дополнить его, достигая более широкого сознания и более глубокого самопознания. Но Юнг пошел на шаг дальше Шоу. Он верил, что тенденции к исцелению поднимаются из глубин подсознания. научный разум, и что, следовательно, человек стоит на пороге нового этапа своей эволюции. В этом смысле, Ответ Иову, при всей его неясности и двусмысленности, является краеугольным камнем структуры, которую он создавал всю свою жизнь. Это его окончательный отказ от “редукционизма”. Фактически, в его утверждении, что догмат об Успении Богородицы Девы Марии (учрежденный Церковью в 1950 году) - самое значительное религиозное событие со времен Реформации, он, кажется , повторяет мнение Гете о том, что “вечная женственность влечет нас ввысь и дальше”. “Ответ Иову” можно рассматривать как его собственный эквивалент второй части “Фауста”.

“Ответ Иову” был написан во время болезни. Юнг всегда отличался великолепным телосложением, но в последние десять лет своей жизни он постоянно страдал от незначительных заболеваний. В 1952 году Тони Вольфф умерла в возрасте шестидесяти трех лет; Юнг не присутствовал на ее похоронах. В последние годы они отдалились друг от друга. Рут Бейли,

англичанка женщина, с которой Юнг познакомился в Африке и которая стала его спутницей в последние годы жизни, цитирует Юнга “Тони приезжает сегодня — я надеюсь, она не задержится надолго”.

Юнг был очень заядлым курильщиком, что вызывало учащение пульса. Главным способом расслабления для него было чтение

детективные истории — от Сименона до Агаты Кристи. И хотя он работал над своей последней книгой, До 1955 года, по словам Рут Бейли, он, похоже, чувствовал , что “сказал все, что ему было дано сказать”. Рут Бейли считала его требовательным и ворчливым, чем-то вроде избалованного ребенка. Когда она приехала после смерти Эммы в ноябре 1955 года, Юнг сказал ей: “Я человек, который может впадать в сильную ярость. Не обращайте на это внимания”. Но когда он все утро приставал к ней из-за двух помидоров, ей пришлось пригрозить, что она уйдет, чтобы он успокоился. Затем он сказал ей с неосознанным эгоизмом человека, который всегда поступал по-своему: “Все, что тебе нужно помнить, - это не злить меня”.

К счастью, еще предстояло поработать. В 1956 году его издатель Курт Вольф убедил его поработать над автобиографией, и он начал — в сотрудничестве с Аниэлой Яффе — в 1957 году, на восемьдесят втором году жизни. Он всегда было любопытно, умолчал о его частной жизни, возможно, беспокоится, что не слишком много нужно знать о его отношения с женщинами. Но когда он поставил свой воспоминания о детстве, он начал работать с путеводители siasm. Впервые он описал свой нервный срыв. 1913 и его “конфронтация с бессознательным”, включающая чтобы читатели поняли, что он имел в виду под “проекцией”. Он также открыто говорил о своих “экстрасенсорных” переживаниях — телепатии, полтергейсте, предвидящих снах, — так что стало ясно, опять-таки впервые, почему он так решительно отвергал антиоккультизм Фрейда. Воспоминания, мечты, размышления со всей очевидностью показали, что жизнь Юнга была своего рода поиском, который двигал столь многими романтиками, от Гете до Йейтса. Но для читателей других его книг это также прояснило то, что он до сих пор старался скрывать: что ученый-психолог - это публичный образ и, в какой-то степени, преднамеренный обман. Для многих читателей это было почти так же

поразительно, как, скажем, открытие, что выдающийся моралист и семьянин на самом деле гомосексуалист или педофил. Тем не менее, в конечном счете, это принесло только пользу; это позволило многим читателям ознакомиться с его основными работами, не будучи сбитыми с толку и разочарованными многочисленными препятствиями, которые он намеренно создавал, чтобы скрыть свою страстную субъективность.

В 1959 году журналист Джон Фримен дал интервью для телевидения Би -би-си. Впоследствии британский издатель

попросил Фримена попытаться убедить Юнга сотрудничать в написании популярной книги о его работе. Юнг возражал — очевидно, снова беспокоясь о своем имидже ученого — пока ему не приснился сон, в котором он обращался к огромной толпе людей. После этого он до изнеможения работал над длинным эссе “Приближаясь к бессознательному”. В нем говорилось о медленной эволюции человеческого сознания, о “расколе”, возникшем между сознанием и бессознательным в результате этой эволюции, и заканчивался раздел под названием “Исцеление бессознательного”. Раскол”, в котором содержится то, что фактически является утверждением веры:

В тот период истории человечества, когда вся доступная энергия тратится на изучение природы, очень мало внимания уделяется сущности человека, то есть его психике, хотя многие исследователи они превращаются в его сознательные функции. Но по-настоящему сложная и незнакомая часть мозга, из которой создаются символы, все еще практически не изучена. Кажется почти невероятным, что, несмотря на то, что мы получаем сигналы от него каждую ночь, расшифровка этих сообщений кажется слишком утомительной для любого , кроме немногих, кто хочет этим заниматься. О величайшем инструменте человека, его психике, мало думают, и часто ей не доверяют и презирают. “Это всего лишь психология” слишком часто означает: это ничто.

Эта современная точка зрения, безусловно, односторонняя и несправедливая. Она даже не согласуется с известными фактами. Наши реальные знания о бессознательном показывают, что это естественное явление, и что, как и сама природа, оно, по крайней мере, нейтрально. Оно содержит в себе все аспекты человеческой натуры — светлые и темные, красивые и уродливые, добрые и злые, глубокие и глупые. Изучение индивидуального, а также коллективного символизма - это огромная задача, которая еще не решена. Но , наконец, начало положено. Первые результаты обнадеживают, и, похоже, они указывают на ответ на многие вопросы, которые до сих пор остаются без ответа у современного человечества.

Юнг, конечно, имел в виду: “Я, наконец, положил начало , и > мои результаты указывают на ответ на оставшиеся без ответа вопросы”. вопросы человечества…” У него не было никаких

сомнений в том, что дело его жизни пролило луч прожектора на самые сокровенные уголки человеческой натуры и ответило на вопрос о том, почему человек жив. Поэтому вполне уместно, что через десять дней после написания этих строк Юнг слег в постель, окончательно заболев. Пессимизм, который заставил его сказать Лоренсу Ван дер Посту: “Я все больше и больше

одинокий старик, пишущий для других одиноких людей, побудил его написать ворчливое письмо другу. Доктор Майкл Фордхэм заявил, что его никто не понимает и что его работа провалилась. Фордхэм застал Юнга в халате и шапочке, и его разговор был сбивчивым и расстроенным. Помолчав, он сказал: “Вам лучше уйти”. Вскоре после этого, 17 мая 1961 года, из-за мозговой эмболии его речь стала нечленораздельной. 6 июня 1961 года он сказал Рут Бейли: “Давай выпьем сегодня по-настоящему хорошего красного вина”, и отослал ее в погреб. Вскоре после этого он впал в кому и умер во второй половине дня. Оглядываясь назад, мы можем подумать, что его последние слова были столь же уместны, как и слова Гете: “Больше света”.

Семь

Сомнения и оговорки

Хотя я и пытался воздержаться от критических замечаний по поводу Исходя из идей и отношения Юнга, в ходе чтения этой книги, вероятно, стало ясно , что у меня есть ряд резервов сведения о нем. Энтони Сторр признается в постскриптуме к своей книге о Юнге: “Легко потерять терпение, когда Юнг, как и я сам временами”. Он продолжает придираться к увлеченности Юнга оккультизмом, но говорит, что находит многое в психологии Юнга “чрезвычайно ценным”. Лично я не имею ничего против Оккультизм Юнга, поскольку все это было основано на личном опыте; но некоторые из его чисто психологических теорий вызывают у меня крайние сомнения.

Описание Юнга как романтика, конечно, само по себе не является критикой. Романтик — это, по сути, человек, который чувствует, что мир полон скрытых смыслов, что открытия и приключения подстерегают его за каждым углом. Мне кажется , что это более широкое и, следовательно, более правдивое отношение, чем у пессимиста, который считает, что человеческая жизнь коротка, жестока и бессмысленна. Романтик признает, что проблема заключается в нашей собственной ограниченности, в узости наших чувств. Поэтому , когда романтик оказывается еще и реалистом, он, скорее всего, посвятит большую часть своей жизни поиску смысла, что является синонимом самопреобразования. Юнг был таким человеком; результатом стала замечательная работа, которую можно сравнить с творчеством любого из выдающихся деятелей девятнадцатого века.

Но когда романтик упорно отрицает, что он романтик, результатом, скорее всего, станут определенные внутренние противоречия. Гегель, например, пытается представить свою "систему" так, как будто она возникла из чистого разума и логики; поэтому он создает плотную словесную дымовую завесу, чтобы придать ей академический вид. Юнг редко бывает таким же непонятным, как Гегель, но параллель уместна. Всякий раз, когда он хочет поговорить о

я

в чем-то, что затрагивает его глубочайшие убеждения, он откашливается и говорит: "Говоря чисто как психолог Сторр отмечает, что у Фрейда есть большое преимущество перед Юнгом, потому что он пишет так ясно и просто, как будто ему нечего скрывать. Для сравнения, Юнг часто пытается ослепить читателя наукой.

Давайте более внимательно рассмотрим развитие идеи бессознательного Юнгом.

Мы уже видели, что это понятие в современном смысле слова было фактически изобретено Фрейдом. Фрейд учился у Шарко в

Париже и наблюдал за замечательной демонстрацией Шарко гипноза. Например, человеку, находящемуся под гипнозом, можно было сказать, что через десять минут после пробуждения он снимет один из своих ботинок и положит его на стол. В свое время он сделал бы это, и если бы его спросили , почему он это сделал, он дал бы какое-нибудь вполне разумное объяснение. Очевидно, что объектом эксперимента были два человека, один из которых ничего не знал о другом. И это могло бы объяснить, почему пациент, подобный знаменитому “Анна О” могла прервать разговор, залезть на дерево, снова спуститься и выглядеть удивленной, если доктор спрашивал ее, зачем она залезла на дерево, не помня о своих действиях. Фрейд пришел к выводу, что бессознательный разум гораздо более могущественен, чем сознательный, и что мы всегда совершаем какие-то поступки, по-настоящему не понимая их истинных мотивов. Наблюдение за “трансом” своих пациентов Ференц сам убедил Фрейда в том, что скрытым мотивом всегда является секс. В Вене примерно в 1900 году, когда респектабельные люди никогда не упоминали о сексе, это казалось весьма правдоподобным.

Проблема фрейдовского взгляда на человека заключается в том, что он по сути пассивен. Мы всего лишь марионетки в руках нашего подсознания. На поверхности сознание может выглядеть достаточно спокойным, как мирный участок сельской местности с фермами и фруктовыми садами; под поверхностью скрываются огромные силы, которые могут вызывать землетрясения и извержения вулканов.

Юнг безоговорочно принял это представление. Но по темпераменту он был романтичным оптимистом, человеком, который рассматривал Вселенную как захватывающую тайну, в которую, если повезет, поэт и ученый смогут проникнуть. Таким образом, его линия атаки на фрейдистский пессимизм и ” редукционизм” должна была бы исходить из представления о том, что

126 Повелитель подземного мира

таинственные подземные силы не так опасны, как полагал Фрейд. Он был сыном священника, и его интерес к Святому Августину и ранним отцам церкви показывает, что он верил в то, что опыт, который он проводил, может быть полезен для здоровья. понимание Бога и религии не могло быть сведено к замаскированным сексуальным побуждениям. Он был любителем литературы и, конечно же, не верил, что душевные состояния , вызываемые поэзией, являются простым “бегством от реальности”. Его задачей было спасти их от Фрейда. Мы уже видели, что именно чтение книги по мифологии натолкнуло его на мысль о том, как это можно сделать. Он изобрел еще более глубокий слой бессознательного, содержащий основные мифы человечества. Для современного человека это не звучит неправдоподобно. Например, мы знаем, что некоторые виды вьюрков из поколения в поколение выращивались на Галапагосских островах, где они никогда не видели хищников. Но когда их потомков привезли обратно в Калифорнию, они мгновенно встревожились при виде ястреба. Очевидно, образ ястреба был каким—то образом закодирован в их генах - или, как сказал бы Юнг, в коллективном бессознательном вида вьюрковых. Так почему бы подобным образам героев, богов, демонов и так далее не появиться в человеческом сознании? Ответ таков: потому что трудно увидеть в них какую-либо необходимость. Для выживания вьюрка было важно распознать ястреба. Трудно представить, какое значение может иметь для человека представление о том, что ветер дует из трубы, свисающей с солнца.

Это, конечно, не означает категорического отрицания идеи Юнга об архетипах. Они вполне могут быть реальностью. Но мы должны четко понимать, как Юнг пришел к выводу, что они существуют. Он придерживался фрейдистского взгляда на бессознательное как на обширное и таинственное подземное царство. Поэтому для него было естественно расширить образ и представить , что он спускается еще глубже, на такие глубины, на которые он мог бы заявить свои права. Примечательно, что многие из снов Юнга, начиная с детского сна о фаллосе на троне, связаны с погружением в своего рода подземный мир. И из “Открытие” Юнгом коллективного бессознательного, его жизненная задача были ясны и очевидны: попытаться составить карту его географии и попытаться найти доказательства его

существования в мифологии и религии. Алхимия идеально подходила для его целей, поскольку ее загадочные документы можно интерпретировать как сны. Юнг верил, что он исходит из научных ли, но большинство фрейдистов по-прежнему убеждены, что он был

изобретает свое собственное подземное царство, подобно тому, как Толкин изобрел Средиземье. В этом представлении есть, по крайней мере, доля истины.

До Фрейда картина человеческой психики была проще. Например, в работе Джанет подразумевается, что человека можно сравнить с автомобилем, чье эго - водитель, а “разум” - двигатель, скрытый под капотом. Но тот факт, что оно “скрыто”, не делает его “бессознательным”. В лучшем случае оно “подсознательное” — лежит чуть ниже сознания. И точно так же, как водитель может многое узнать о работе двигателя, подняв крышку капота или просто внимательно наблюдая за тем, что происходит, когда он тормозит, ускоряется и переключает передачу, так и люди могут многое узнать о работе своего собственного разума с помощью самоанализа.

Конечно, есть определенные области разума, которые можно назвать “бессознательными”. В моем мозгу хранятся все воспоминания, которые я накопил с рождения, и эта библиотека настолько огромна, что мы никогда не могли бы надеяться вернуть все это в сознание. Но в этом нет ничего особенно загадочного. беспокоюсь о памяти. Я мог бы, например, зайти в физическую лабораторию, и мне показали бы компьютер, в котором хранятся все данные всех прошлых экспериментов. Я бы не назвал это “бессознательным” лаборатории. И если бы существовал еще один компьютер, содержащий результаты экспериментов со всего мира, я бы, конечно, не назвал его коллективным бессознательным. Они всего лишь компью терс.

Как возникает невроз? С самого детства мы подвержены всевозможным страхам и опасностям. Некоторые из них реальны, некоторые мы воображаем или преувеличиваем. Кто-нибудь мог бы рассказать мне шокирующую историю о жестокости, которая порождает постоянную это “неприятное чувство”, связанное со старыми домами или заросшими садами. Смелый,

жизнерадостный человек познает мир и поймет , что многие из его страхов были необоснованными. Робкий, застенчивый человек может прожить жизнь со многими детскими страхами и тревогами, которые до сих пор не преодолены. Он (или она) с большей вероятностью будет подвержен неврозу, чем более смелый духом человек.

По словам Джанет, основным условием возникновения невроза является умственная отсталость, или понижение порога сознания — фраза, которую, кстати, Юнг использовал на протяжении всей своей жизни (настолько часто, что в указателе его собраний сочинений есть длинная статья, посвященная этому). Мы

возможно, вы помните, что Джанет считала, что психологическое здоровье зависит от “психологического напряжения”, чувства мотивации и целеустремленности. Если этот показатель снижается из-за скуки, болезни или депрессии, это является психическим расстройством, и человек может стать жертвой страхов и тревог , которые казались бы абсурдными, когда он чувствовал себя здоровее. Ночью мы ощущаем снижение нашего ментального порога , и всем нам знакомо ощущение , когда мы просыпаемся рано утром и начинаем беспокоиться о самых разных вещах. Это простая модель взгляда Джанет на то, как работает невроз. Затем следуют дальнейшие стадии — сужение внимания, что приводит к ощущению монотонности и еще большему снижению умственного порога. Возникает эффект “порочного круга”.

По сути, наша задача как живых существ состоит в том, чтобы приспособиться к жизни и, по возможности, “быть на высоте”. Мы делаем это, когда у нас есть цель и мотивация. Кажется, что разум обладает свойством, которое можно сравнить с мощной пружиной или тетивой арбалета. Когда я сталкиваюсь с каким-нибудь захватывающим испытанием, Я создаю ментальную энергию, сжимая пружину, или, если использовать другой образ, оттягивая тетиву арбалета. В этой битве за то, чтобы “одержать верх” над опытом, мое самое ценное оружие - знания, особенно самопознание . Ребенок гораздо более уязвим, чем взрослый , потому что его знания о мире намного меньше, и его можно легко запугать рассказами об опасностях и катастрофах.

Рассмотрим случай, описанный Юнгом в четвертой главе “Психологии бессознательного”. В высшей степени успешное исследование, проведенное Американский бизнесмен поднялся с самых низов, в результате чего стал достаточно богат, чтобы уйти на пенсию в 45. Но, несмотря на чудесное поместье и всевозможные развлечения, он начал чувствовать себя беспомощным. Он стал ипохондриком и нервным срывом. Он проконсультировался с психиатром, который признал, что проблема заключалась в отсутствии работы, и порекомендовал ему вернуться к бизнесу. Мужчина подчинился, но, к своему ужасу, обнаружил, что бизнес ему наскучил. Когда он обратился за консультацией к Юнгу, тот был “безнадежной моральной развалиной”. Юнг чувствовал, что ничего не может для него

сделать . “С таким запущенным случаем можно бороться только до самой смерти; его вряд ли можно вылечить”.

Юнг интерпретировал этот случай в терминах “энантиодромии” —

сильная эмоция, превращающаяся в свою противоположность, как у Святого Обращение Павла по дороге в Дамаск. По его словам, также были обнаружены следы привязанности к матери.

Но теория Джанет дает более простую и, пожалуй, более удовлетворительную интерпретацию этого случая. Психологическое напряжение бизнесмена и его ощущение того, что он “на высоте” своего жизненного опыта, были связаны с его целеустремленностью — стремлением добиться успеха. Когда он добился успеха и вышел на пенсию, его целеустремленность исчезла, а психологическое напряжение спало. Произошло снижение ментального порога. Внезапно он почувствовал себя скорее жертвой, чем хозяином своего положения. Как человек лежит без сна в посреди ночи, он стал подвержен всякого рода абсурд забот; и, не имея, чтобы сохранить себе позабавило — его карьера всегда делали это за него — он поскользнулся в замкнутый круг жалости к себе и отбить мента. Возвращение к работе не было решением, потому что он работал, чтобы добиться успеха, и он добился успеха. Кроме того, с его пониженным ментальным порогом работа была бы неприятной — как для инвалида попытка окунуться в холодную воду.

Теоретическим решением проблемы было бы использование тех качеств интеллекта и честолюбия, которые сделали его успешным. Если бы его можно было заставить понять, что произошло, — а Джанет могла бы заставить его понять, — он бы понял, что его спасение в том, чтобы разорвать порочный круг и искать до тех пор, пока он не найдет одну-единственную тему или занятие. что могло бы пробудить его интерес. Прежде всего, он должен был бы осознать, что это проблема, которую можно решить — как сильную простуду или головную боль, — поскольку повышение ментального порога зависит от искры оптимизма, убежденности в том, что что-то можно сделать. Объяснения Юнга

об энантиодромии, должно быть, привели его в замешательство, растерянность и депрессию — как и объяснения Фрейда о его фиксации на матери и Эдиповом комплексе. Подходя к проблеме с неоправданно сложным объяснением , которое было, так сказать, слишком умным на половину, Юнг потерял все шансы вылечить пациента.

Такой же неоправданно сложный подход можно увидеть в другом случае Юнга. Девочка-подросток из хорошей семьи впала в состояние шизофрении, отказываясь

даже говорить. Когда Юнг, наконец, уговорил ее заговорить, он обнаружил, что она постоянно живет в фантазии о том, что находится на Луне. Ее задачей было защитить лунный народ от вампира, покрытого перьями; но когда она попыталась напасть на вампира, он сбросил перья и оказался красивым мужчиной, в которого она влюбилась…

Юнг обнаружил, что в возрасте пятнадцати лет девочка была соблазнена своим братом, а позже подверглась сексуальному насилию со стороны одноклассницы — предположительно лесбиянки. Его собственное объяснение состояло в том, что инцест всегда был королевской прерогативой, и коллективное бессознательное девочки знало об этом. Поэтому она удалилась на Луну — в “мифическое царство” — и стала отчужденной от реального мира.

Юнг рассказывает нам, что в конце концов он убедил ее покинуть Луну и вернуться на землю. При первой попытке покинуть мир своих фантазий у нее случился рецидив, но она “смирилась со своей судьбой”, вышла замуж и родила детей.

И здесь объяснение Джанет было бы простым. Инцест (который она, по-видимому, разрешила) наполнил ее чувством вины, которое заставляло ее краснеть всякий раз, когда ей приходилось смотреть в глаза родителям или учителям. Сексуальное насилие со стороны одноклассницы усилило ее ощущение того, что секс - это нечто пугающее отвратительный, вызывающий сожаление. У подростка и без того достаточно проблем с адаптацией к физическим изменениям, чтобы быть обремененным страхом и виной. Девушка явно была склонна к интровертированию и обладала богатым воображением — из тех, кто предпочитает чтение или фантазии реальному миру. Наблюдалось снижение ментального порога, эффект порочного круга страха и недоверия, а также потеря психологического напряжения. Ее “функция реальности” (еще одна концепция Джанет) превратилась в enfee истекала кровью до тех пор, пока у нее не пропало желание контактировать с реальным миром*, и она погрузилась в яркие фантазии. История прекрасной вампирши показывает, что ее отношение к сексу ни в коем случае не было полностью негативным; оно сильно привлекало и пугало ее.

В данном случае лечение было удовлетворительным, потому что она оказалась женщиной, и Юнг мог использовать феномен переноса: красивый молодой врач пытался убедить ее вернуться на землю. Но теории об инцесте, королевской власти и мифическом царстве были совершенно неуместны; они

не помогли Юнгу раскрыть это дело и ничего не добавили к нашему пониманию его сути. Они вызывают у читателя определенное чувство ” сопротивления продажам”, что Юнг был полон решимости использовать свои мифические теории, независимо от того, соответствовали они или нет. Это могло бы объяснить, почему удивительно большое количество случаев, описанных Юнгом — например, с бизнесменом и сэром Монтегю Норманом, — закончились неудачей.

На самом деле, если психология означает понимание механизма “измы разума” — то, что Гурджиев подразумевал под ” пониманием машины”, — тогда Юнг не был особенно хорошим психологом. Не отрывая взгляда от датчиков гидролокатора, ища признаки того, что происходит в черных глубинах, он упускает из виду более простые механизмы нейро-сестренка. “Энантиодромия”, например, кажется попыткой охарактеризовать то, что венский психиатр Виктор Позже Франкл определил это как “закон обратного усилия” — тот факт, что, когда мы стремимся сделать что-то хорошо, мы делаем это плохо. (Оригинальное озарение пришло к Франклу, когда он услышал о школьном спектакле, в котором на роль заики был выбран мальчик, который сильно заикался, и обнаружил, что на сцене он говорит вполне нормально.) Но вместо того, чтобы признать его универсальное применение, Юнг превратил его в некое глубокое психическое сопротивление, которое заставляет нас делать противоположное тому, чего мы сознательно желаем: совершенно редкое явление. Закон обратного усилия действует на всех нас десятки раз на дню, потому что, как признал Джей Томсон Хадсон, в нас работают два человека, и мы достигаем наилучших результатов, когда каждый играет свою роль и не мешает другим. Рассмотрим простую головоломку. например, “Братьев и сестер у меня нет, но отец этого человека - сын моего отца”. Некоторые люди считают невозможным разобраться в этом, потому что два

человека внутри них мешают друг другу и препятствуют усилиям друг друга. Когда я пишу эту страницу, один из двух людей внутри меня выдает “озарения”, другой облекает их в слова, как каменщик и его помощник. Если я слишком беспокоюсь о результате, я подавляю озарение. Если я слишком расслаблен и уверен в себе, я могу уделить слишком много внимания какому-то конкретному вопросу. Они должны постараться войти в комфортный ритм, который устраивает их обоих.

Но степень их сотрудничества зависит от другого фактора. Все живые существа отчасти механичны; некоторые функции были переданы чем-то вроде роботов или автоматов

летчик. Этот робот не только водит мою машину, он расставляет слова в моих предложениях. Как слуга, он незаменим. Но если я иду гулять со своими собаками, он становится нежеланным гостем, потому что я хотел бы расслабиться и насладиться пейзажем, а мой робот все еще “управляет” мной, так же как и моей машиной. Чем сложнее моя жизнь, тем более эффективным должен стать мой робот, и тем труднее убедить его уйти с дежурства и позволить мне воспринимать вещи просто и непосредственно. Зависимость современного человека от алкоголя, табака и наркотиков - это попытка противостоять роботу.

Когда мы расслабляемся, к нам возвращается ощущение реальности; мы действительно слышим пение птиц и замечаем деревья. Робот подрывает нашу функцию реальности. Таким образом, современный город полон людей, которые заплатили за свою эффективность — способность выживать — ослабленным чувством реальности. Юнг очень ясно ощутил это, когда отправился в Африку и Индия и его собственный робот поняли, что могут ослабить бдительность. Но взгляд Юнга был слишком прикован к мифологическому гические архетипы давали такое простое и очевидное объяснение его чувству свободы и обостренной реальности.

В такой ситуации современному человеку легко впасть в невроз. Психическое здоровье зависит от чувства реальности, от постоянной “обратной связи” между разумом и окружающей средой. В этом смысле мы похожи на тех маленьких двустворчатых моллюсков, которые живут, всасывая воду и выпуская ее обратно. Но, в отличие от работы сердца, это не автоматическая функция. Как только мы устаем или нам становится скучно, мы выключаем насос, а потом удивляемся, почему начинаем испытывать чувство удушья. Современный человек постоянно впадает в состояние невмешательства, что приводит к снижению уровня жизненной энергии. Это, в свою очередь, заставляет его чувствовать, что “ничто не стоит затраченных усилий”, поэтому он оставляет насос выключенным. По сути, он как будто забывает дышать. Затем, если возникают проблемы, которые кажутся неразрешимыми, у него может ослабнуть воля к жизни. Невроз - это поврежденная воля к жизни. Психоз - это попытка разума компенсировать утраченную волю к

жизни путем создания “альтернативной реальности”.

Теперь мы можем начать понимать, что и Фрейд, и Юнг осознали это фундаментальное понимание: у человека есть “два я”, и что это неспособность сотрудничать между собой.

Сомнения и оговорки133

две причины, приводящие к психическим заболеваниям. Прозрение Фрейда, как и прозрение Хадсона, возникло в результате наблюдения за гипнозом и осознания того, что, когда эго погружено в сон, не-эго может взять верх. Хадсон назвал это не-эго ” субъективным разумом” и признал, что его возможности намного превосходят возможности “объективного разума”. Фрейд называл это бессознательным, но он не смог понять того, что так хорошо понимал Хадсон, — что в конечном счете ” хозяином” является объективный разум. Это та часть нас, которая распознает ценности, которая порождает чувство цели, которая видит, что должно быть сделано, и которая посылает сигнал субъективному разуму, требующему энергии. (Субъективный разум отвечает за обеспечение нас энергией — драматург Грэнвилл Баркер назвал это “тайной жизнью”.) Именно его бдительность, энтузиазм и решительность определяют наше психическое здоровье. Всякий раз, когда нас вовлекают в целенаправленную деятельность, мы ясно осознаем это. (Вот почему философ Фихте заметил, что человек познает себя только в действии). К сожалению, человек проводит так много времени в пассивности или в повторяющихся действиях, что ему легко забыть об этом прозрении.

Поскольку Фрейд считал само собой разумеющимся, что объективный разум вообще не обладает властью, его психология была по сути негативной и пессимистичной по своему характеру. Невроз возник из-за бессознательного сексуального подавления, и единственным способом излечения невроза для аналитика было выявить подавление и вывести его на свет сознания. Пациента никоим образом не поощряли к позитивному отношению к его проблемам. В результате многие из Случаев, с которыми сталкивался Фрейд, затягивались на годы и заканчивались без излечения (например, знаменитый “человек-волк”).

Юнг инстинктивно чувствовал, что негативный и пассивный взгляд Фрейда на бессознательное ошибочен. Он вылечил свою “вампиршу”, сказав ей, что она должна спуститься на землю и перестать тосковать по Луне. Он также признал , что Джанет поняла основную причину невроза в его “снижении ментального порога”. Но для амбициозного молодого психиатра Фрейд был гораздо более интересной фигурой для поддержки, чем устоявшаяся Джанет средних лет. Таким образом, Юнг обнаружил, что стремится к Фрейдовский взгляд на “второе я” как на бездонный океан или некое обширное подземное царство. Это, безусловно , был более захватывающий взгляд, чем у Джанет; кроме того, Юнг видел самого себя

унаследовав положение Фрейда и став властелином этого романтического и зловещего подземного мира.

Ссора с Фрейдом и собственное чувство вины Юнга вызвали огромное психологическое напряжение. Когда психологическое напряжение сохраняется слишком долго, результатом является истощение, и обычное различие между сновидениями и бодрствующим сознанием исчезает. Юнг пережил мифологические видения — Зигфрида, Саломеи, Филемона , — которые убедили его в том, что его собственная интерпретация бессознательного, в конце концов, была правильной. Это также означало, что он создал психологическую теорию “проекций”, чтобы объяснить религию, алхимию, летающие тарелки и все остальное, что его озадачивало. На самом деле, это не могло объяснить первый случай, с которым он столкнулся, — многочисленные личные проблемы его кузины Хелли. ити. Но он отмахнулся от этой проблемы, предположив, что она просто фантазерка и лгунья. Позже, когда он столкнулся с подлинным медиумизмом (в лице Руди Шнайдера) и осознал , что призраки не обязательно являются “проекциями”, он постарался не пересматривать свои взгляды на Хелли Прейсверк.

Если, на самом деле, мы признаем “конфронтацию Юнга с бессознательным” в высшей степени ненормальным состоянием, в котором его “второе я” пришло к нему на помощь с необходимой ему уверенностью, то его теория проекций выглядит гораздо более сомнительный. Нет никаких разумных оснований полагать , что сотни алхимиков, от Древней Греции и Китая до средневековой Европы, испытывали видения, которые объясняли их странные образы и терминологию. Гораздо более вероятно, что алхимики работали в рамках магической традиции (а в прошлом магия и наука были идентичны) и использовали ее язык и образы. Эссе Юнга о Парацедоне показывают, что он осознавал, что имеет дело с чуждой интеллектуальной традицией, но его решимость стремление использовать его для доказательства своей теории архетипов и проекций лишало его возможности проникнуть в ее дух.

Случай с летающими тарелками предлагает более простой способ отличный пример этой проблемы. Вероятность того, что большинство Наблюдения НЛО - это “видения”, очевидно,

отдаленные. Что—то может быть откровенной ложью, кто—то выдает желаемое за действительное, кто-то честно ошибается; но остается ряд случаев - когда целый самолет видели пассажиры, - когда ни одно из этих объяснений не подходит. Проект Юнга эта теория гораздо менее вероятна, чем предположение о том, что свидетель что—то видел - будь то экспериментальный воздушный шар.

корабль, посланец с другой планеты или гость из другого измерения. Но теория проекции случайно совпала с его теорией архетипов и бессознательных религиозных влечений. Поэтому факты можно было игнорировать. Его книга об НЛО - это, по сути, пропаганда его теории архетипов, рассчитанная на новую и обширную аудиторию. Из интервью с Линдбергом (ясно, что либо сам Юнг не верил в свою теорию, либо он изменил свое мнение с тех пор, как написал книгу. В любом случае, он держал свои взгляды в секрете. Линдберг, по-видимому, почувствовал это, когда заметил элемент шарлатанства у Юнга.

Во введении я указывал, что взгляды Юнга на паранормальные явления также содержат элемент “двойного думай”. Эссе на тему “Психологические основы Вера в духов” интерпретирует их как “автономные сообщества”. сплетения”. Его собственный опыт посещения дома с привидениями, а также спиритические сеансы с Руди Шнайдером, должно быть, заставили его осознать, что это просто неадекватное объяснение. тион. (Любой, кто хочет получить представление о том, что произошло со Шнайдером, должен прочитать эссе Томаса Манна “Опыт знакомства с оккультизмом”.* (В осторожном постскриптуме к этому эссе, написанном в 1948 году, он попытался уточнить свои аргументы. Он “полностью сосредоточился на психологической стороне проблемы и намеренно избегал вопроса о том, существуют ли духи”. Далее он говорит неправду: у него не было опыта, который мог бы подтвердить это тем или иным способом. В предисловии к книге Фанни Мозер о привидениях рассказывается, что он воспринял свое пребывание в коттедже как настоящее преследование: когда он узнал, что владелец был вынужден снести коттедж, “это доставило мне большое удовлетворение после того, как мой коллега так громко смеялся над моим

страхом перед привидениями”. Но это введение было напечатано не рядом с эссе “О психологических основах веры в духов” в восьмом томе Собрания сочинений , где противоречие было бы очевидным, а в восемнадцатом томе “Разное”.

Очевидно, что важный вопрос заключается в следующем: насколько эти несоответствия подрывают общее достижение Юнга? И на этот вопрос можно ответить только в более широком контексте того, что он пытался сделать, а не так, как должно быть

Обсуждается в моей книге “Оккультизм” (1971), стр. 219-20.

он подчеркивал, что хотел, чтобы его коллеги поверили, что он пытается это сделать.

Юнг по складу характера был художником, поэтом или теологом. Если бы его отец был богат, он мог бы, как и Братья Манн провели год или около того в Италии, решая , чем он хочет заниматься. На самом деле он был вынужден выбрать медицину — слишком жесткую дисциплину для человека с оригинальностью и амбициями Юнга. Подобно молодым американцам , к которым обращался Гораций Грили ("Отправляйтесь на Запад, молодой человек"), его истинным желанием было найти девственные земли и приключения; но В Европе не было Дикого Запада, и Юнг выбрал психиатрию

.

Есть определенный смысл в том, что Юнг верил — или время от времени заявлял — что он был потомком Гете. Он был совершенно не согласен с узким материализмом науки девятнадцатого века. Оглядываясь назад, можно пожалеть, что он стал фрейдистом, поскольку это означало, что он основывал свою жизненную работу на положениях Фрейда о бессознательном. И все же следует признать, что, будучи последователем Джанет, он, возможно, не достиг бы таких замечательных результатов. В своем эссе о Вагнере Томас Манн процитировал сановника Севильского кафедрального собора, который, как предполагается, сказал архитектору: "Постройте мне такой огромный собор, что люди будущего скажут: "должно быть, капитул был сумасшедшим, если построил что-то настолько огромное…" девятнадцатый век был полон этого духа героического гигантизма: "Человеческая комедия" Бальзака, "Система" Гегеля, цикл Золя "Ругон-Маккар", "Кольцо" Вагнера, "Война и мир" Толстого. Юнг симпатизировал героическому гигантизму. Его психология построена на том же мифологическом материале, что и "Кольцо" Вагнера.

Его главная идея была такой же, как и у Хадсона: огромные возможности "субъективного разума" могут быть использованы как в позитивных, так и в негативных целях. Хотя он настаивал на

том, что его интерес к религии был чисто “психологическим”. гический” (утверждение, которое кажется абсурдным в свете “Ответа Иову”), основная предпосылка его работы была идентична предпосылкам всех основных религий: вселенная полна смысла, мы окружены невидимыми силами, и человек может подняться над “тривиальностью”. из повседневной жизни”, пытаясь открыть свой разум и свои чувства этим значениям и силам.

Негативное видение бессознательного Фрейдом обесценивает

большая часть его работ; вполне возможно, что в будущем его психология будет рассматриваться просто как интеллектуальный курьез, как теория горения флогистона или Вера Гербигера в то, что Луна представляет собой огромную глыбу льда. Большинство психологов сегодня согласились бы с тем, что сексуальную теорию нельзя считать “научно доказанной”. Архетипы Юнга и коллективное бессознательное находятся в таком же сомнительном положении. Но юнговское видение бессознательного - это огромный источник жизненных сил. Автор недавней книги о нем* указал на сходство между Юнгом и Абрахамом Маслоу, чья психология основана на понятии “высших пределов человеческой натуры” и который больше интересовался “пиковым переживанием” — чувством внезапного самоутверждения — чем неврозом. Не может быть никаких сомнений в том, что мировоззрение Юнга пронизано огромным чувством оптимизма по поводу возможностей человеческой эволюции.

Его центральная концепция - это, конечно же, индивидуация, то есть что такое “неделимость”. В ответ Иову он делает важное замечание: “Чем большим сознанием обладает человек, тем больше он отдаляется от своих инстинктов (которые, по крайней мере, дают ему представление о скрытой мудрости Божьей) и тем более склонен к ошибкам”. Проблема человека в том, что в ходе развиваясь в сознании, он отделился от своего бессознательного, которое содержит намеки на цели Бога. Ответ - для сознательного необходимость пытаться установить контакт с бессознательным — фактически, в идеале, иметь к нему свободный доступ. Юнг на

ранней стадии обнаружил, что практика медитации является одним из способов достижения контакта, и опыт Африки показал ему, что человек может “расслабиться” в своем бессознательном, осознавая исследуя “темную” сторону своей натуры.

И все же, хотя Юнг пытался создать динамичное и позитивное видение психики, чтобы заменить пассивную и негативную модель Фрейда, его фрейдистская подготовка мешала ему придавать особое значение понятию сознательного усилия. В конце своей жизни Э.Х. попросил его: Филп: “Возможно ли, что вы недооцениваете сознание из-за переоценки бессознательного?” - и решительно ответил: “У меня никогда не было склонности к

* Джон-Рафаэль Стауд: Развитие взрослого человека по К.Г. Юнгу

(1981).

обесцениваю сознание, настаивая на важности бессознательного. Если мне приписывают подобную склонность , то это своего рода оптическая иллюзия/ Читатели Символы Преображения или даже Айона, должно быть , потрясенно качали головами, не веря своим глазам. Но, по крайней мере, Юнг продолжает раскрывать, как далеко он продвинулся в признании важности сознания — и, следовательно, косвенно тион, о его способности принимать решения. “На самом деле акцент делается на сознании как непременном условии восприятия бессознательного содержания и верховном арбитре (курсив мой) в хаосе бессознательных возможностей. Моя книга о типах - это тщательное исследование эмпирической структуры сознания. Если бы у нас было более низкое сознание, мы все были бы сумасшедшими. Эго и эгоосознание имеют первостепенное значение/

Но более четверти века назад в своем Комментируя “Тайну золотого цветка”, Юнг писал: “Время от времени в моей практике случалось, что пациент выходил за рамки самого себя из-за неизвестного потенциала особенности… Что сделали эти люди для того, чтобы добиться развития, которое сделало их свободными? Насколько я мог судить, они (ву Вэй) ничего не делали, только позволяли всему происходить своим чередом.’ Опять же, во втором из двух очерков об аналитическом В “Психологии” (Седьмой том собрания сочинений) есть глава, посвященная индивидуации, в которой Юнг отождествляет ее с самореализацией. Но ясно, что он рассматривает самореализацию как проистекающую из бессознательного. Он говорит, например, о ленивых людях, которые в конце концов стали невротиками: “Благодаря неврозу, вызванному бессознательным, они избавляются от своей апатии…” В следующем абзаце он пишет: “Поскольку весьма вероятно, что мы все еще далеки от вершины абсолютного сознания, предположительно, каждый способен к более широкому осознанию, и, соответственно, мы можем предположить , что бессознательные процессы постоянно снабжают нас содержанием, которое, будучи осознанным, расширило бы диапазон”. сознания.’

Это делает совершенно очевидным, что для Юнга работа по индивидуации — самореализации - заключается в основном в “прислушивании” к бессознательному, которое пытается подтолкнуть нас к самореализации. Таким образом, вместо

негативного бессознательного Фрейда, которое вызывает так много неврозов, у нас есть позитивное бессознательное, пытающееся найти наше спасение. Это

мысль, конечно, приятная, но Хадсон мог бы сказать Юнгу, что он переоценивает субъективный разум. Субъективный разум может быть гораздо более могущественным, чем его объективный аналог, но в данном конкретном браке он является пассивным партнером. Он предоставляет свои огромные возможности и энергию в распоряжение объективного разума — если объективный разум требует их с достаточной степенью авторитетности, — но редко проявляет инициативу. Гипноз настолько успешен, потому что субъективный разум с радостью подчиняется авторитетному голосу гипнотизера. Оно с такой же готовностью подчинилось бы объективному разуму, если бы приказ был отдан с достаточной убежденностью. Но большинство людей пребывают в заблуждении, что эго должно быть пассивным, что их дело - страдать и принимать опыт, а не инициировать его. Мы могли бы сравнить их с командой мужа и жены, в которой жена обладает огромной неиспользованной энергией и потенциалом. Но она замужем за слабым и пассивным мужем. И ее воспитывали в убеждении, что женщина должна быть послушной. Таким образом, из-за того, что муж никогда не обращается к ее неиспользованным ресурсам, она не может достичь какой-либо самореализации. Ответ заключается не в том, чтобы жена ушла от мужа или попыталась “заниматься своими делами”, а в том, чтобы муж осознал, что если он сможет преодолеть свою слабость и лень, то они оба смогут изменить свою жизнь.

Давайте более внимательно рассмотрим эту концепцию индивидуации. Почему Юнг рассматривает ее как пассивный процесс? Потому что он рассматривает ее как переход от бессознательного к сознательному. Так и должно быть, потому что у сознания, так сказать, нет возможности спуститься по лестнице в бессознательное. И это, по-видимому, одна из фундаментальных проблем. Ответ Юнга на этот вопрос заключается в создании подходящих условий (как это сделали для него Африка и Индия) или (в случае с пациентами) в

попытках извлечь проблемы из бессознательного обычными методами психоанализа сестренка. Терапевт является, так сказать, акушеркой бессознательного.

Мы можем прояснить этот вопрос, если вместо того, чтобы говорить о сознательном и бессознательном, обратимся к терминам Хадсона. логию объективного и субъективного разума — или левого и правого полушарий головного мозга, которые, по-видимому, находятся в такой тесной связи с ними. Когда Сперри проводил свою

140 Владыка подземного мира

в ходе первых экспериментов по физиологии раздвоенного мозга он обнаружил , что животное с раздвоенным мозгом не может передать то , чему оно только что научилось, в другую половину мозга - так , кошка с раздвоенным мозгом, которую научили нажимать на рычаг, чтобы достать еду, закрыв один глаз, не могла сделать то же самое трюк с закрытым другим глазом. Цель взаимодействия между двумя половинами состоит в передаче такой информации в другую половину мозга. Таким образом, существует механизм коммуникации — то, что Юнг называл процессом индивидуации.

Но это настолько неэффективный механизм, что для всех практических целей мы все являемся пациентами с раздвоенным мозгом. В В “Литературной биографии” Кольридж приводит примечательный случай с невежественной служанкой, которая начала говорить на иврите, когда была в бреду. В конце концов выяснилось, что, будучи маленькой девочкой, она жила в доме священника, который читал Библию на иврите. Сознательно она не усвоила ни слова из этого языка, но ее субъективный разум сохранил все, что она услышала.

Таким образом, субъективный разум содержит в себе все, что мы когда-либо видели, слышали и переживали. И это, при определенных обстоятельствах, предоставит нам необходимую информацию. требование. Я безуспешно пытаюсь вспомнить название или мелодию. Я перестаю пытаться, и внезапно это “проникает в мою голову” — то есть в мой объективный разум, посланный туда субъективным разумом. Я говорю себе, что должен проснуться в половине седьмого утра, но у меня нет будильника; мой субъективный разум будит меня ровно в половине седьмого.

Более того, когда гипнотизер погружает мой объективный разум в сон , мой субъективный разум по первому требованию предоставляет любую информацию. Ее просто нужно правильно попросить

.

У этого есть еще один интересный трюк. Мелодия, запах или

несколько слов могут внезапно вызвать в памяти какой-нибудь фрагмент моего прошлого с потрясающей отчетливостью, так что на мгновение я снова оказываюсь в “логове” из веток, которое соорудил, когда мне было восемь, или в школьной раздевалке, когда мне было двенадцать. Пруст основал свой огромный роман на таких “вспышках” — проблесках прошлого. В своей книге “Оккультизм” я использовал термин “Способность Икс” для обозначения способности вызывать в воображении реальность какого-то другого времени и места. Что Юнг подразумевает под инди обучение тесно связано с факультетом Х.

Можно ли, перефразируя вопрос, вызвать вспышки способности Х, или мы должны терпеливо ждать, пока они не нахлынут на нас? Маслоу ставил аналогичный вопрос , когда спрашивал, возможно ли вызвать “пиковое переживание”; он решил, что ответ отрицательный: мы должны подождать, пока это произойдет.

Но рассмотрим более подробно механизм таких переживаний. В “Идиоте” Достоевский описывает это чувство фотографии человека, стоящего перед расстрельной командой. Он очарован позолоченной колокольней, сверкающей на солнце, и чувствует, что через несколько мгновений он станет единым целым с лучами света. Он задается вопросом, что было бы, если бы ему дали отсрочку (что, собственно, и происходит), и думает: “Какая вечность дней, и все они мои! Как я должен был бы горевать и рассчитывать каждую минуту , чтобы не упустить ни единого мгновения”. Убийца Подобное понимание приходит к Раскольникову в “Преступлении и наказании”, когда он размышляет о том, что предпочел бы вечно стоять на узком карнизе, в вечной тьме и буре, чем быть приговоренным к немедленной смерти.

Кризис внезапно заставляет людей осознать, для чего нужно сознание. Его цель - контролировать нашу жизнь. Заключенный, которого вот-вот лишат этого права, чувствует, что если бы только он мог получить отсрочку, он бы больше никогда не терял даром ни секунды.

Это позволяет нам понять, что именно не так с человеком на

данном этапе его эволюции. Мы растрачиваем сознание впустую, пассивно дрейфуя по жизни. Цивилизация имеет отдельные лишил нас нашей глубинной, инстинктивной воли к жизни, подорвал нашу “функцию реальности”. Как признавал Юнг, человек развивался слишком быстро, а сознание слишком далеко ушло от глубоких знаний о бессознательном. Таким образом, подобно армии , чей обоз с грузом слишком сильно отстал, мы очень уязвимы.

Проблема, попросту говоря, в том, что сознание все еще слишком слабо. Кризисы и проблемы пробуждают в нас чувство ценности и заставляют осознать, насколько упорно мы должны бороться. Но как только кризис остается позади, мы забываем об этом прозрении и снова погружаемся в неопределенное состояние отсутствия ожиданий, “живем настоящим” и позволяем всей нашей жизненной энергии, нашему психологическому напряжению иссякнуть. Кротовые норы превращаются в горы. Вот почему современный человек так подвержен неврозам. Его эго оказывается “загипнотизированным” тривиальностями настоящего, и его жизненный “порог” падает. В

в этом состоянии он убеждается, что слаб и беспомощен, хотя на самом деле обладает огромной силой, которая отреагирует на первые признаки кризиса.

Уильям Джеймс осознал проблему, когда написал, что современному человеку необходимо найти “моральный эквивалент войны”. А в эссе “Энергия человека” он сформулировал проблему с беспрецедентной ясностью:

По сравнению с тем, какими мы должны быть, мы находимся лишь в полудреме. Мы гасим огонь в каминах, следим за сквозняками. Мы используем лишь малую часть наших возможных умственных и физических ресурсов. У некоторых людей это ощущение того, что они отрезаны от своих законных ресурсов, достигает крайних пределов, и тогда мы получаем грозные неврастенические и психастенические состояния, когда жизнь превращается в сплошной клубок невозможностей, которые описаны во многих медицинских книгах.

Таким образом, в широком смысле, человеческий индивидуум обычно живет в пределах своих возможностей; он обладает различными способностями , которые обычно не использует. Его энергия ниже своего максимума, и он ведет себя ниже своего оптимума.

Как человек может избежать этой ловушки и высвободить свои “жизненные резервы”? Ответ Джеймса таков: “обычным средством, открывающим все более глубокие уровни энергии, является воля”. “Возбуждать улучшения, идеи и усилия, одним словом, - это то, что переносит нас через плотину”. Тем не менее Джеймс был вынужден признать, что на самом деле он не мог предложить “моральный эквивалент войны”, который бы побудил всех людей проявить максимальную энергию.

Мы могли бы сказать, что Юнг поднял проблему там, где Джеймс замолчал. Он также исходил из осознания того, что человек обладает огромной силой, о которой он обычно не подозревает. И его собственное решение проблемы состояло в том, чтобы посвятить свою жизнь изучению этих глубин. Он отказался от своего фрейдистского учения и представил новый и жизнеутверждающий образ психики. Его целью, можно сказать,

было направить внимание человека внутрь себя. Философ Дэвид Юм утверждал, что, когда он обращает свой взор внутрь себя, он воспринимает только идеи и эмоции, “поток сознания”, текущий бесконечно и автоматически. Ответ Юнга, по сути, таков: “Загляни еще глубже”. Вглядывайтесь в это царство грез и символов, пока глаза не привыкнут к темноте. Постепенно сознательное эго осознает, что у него есть гораздо более могущественный партнер, что оно не одиноко. Человек начнет улавливать

проблески его собственной силы. Процесс индивидуализации начнется процесс, подобный алхимическому превращению. То , что в конечном итоге появится, и есть философский камень.

Давайте поднимем вопрос, который Юнг оставляет неисследованным: на что было бы похоже переживание индивидуации? На что было бы похоже, если бы сознательный разум имел неограниченный доступ к бессознательному — если бы объективный разум мог исследовать субъективный разум по своему желанию?

Прежде всего, это означало бы, что огромные возможности субъективного разума стали бы доступны эго. В нем содержатся, например, все воспоминания за всю жизнь. Поскольку сознание настолько узко, мы заперты в крошечной тюремной камере настоящего. Таким образом, наше представление о самих себе также узко и ограниченно. Когда герой Пруста попробовал пирог, намоченный в чае, он сказал: “Я перестал чувствовать себя посредственностью, случайностью, смертным”. Фауст, находящийся на грани самоубийства, был возвращен к жизни пасхальными колоколами и вспомнил, как в детстве.

Невероятно сладостное томление

Заставило меня побродить по лесу и леа.

Я плакал, и мои глаза горели,

Я чувствовал, как во мне растет новый мир.

В такие моменты мы замечаем, что если осознавать мир может выйти за пределы своих обычных ограничений, мы легко можем испытать своего рода цепную реакцию, ведущую к мистическому экстазу. Восторг, ощущение смысла других реальностей, других времен и мест вызывает огромный прилив оптимизма и целеустремленности. Этого, в свою очередь, достаточно, чтобы постоянно поднимать нас на более высокий уровень жизненной энергии и решимости, ибо, подобно человеку, узревшему небеса, ничто меньшее уже никогда не сможет удовлетворить нас.

Кроме того, существуют и другие силы субъективного разума: его явно паранормальные способности, его способность исцелять и обновлять тело, его способность вызывать совпадения, его бездонные творческие способности. Все это, по—видимому, существует для того, чтобы мы могли начать цепную реакцию с помощью огромного усилия воли и оптимизма - или, как предполагает Юнг, побудив бессознательное приложить усилия.

В этом суть видения Юнга, его взгляд на философский камень. Это, конечно, необходимо признать осознайте, что самому Юнгу не удалось достичь уровня философа.

стоун, и это, вероятно, потому, что его жизнь была слишком комфортной, и потому, что он слишком привык поступать по-своему. Можно сказать, что тигель никогда не нагревался достаточно сильно. Это не принижение его выдающихся достижений, а всего лишь признание элемента, которому он не уделял достаточного внимания: сознательных усилий.

Но, с другой стороны, мы судим о гениальном человеке по его главному пониманию. Главным открытием Юнга стало развитие видения его юности, и это было посланием надежды для его собратьев. Он достиг того, к чему стремился, — эпитафии, достойной любого человека.

Приложение

Активное воображение

Активное воображение, безусловно, является одной из самых интересных и захватывающих идей Юнга. Но тем, кто хочет узнать об этом больше, придется потратить немало времени на поиск в Собрании сочинений; в Общем указателе указано несколько десятков ссылок, но большинство из них оказываются просто мимолетными упоминаниями. Самое раннее — и, возможно, самое полное — описание метода содержится в эссе “Трансцендентная функция”, написанном в 1916 году; однако здесь Юнг даже не упоминает его по имени. Более того, он хранил это эссе в своих архивах до тех пор, пока в 1957 году кто-то не попросил его опубликовать его в студенческом журнале. Оно появилось в Восьмой том Собрания сочинений вместе с предварительным предупреждением: Этот метод… не лишен опасностей и должен, по возможности, применяться только под наблюдением специалиста.’

И все же, если этот метод настолько эффективен, как утверждает Юнг в своей автобиографии, то к такой опасности не следует относиться слишком серьезно. В конце концов, если активное

воображение действительно работает, то Юнг решил проблему, которая мучила стольких “аутсайдеров” девятнадцатого века, и должна была дать человечеству жизненно важный ключ к его будущей эволюции. В письме, написанном в 1871 году, Рембо писал о потребности поэта вызывать видения: “Я говорю, что человек должен быть провидцем — что он должен сам стать провидцем”. Он продолжает: ” Поэт становится провидцем благодаря длительному, огромному и обоснованному расстройству всех чувств. Во всех формах любви, страдания, безумия он ищет себя…” И в Находясь в аду, он утверждает, что ему удалось вызвать это расстройство: “Я привык к простым галлюцинациям тион: Я действительно видел мечеть на месте фабрики, ангелов , играющих на барабанах, кареты на небесных дорогах; гостиную на дне озера: монстров, тайны…’

Но, выраженный в этой форме, мы можем видеть, что в основе своей это старая романтическая тяга к чудесам и экстазу, тяга, выраженная в самом названии Мистических рассказов Эдгара По и. Воображение. Мы находим это в тусклых, туманных пейзажах Новалиса и Тика, в гротесках Гофмана и Жан-Поля, в ужасах Эдгара По и Шеридана Ле Фаню, в изысканных грезах прерафаэлитов, в эротических образах Обри Бердсли (и именно Бердсли возмутил читателей “Желтого Книга с изображением рояля в поле) и в ударной тактике сюрреалистов и дадаистов. Все это , похоже, сводится к попытке Yeat сбежать из “грязной лавки старья и костей в сердце” с помощью своеобразной лестницы принятия желаемого за действительное. Очевидно, что если бы Юнг действительно создал полезную технику для того, чтобы “стать провидцем” и увидеть ангелов, играющих на барабанах, и гостиные на дне озера, то уже одно это позволяло бы назвать его одной из самых значительных фигур нашего столетия.

Именно в автобиографии Юнг впервые ясно объяснил, как он пришел к осознанию существования активного воображения: как разрыв с Фрейдом поставил его на грань полного нервного срыва и позволил ему взглянуть на бредовые идеи, от которых страдают психотические пациенты. Юнгу повезло, что видение Европы, утопленной в крови, сбылось в следующем году, и он осознал, что “иллюзия” не обязательно является ложью. “Я вижу слишком глубоко и слишком многое”, - говорит герой “Аутсайдера” из Барбюса, и именно это происходило с Юнгом.

Когда разум находится в состоянии такого сильного стресса, его естественная тенденция - оказывать отчаянное сопротивление. Юнг осознавал, что находится в том же положении, что и Ницше и Гельдерлин, и что, подобно им, он может потерять рассудок; результатом стала мрачная решимость “не сдаваться”. Затем, в декабре 1913 года, сидя за своим письменным столом в состоянии смятения и пессимизма, он принял важное решение “отпустить ситуацию” и посмотреть, что из этого выйдет. Результатом был не полный срыв: это было потрясенное осознание того, что сила, которая пыталась заставить его отпустить себя, была незнакомкой в его собственной голове, и что эта незнакомка полностью контролировала ситуацию. Это было ошеломляющее осознание. появление “скрытого союзника”. По словам Хадсона, происходило то, что “субъективный разум” говорил

“объективный разум”: “Послушай, ради всего святого, перестань пытаться поддерживать этот железный занавес между нами, потому что ты тратишь свои силы на борьбу с самим собой”. Это можно сравнить с тем, как жена говорит своему мужу, уставшему от вождения: “Садись на заднее сиденье и вздремни , пока я буду вести машину”. Юнг был достаточно благоразумен, чтобы отпустить руль, и в результате ему приснился “сон наяву” о пещере с трупом Зигфрид.

В книге “Доступ к внутренним мирам” я описал , как подобный опыт произошел с американцем Брэдом Абсетцем, живущим в Финляндии. После смерти их ребенка от рака его жена впала в тяжелую депрессию. Обычно она часами лежала на кровати, погруженная в негативные фантазии и самобичевание; Брэд Абсец лежал рядом с ней, ожидая, когда она проснется, чтобы он мог быть рядом и помочь ей. Он лежал в состоянии бдительности, ожидая малейшего признака того, что она “приходит в себя”; в то же время он был физически расслаблен. Однажды, лежа в постели, он испытал ошеломляющее чувство легкости и облегчения, как будто воспарил над кроватью. Это было его собственным эквивалентом юнговского “отпускания”. И теперь произошло то, что этот “другой человек” в его голове начал проявлять себя. Когда он стоял у буфетного стола, ожидая, когда можно будет перекусить, его рука начала подергиваться; он воспринял это как сигнал о том, что она хочет что -то сделать, и

позволил ей протянуть руку и взять любую еду, которая ей понравилась. Для этого потребовалась пища, которую он обычно не употреблял. Так продолжалось несколько недель, и за короткое время он похудел и почувствовал себя здоровее, чем когда-либо прежде. Однажды его маленькая дочь попросила его нарисовать ее цветными мелками; рука снова начала подергиваться, и он позволил ей делать все, что ей заблагорассудится. В результате получилась удивительная серия рисунков и картин, невероятных “психоделических” узоров, каждый из которых полностью отличался от всех остальных. Его “другое я” взяло верх и писало стихи, в то время как он просто наблюдал; оно создавало металлические скульптуры; оно выполняло его повседневные обязанности — например, ухаживало за пчелой - простым ритуальным способом, который восстанавливал его жизненные силы. В парламенте разума Брэда, члена от Неконструктивного Скиусу было предоставлено право голоса, и в результате его жизнь стала во всех отношениях более гармоничной и спокойной. Он в значительной степени достиг “индивидуализации”.

Брэду Абсетцу не грозила опасность сойти с ума, когда он “позволил

пошел", но он испытывал сильный стресс. Его субъективный разум, предоставленный самому себе, указал ему выход из тупика. (Этот метод — лежать полностью расслабленным, но в состоянии полной бдительности - можно считать самым простым и эффективным из всех видов психотерапии.)

В 1913 году Юнг был в гораздо худшем состоянии, поэтому, когда он " отпустил себя", в сознание хлынули силы субъективного разума, создающие образы. Он назвал результат "активным воображением", но мы видим, что это не было воображением в обычном смысле этого слова: намеренное вызывание мысленных образов или состояний. Юнг достиг нового баланса между эго и бессознательным, в котором бессознательное было признано равноправным партнером. Это объясняет, почему с тех пор у Юнга часто возникали "видения", например, видение распятого Христа в изножье его кровати.

Мы сразу можем увидеть разницу между концепцией активного воображения Юнга и концепцией Рембо. Рембо говорил о том, что нужно сдаться страданию и безумию; но, по сути, его эго оставалось главным. Он пытался "разумно подавить чувства" с помощью наркотиков и алкоголя, но, поскольку его эго было сильно, это не привело к индивидуализации и "доступу к внутренним мирам". (Я склонен рассматривать его заявление о том, что он привык видеть мечети вместо фабрик и т.д., Как принятие желаемого за действительное, поэтическая вольность.) Настоящий "прорыв" , как правило, происходит в моменты отчаяния или при сильном стрессе и является своего рода вдохновенной капитуляцией. (Рамакришна совершил аналогичный прорыв, когда попытался покончить с собой с помощью меча и был внезапно поражен видением Божественной Матери.)

Теперь мы можем начать понимать, почему, хотя Юнг считал активное воображение ключом к "индивидуации", он очень мало говорил об этом. Сказать было почти нечего. В эссе "Трансцендентная функция" он пишет: "В интенсивности эмоционального потрясения заключается ценность, энергия, которой он должен располагать, чтобы исправить положение…" Он добавляет: "Ничего не добьешься, подавляя это состояние или обесценивая его рационально". Другими словами, пациент ,

страдающий от сильного психического стресса, уже находится в идеальном положении для того, чтобы начать развивать активное воображение.

Далее следуют инструкции Юнга:

Активное воображение 149

Таким образом, чтобы овладеть энергией, которая находится в неподходящем месте, он должен сделать эмоциональное состояние основой или отправной точкой процедуры. Он должен как можно лучше осознавать то настроение, в котором находится, полностью погружаясь в него и записывая на бумаге все возникающие фантазии и другие ассоциации. Фантазии нужно предоставить максимально возможную свободу действий, но не в такой степени, чтобы она покидала орбиту своего объекта… запуская своего рода процесс "цепной реакции". Эта "свободная ассоциация", как называл ее Фрейд, уводит от объекта ко всевозможным комплексам

Он высказывает аналогичное предупреждение во введении, которое написал к эссе в 1958 году: "одна из меньших опасностей [метода] заключается в том, что [он] может не привести к какому-либо положительному результату, поскольку легко переходит в так называемую "свободную ассоциацию". Фрейда, после чего пациент попадает в бесплодный круг своих собственных комплексов…"Мы можем видеть, что, например, если бы Брэд Абсец лежал на кровати, "свободно ассоциируясь", он никогда бы не достиг разрыва что было так важно, так это сочетание полного расслабления с ментальной бдительностью и настороженностью ко всему прочему. " Вся процедура, - говорит Юнг, - является своего рода обогащением и прояснением аффекта [сильного эмоционального состояния], посредством чего аффект и его содержание приближаются к осознаваемому "В некоторых случаях, — говорит Юнг, - пациент действительно может слышать "другой голос" как слуховую галлюцинацию - комментарий, который убедит психологов, занимающихся расщеплением мозга, в том, что Юнг говорит о правом и левом полушариях головного мозга.

Все это может вызвать у читателей, которые надеялись научиться практиковать активное воображение, некоторое разочарование обработанный. Давайте посмотрим, можно ли прояснить этот

вопрос.

Сутью первоначального опыта Юнга — ” сновидений наяву” — было осознание реальности “скрытого союзника”. “Отпускание”, которое выявило этого союзника, было довольно пугающим процессом — все равно что позволить себе упасть навзничь, надеясь, что кто-то стоит рядом и подхватит тебя (игра , в которую многие из нас играли в детстве). Как только вы обнаружите, что кто-то ждет, чтобы поймать вас, страх исчезнет и превратится в чувство уверенности.

Таким образом, мы могли бы сказать, что правильной отправной точкой для активного воображения является осознание того, что кто-то есть

стоящий за вашей спиной. В замечательной книге под названием Макс Фридом Лонг описывает свои собственные методы, основанные на методах племени хуна с Гавайских островов, для установления контакта со “скрытым союзником” (которого он называет “низшим я”); группа Лонга начала называть “другое я” как Джордж, и обнаружил, что с ним можно вести диалог (а также отвечать на вопросы с помощью ручки). дулум).

Как только мы осознаем реальное существование “другого я”, следующий вопрос заключается в том, чтобы подтолкнуть его к самовыражению. В письме от 1947 года Юнг объяснил свою технику одному Миссис О-:

Дело в том, что вы начинаете с любого образа, например, с той желтой массы в вашем сне. Созерцайте его и внимательно наблюдайте за тем, как картина начинает разворачиваться или меняться. Не пытайтесь превратить это во что-то, просто ничего не делайте, а наблюдайте за его спонтанными изменениями. Любая мысленная картина, которую вы созерцаете таким образом, рано или поздно изменится благодаря спонтанной ассоциации, которая вызовет небольшое изменение картины… Крепко держитесь за один выбранный вами образ и ждите, пока он не изменится сам по себе. Обратите внимание на все эти изменения и, в конце концов, войдите в образ сами, и если это говорящая фигура… тогда скажите, что вы хотите сказать этой фигуре, и послушайте, что он или она хочет сказать.

В своих Тавистокских лекциях 1935 года (Собрание сочинений, т. 18) Юнг приводит пример того, как один из его пациентов в конце концов добился активного воображения, так сказать, “от холода” . Он был молодым художником, которому, казалось, было практически невозможно понять, что Юнг подразумевал под активным воображением. “Мозг этого человека всегда работал сам на себя”, то есть его творческое эго не покидало водительского кресла. Но каждый раз художник приходил посмотреть Юнг, он ждал на маленькой станции и смотрел на плакат , рекламирующий Мииррен в Бернских Альпах; там был водный осень, зеленый луг и холм с коровами. Он решил попробовать “пофантазировать” на тему плаката. Он уставился на него и представил, что находится на лугу, а затем поднимается на холм. Возможно, в тот день он был в особенно расслабленном

настроении, или, возможно, его художественное воображение пришло ему на помощь, а не мешало. (Мы можем представить, как его правое полушарие говорит: “Так вот чего ты хотел! Почему ты сразу не сказал?”) Сон наяву взял верх. Он

он обнаружил, что идет по тропинке с другой стороны холма, огибает овраг и большой камень и входит в маленькую часовню. Когда он взглянул на лик Пресвятой Девы на алтаре, что-то с заостренными ушами исчезло за алтарем. Он подумал: “Все это чепуха”, и фантазия исчезла.

Его осенила важная мысль: возможно, это была не фантазия — возможно, это было на самом деле. Теперь , предположительно в поезде, он закрыл глаза и снова вызвал в воображении эту сцену. Он снова вошел в часовню, и снова существо с заостренными ушами прыгнуло за алтарь. Этого было достаточно, чтобы убедить его, что увиденное им было не просто фантазией, а подлинным проблеском объективной реальности в его собственной голове, “доступом к внутренним мирам”. Это, по словам Юнга, стало началом успешного развития активного воображения.

Что здесь становится совершенно ясно, так это то, что существует определенный “поворотный момент”, и что именно в этот момент субъект внезапно осознает, что это не просто личная фантазия, а что он имеет дело с объективной реальностью — реальностью, с которой мы иногда сталкиваемся во сне, когда какое-то место кажется абсолютно реальным.

Таким образом, основная процедура, по—видимому, заключается в следующем: лежите неподвижно - как Брэд Абсец так и сделал — и стал совершенно расслабленным и в то же время полностью бдительным. Настройте себя на то, чтобы слушать, ожидая, когда заговорит “Джордж”. То есть предположим, что там есть кто-то, кому есть что сообщить. Кейт, и попроси его пойти дальше и сказать это. Если то, что он “говорит” , - это образ, тогда созерцайте его, как вы могли бы созерцать картину в художественной галерее, и попросите его, так сказать, продолжать.

Книга Джулиана Джейнса “Происхождение сознания в Разрушение двухпалатного сознания может оказаться полезным

подспорьем в поисках “поворотного момента”. Джейнс считает, что наши далекие предки, жившие четыре тысячи лет назад, не обладали “самосознанием” в том смысле, в каком обладаем мы; они не могли принять решение о дальнейших действиях, “задавая себе вопросы”, потому что их разум был , так сказать, обращен вовне. Решения принимались за них “голосами”, которые звучали в их головах и которые они ошибочно принимали за голоса богов; на самом деле, это была другая половина мозга, “другое я”. Позже, считал Джейнс, война и кризис заставили человека развивать свою личность-152 Владыка подземного мира

осознанность, так что он больше не нуждался в слуховых сигналах

.

Мы можем возразить против этой теории на том основании, что современный человек все еще “двухпалатный” (с двумя разумами), и поэтому кажется более вероятным, что древний человек был “однопалатным”, в расслабленном, “инстинктивном” состоянии единства с природой, как корова. Но это возражение никак не влияет на суть теории, которая исходит из научного признания того факта, что мы действительно обладаем “вторым я” в мозге и что тысячи людей ощущают это “второе я” в форме слуховых и зрительных галлюцинаций — того, что Юнг называл “проекциями”.

В своей книге “Встречи с душой: активное воображение” юнгианский психотерапевт Барбара Ханна настаивает на том, что встречи древнего человека с “Богом” (в Древнем Тесте мент, например) - это примеры активного воображения: то есть о действии “двухпалатного разума”. Она приводит два весьма убедительных примера “аудиального метода активного воображения”, датируемых 2200 годом до н.э. и 1200 годом н.э., а затем перепечатывает важный современный документ - рассказ пациентки по имени Анна Марджула о том, как она излечилась с помощью практики активного воображения. Этот случай помогает пролить свет на то, что Юнг подразумевал под активным воображением.

Анна Марджула была дочерью юриста, и Юнг полагал, что причина ее невроза могла быть сексуальной — она видела, как ее отец мастурбировал, когда она была маленькой девочкой; позже

отец проявил определенный физический интерес к своей дочери. Она была застенчивым, нервным ребенком, страдала от чувства неполноценности, и смерть матери стала для нее тяжелым испытанием. Она была прекрасным музыкантом и хотела стать концертирующей пианисткой. В возрасте двадцати одного года, готовясь к экзамену, она перенапряглась и духовно истощилась. В ночь перед экзаменом у нее было “видение”. Внутренний голос сказал ей пожертвовать амбициями и с готовностью принять неудачу. (Как мы видим, это был лучший совет , который мог предложить ей ее субъективный разум.) Ее готовность смириться с возможным поражением привела ее в религиозный экстаз; в этот момент “голос” сказал ей, что ей самой не суждено стать знаменитой, но что ее настоящее призвание - стать матерью гениального человека. Ей следует поискать кого-нибудь, кто был бы подходящим отцом для гениального человека, и предложить ему себя без физического воздействия.

желание. Если бы ей удалось зачать ребенка без всякого чувства удовольствия, в результате получился бы гениальный человек

.

На самом деле пациентка так и не встретила подходящего мужчину, и когда ей перевалило за сорок, убежденность в том, что она “упустила свой шанс”, вызвала серьезные психологические проблемы. Ей был пятьдесят один год, когда она стала пациенткой Юнга.

Аналитик — жена Юнга — предположила, что первоначальное “видение” было обманом “анимуса” и что пациентке следует попытаться использовать активное воображение, чтобы приблизиться к более позитивному женскому архетипу - Великой Матери. Четкий очевидно, у пациентки уже была предрасположенность к “видениям”, и ее психологическое напряжение давало психическую энергию для активного воображения. Результатом стала замечательная серия бесед с “Великой Матерью”, в ходе которых пациентка воспринимала Мать как другого человека — так, как Юнг воспринимал Филимона. Конечным результатом, по словам Барбары Ханны,

стала счастливая и безмятежная старость.

Другой юнгианский аналитик, Дж. Марвин Шпигельман, в возрасте двадцати четырех лет начал осваивать техники активного воображения с помощью “фантазий” о пещере, в которой он встретил мать, дочь и мудрого старика. Однажды появился рыцарь и похитил мать и дочь. Рыцарь объяснил, что у него есть несколько историй, которые он хотел бы рассказать, и что “в его королевстве есть еще несколько человек”, которые также хотели бы рассказать свои истории. Затем Шпигельман потратил несколько лет на то, чтобы записать различные истории, продиктованные рыцарем, монахиней, нимфоманкой, старым китайцем и многими другими: они были опубликованы в четырех томах. Очевидно, Шпигельман использовал ту же технику, что и Брэд Абсетц — позволить “другому я” преодолеть свою застенчивость и выразить себя — и результаты были во многом схожими.

В четвертом томе серии. The Knight, Spiegel человек делает важное наблюдение: успешная практика активного воображения “регулярно приводит к возникновению синхронных событий, при которых человек оказывается связанным с миром глубоким, мистическим образом”. Шпигельман предполагает, что внутренняя работа каким-то образом меняет отношение человека к миру. Затем он рассказывает важную историю о Вызывающем дождь, которую первоначально поведал Юнгу Ричард Вильгельм. Вильгельм находился в отдаленном

154 Повелитель подземного мира

Китайская деревня, страдавшая от засухи. Из дальней деревни послали за вызывающим дождь. Он попросил домик на окраине деревни и скрылся в нем на три дня. Затем начался сильный ливень, за которым последовал снег — неслыханное явление в это время года.

Вильгельм спросил старика, как ему это удалось; старик ответил, что нет. “Видите ли, - сказал старик, - я родом из края, где все в порядке. Дождь идет, когда должен идти, и хорошо, когда это необходимо. Люди сами поддерживают порядок. Но люди в этой деревне все не в своей тарелке и не в себе. Я сразу же заразился, когда приехал, поэтому попросил домик на окраине деревни, чтобы побыть одному. Когда я снова оказался в Тао, шел дождь.’

Под пребыванием “в Дао и в самих себе” старик подразумевал то, что Юнг подразумевал под индивидуацией. Иными словами, между двумя “я” — или двумя половинками мозга - существовал надлежащий обмен информацией. У жителей деревни без дождя доминировало левополушарное эго, которое, хотя и не подозревает о “скрытом союзнике”, склонно чрезмерно реагировать на проблемы. Это, в свою очередь, создает негативное состояние ума , которое может влиять на внешний мир.

Это проливает совершенно новый свет на идею синхронности, а также на магию. Можно сказать, что, согласно китайской теории, разум тесно связан с природой. Следовательно, синхронность - это не активное вмешательство в природу. участие разума в естественных процессах: скорее, естественный продукт их гармонии. (Итак, когда мы психологически в здоровом состоянии синхронность должна происходить постоянно.) Наши страхи и напряженность нарушают эту естественную гармонию; когда это происходит, все идет наперекосяк.

Мы видим, что это также меняет наше представление о природе активного воображения. Это не какое-то “разумное расстройство чувств”, направляемое эго. Это внутренняя гармония, основанная на признании “скрытого союзника”, которая приводит к процессу сотрудничества между “двумя я”.

Но здесь снова следует сделать предупреждение. Выдающийся

американский врач Говард Миллер отметил, что человеческие существа уже обладают определенной формой активного воображения. Я могу закрыть глаза и вызвать в воображении пляж в жаркий день, представить теплый песок у себя под ногами,

солнце на моем лице, шум волн; затем, за долю секунды, я могу перенестись в зимний день в горах, со снегом под ногами и на ветвях деревьев, и холодным ветром на моем лице. , , Но Миллер указывает, что “панель управления” такие фантазии и есть само эго. Я решаю сменить обстановку, и мое воображение обязывает меня.

По сути, Миллер говорит о том, что правое полушарие - это оркестр, а левое полушарие - дирижер. Если, например, я расслабляюсь и читаю стихи или слушаю музыку, я могу вызывать у себя самые разные настроения и в конце концов достичь состояния, в котором я могу мгновенно менять свое настроение: я могу, скажем, перейти от “L’Allegro” Мильтона к “II Penseroso” и творить с полной отдачей. реализм - летняя сцена с веселящимися людьми, а затем “тусклый религиозный свет” аббатств, церквей и сосновых лесов. Правое и левое полушария мозга могут в конечном итоге достичь таких же взаимоотношений, как у великого дирижера со своим оркестром — оркестром, который откликается на его самый деликатный жест. Но такое состояние гармонии зависит от первоначального осознания того, что я дирижер. Я должен взять свою дирижерскую палочку, постучать по пюпитру и сказать : “Джентльмены, сегодня мы исполняем симфонию Юпитера…” Самая большая опасность активного воображения заключается в том, что субъект может предположить, что это означает передачу его дирижерской палочки оркестру, что, очевидно, абсурдно. Активное воображение - это состояние сотрудничества, в котором эго должно оставаться доминирующим партнером.

Западный человек находится в положении дирижера, который не осознает, что у него есть оркестр, или лишь смутно и с перерывами осознает это. Активное воображение - это метод познания оркестра. Это и есть “индивидуализация”. И это, очевидно, только начало. Следующая задача - превратить случайную группу музыкантов в великолепный оркестр. Это настоящая задача дирижера. И, по-видимому, именно это имел в

виду Юнг, когда в конце своей жизни сказал: “Сознание - это высший арбитр”.